

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2010

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
http: //www.msps.ru

*Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертез (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество», Шведского агентства по международному
сотрудничеству для развития (SIDA), группы компаний «Рольф»,
Фонда Ч.С. Мотта.*

Содержание

№ 1 (51) 2010

К читателю 5

Семинар

О проблеме современного понимания «либерального» 7
Владимир Плигин

Тема номера

Власть и общество в посткоммунистической России 20
Андрей Рябов

Круглый стол: Язык гражданского общества 25

Постсоветский человек и гражданское общество 26
Борис Дубин

О языках гражданского общества 36
Александр Согомонов

Кризис

Экономика России после кризиса – что изменилось? 47
Сергей Васильев

Историческая политика

Историческая политика в демократических обществах.
Инициатива гражданина 55
Ютта Шерфер

Дискуссия

Управляемый Интернет: возможности и пределы 63
Наталья Балакирева

Ценности и интересы

Общее как жертва частного 69
Максим Трудолотов

Точка зрения

Плыть по течению 76
Александр Волков

Жизнь в профессии

«... Я хочу рассказать о боли, памяти и памяти» 82
Зоя Ерошок

Идеи и понятия

Политический концепт сетевого управления 87
Сергей Большаков

Наш анонс

Политическое равенство 97
Роберт Даль

Книги

Пятидневная война 102
Сергей Маркедонов

Региональное книжное обозрение 109
Андрей Захаров

Контрапункт 111
Александр Архангельский

Nota bene

Эпистолярный диалог Петра Струве и Семена Франка (1922–1944) 115
Алексей Гапоненков

*В оформлении этого номера
использованы работы авторов из Франции и США*

К читателю

Демократия и права человека не воспринимаются сегодня в России как нечто однозначное и желаемое, как это было в конце 1980-х годов. «Может быть, демократия и хороша, но для нас она не подходит»; «меня больше это не интересует, я просто хочу жить», — такие фразы можно услышать часто. От пережитых социальных испытаний люди устали, и политика, как правило, их не интересует. Снижение зависимости федерального центра от региональных элит в результате проведения избирательной и партийной реформы, маргинализация независимой прессы, уничтожение городских площадей и замена их торговыми центрами фактически убили память о публичном пространстве и даже потребность в нем. Но определенный исторический опыт, которого не хватало в начале перестройки, за прошедшие годы тем не менее появился. Как и понимание того, что общество как таковое и гражданское общество — не одно и то же.

Теперь мы уже знаем, что государство и рынок вырастают из контактов, диалога, переговоров, дискуссий, транспарентности, солидарности, а законодательство лишь оформляет все это в нечто единое. И, следовательно, как граждане мы должны быть заинтересованы в создании нормальной правовой системы. Как знаем и то, что хотя государство само по себе хрупкое строение, но устанавливаемый им порядок необходим обществу даже в промышленно развитых странах, с их разветвленной властной системой и низким порогом терпимости к беспорядку. Поскольку слабый порядок чреват хаосом, однако неоправданно сильный ведет к отмиранию общества, как это произошло в нашей стране при коммунистическом режиме.

Встает тем не менее вопрос, почему в государстве, которое было создано когда-то для упорядочения социального хаоса, со временем возникает потребность именно в гражданском обществе?

*Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»*

Судя по энциклопедическим справочникам и словарям, термин «гражданское общество», суть которого можно выразить лаконичной максимой «подданные демократии не нужны», появился в XVIII веке и после Французской революции 1789 г. стал общепринятым.

В европейских странах сегодня нет единого мнения о том, какими качествами должны обладать граждане в правовом демократическом государстве. По этому поводу существуют две точки зрения. Сторонники первой считают, что в условиях представительной демократии от граждан требуется лишь участие в выборах и избрание профессиональных политических лидеров. И этим участие граждан в политике фактически ограничивается. Управлять жизнью общества, с их точки зрения, должны выбранные политики.

Но существует и другой взгляд на проблему, согласно которому гражданам следует непосредственно участвовать в жизни общества и формировании демократической воли. То есть быть активными, информированными участниками политического процесса и действовать в качестве не только членов партий, но и в рамках гражданских инициатив, лично содействуя решению общественных задач, например, в собственном городе. Однако воплотить в жизнь названные подходы, как показывает опыт, в любом случае непросто, поскольку многое зависит от уровня политической и гражданской культуры.

Сторонники первого подхода полагают, что поскольку государство представляет собой самостоятельно действующую властную структуру, лидеры которой избираются гражданами, вмешательство последних в вопросы общественной значимости не обязательно. Тогда как сторонники второго считают, что в правовом государстве и граждане несут за него ответственность и поэтому вправе контролировать бюрократическую власть через демократически избранные институты.

Обществам западных стран пришлось пройти долгий путь, прежде чем они стали гражданским обществом, в котором люди дорожат демократией, права человека рассматриваются как идеал и равенство перед законом является обязательным для всех. То есть, иными словами, когда власть народа осуществляется с учетом прав и свобод личности, а для их обеспечения — и люди уверены в этом — необходимы верховенство права и равновесие различных ветвей власти.

У нашего общества пока отсутствует представление о себе как о гражданском обществе, так как нет ясного понимания, что суть политической системы не может сводиться лишь к провозглашению формальных законов. В таком случае господство юридического и политического волюнтаризма неизбежно.

Политическая система складывается из конкретных отношений между людьми на основе гражданского и иного права. И как свидетельствует исторический опыт, гражданское общество становится жизнеспособным, когда граждане не только сознают свою ответственность за страну, но одновременно отстаивают свои права и тем самым реально участвуют в развитии современного общества.

О проблеме современного понимания «либерального»*

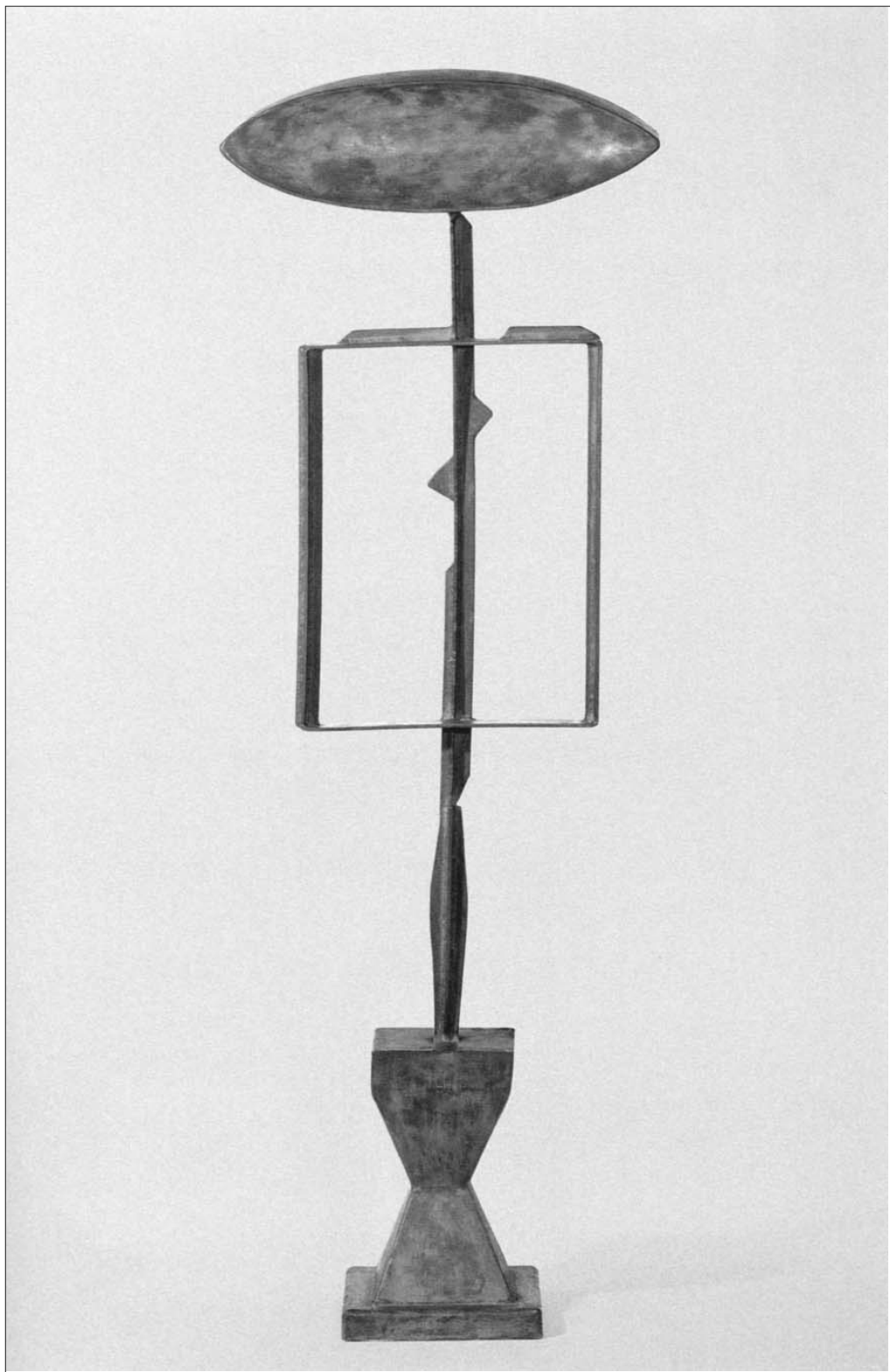
*Владимир Плигин,
председатель Комитета
Госдумы
по конституционному
законодательству
и государственному
строительству*

В рамках проводимых дискуссий важно поговорить по поводу одного абстрактного явления — по поводу принятия или непринятия «либерального» в современном развитии политических процессов. Нужно отметить, что ныне существует вызов понятию «либеральное», и не только в России, он существует в трендах государственной политики многих стран. Недавно сенат Соединенных Штатов Америки рассматривал вопрос дополнительного государственного регулирования банковской и промышленной деятельности. Тенденция увеличения государственного вмешательства в экономику постоянно усиливается, потому что обанкротилась политика отстранения государства от этой сферы. Но одновременно люди прекрасно понимают, что за этим усилением влияния государственного начала возникнет и другая проблема. Если вмешательство государства будет усиливаться, то оно потребует для себя дополнительных властных, организационных, материальных ресурсов, объем которых рано или поздно может принять характер невозможного, излишнего.

Поэтому в рамках того же сенатского обсуждения постоянно звучала такая тема: «мы сохраняем приверженность традиционным формам участия государства, но вынуждены временно сделать в этом смысле нечто большее — в той или иной форме». Таким образом, вызов понятию «либерального», повторюсь, существует не только у нас, но и в других странах.

Что важно применительно к России? Когда мы говорим о «либеральной политике», всегда ли понимаем под этим одно и то же? Я попросил специалистов одного исследовательского центра выяснить, с чем это понятие связывается в восприятии наших граждан. Они ответили, что первым в сознании возникает сло-

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 12 декабря 2009 г.

Пабло Пикассо. Женская голова. 1930

восочетание «либералы 1990-х годов». Это словосочетание вызывает, как говорят специалисты, антинародные коннотации, в то время как само по себе понятие «либеральность», в общем-то, имеет народный, гражданский характер. Действительно, у нас на восприятие либерализма накладывается отпечаток событий 90-х годов.

И очень часто в упрощенной дискуссии ему дается либо крайне негативная, либо суперпозитивная оценка. Но ведь не все люди, которые были вовлечены в сложнейшие процессы 90-х годов, хотели одного и того же, тем более они не могли в желаемой степени воздействовать на события и определять результаты. Страну все же удалось провести через очень сложные процессы и, в частности, принять Конституцию 1993 года. Этот либеральный документ сыграл, несомненно, позитивную роль, особенно с точки зрения сохранения государственности в тот период. Поэтому наполнение словосочетания «либералы 90-х годов» только отрицательным смыслом с исторической точки зрения несправедливо, неточно, и этот вопрос нуждается в дополнительном обсуждении ради общественного согласия по этому поводу.

Следующий момент, связанный с восприятием слов «либералы», «либеральное». Часто упоминаются, как отмечают специалисты, «системные либералы», не враждебные государству, которые логически противостоят неким «силовикам», в свою очередь поголовно причисляемым к стану государственных и патриотов. Эти «системные либералы» являются проводниками некой либеральной политики, которая касается самых запутанных и недоступных пониманию общества проблем, вроде

тех, что характеризуются загадочными терминами «монетизация» или «валоризация». Это второе, с чем связано упрощенное восприятие «либерального» как чего-то противостоящего некоему конгломерату тех, кто обозначается словом «силовики» (тоже, с моей точки зрения, упрощенно).

Негативные ассоциации в связи с либерализмом порождают отторжение существа явления, что, с моей точки зрения, совершенно неоправданно

И, наконец, уж совершенно интересный подход к понятию «либеральное» — это когда оно противопоставляется «либерально-прагматическому», а просто либерализм изображается благопожелательством и донкихотством.

Нужно, однако, учитывать один очень важный аспект. Ведь все эти толкования влияют на наше поведение, на систему, на нашу жизнь. Негативные ассоциации в связи с либерализмом порождают отторжение существа явления, что, с моей точки зрения, совершенно неоправданно. Поэтому необходимо, наверное, когда мы говорим о «либеральном», подразумевать под этим прежде всего то, что в свое время было заложено в это понятие основателями теории либерализма — Смитом и Локком. Это относится в первую очередь к естественным правам человека — праву на жизнь, собственность, свободу, возможность высказывать собственное мнение, свободу вероисповедания, праву на равное применение ко всем гражданам норм закона и беспристрастность суда. Собственно говоря, это и есть содержательная часть «либерального» в рамках противопоставления каким-то другим явлениям. И эта содержательная часть подразу-

мекает автономию личности, то есть достаточно высокую ее независимость, но вместе с тем и ответственность за себя. Сочетание независимости и ответственности не предполагает оценки либерализма как донкихотской.

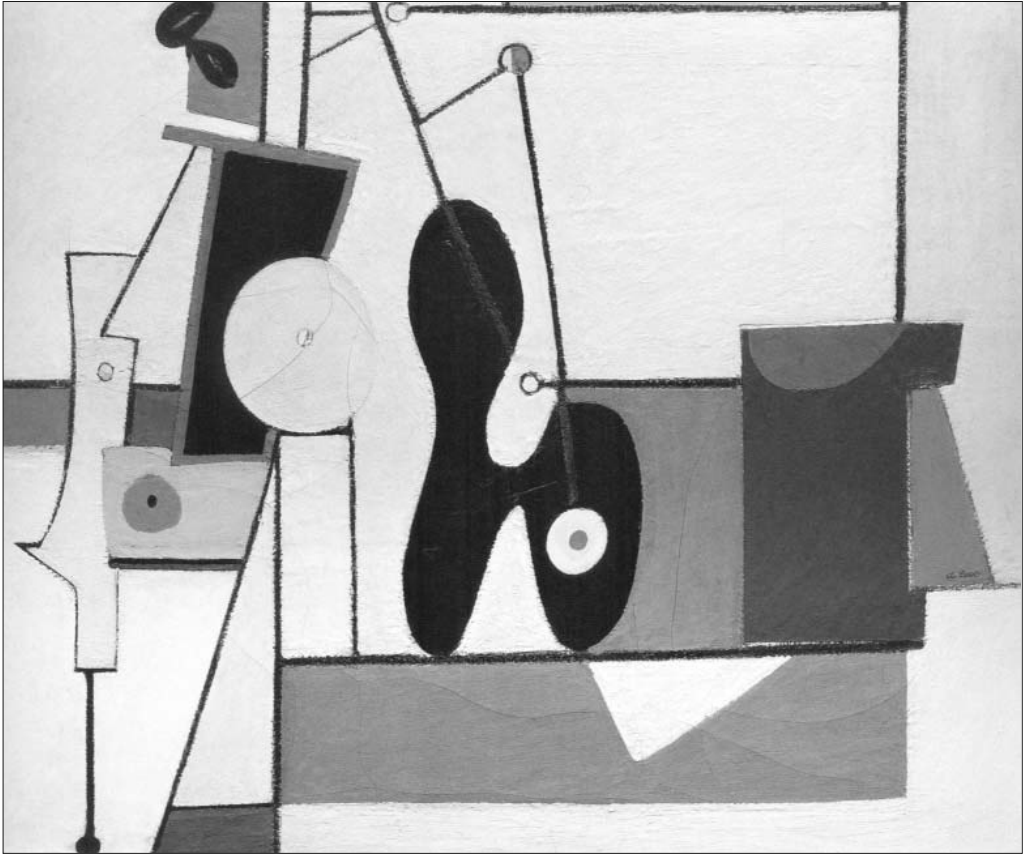
Либеральная доктрина базируется на рыночной экономике, которая, на первый взгляд, принесла обществу достаточно много проблем. Сейчас уходит в прошлое советская инфраструктура, и рыночное предложение пока не заменило ее. Мне говорят: вы ничем не заменили прежнюю систему, разрушая ее. К сожалению, для того, чтобы все заново сложилось, требуются годы и годы. Но в конечном итоге, если мы хотим построить нормальное, «вменяемое» общество, которое признает те естественные права, о которых говорилось выше, нам придется ориентироваться на частную собственность во многих ее проявлениях. Хотел бы подчеркнуть, что речь идет необязательно только о крупной или суперкрупной собственности, а прежде всего о малом и среднем бизнесе.

Тенденции здесь крайне разнообразны. Например, недавно в Генеральной прокуратуре Российской Федерации в рамках научно-экспертного совета анализировались предложения, связанные с ответственностью собственника-учредителя за выдачу заработной платы. Если ее не выдает юридическое лицо, то по нынешнему законодательству за это отвечает руководитель. Казалось бы, абсолютно логично было бы распространить эту ответственность, в том числе уголовную, на лиц, которые являются учредителями, собственниками. Но за этой нормой есть другая огромная проблема. Мы обязываем собственников выплачивать налоги, сохранять штат, и если мы создадим у них еще одну зону неуверенности, связанную с привлечением к ответственности за действия менеджмента, то это приведет к сокращению

числа собственников и крайне осложнит решение стратегической задачи, связанной с созданием среднего класса. Следует подчеркнуть, что это, с одной стороны, теоретический вопрос, но, с другой стороны, он имеет абсолютно прагматичный смысл. Если мы выстраиваем свободное общество и формируем частную собственность и соответствующие зоны ответственности, логично было бы применять жесткие меры в отношении не выполняющих свои обязательства собственников, но их приходится откладывать, сообразуясь с конкретной ситуацией.

Происходящие в нашей жизни трагедии вызывают острое желание реагировать. И реагировать жестко. Но «либеральное» подразумевает очень высокое уважение к праву на жизнь, которое надо рассматривать применительно и к виновникам трагедий — преступникам. Один из моих знакомых, очень жесткий человек, изучил 500 уголовных дел, среди которых он обнаружил 3 сфабрикованных. По ним могли быть вынесены смертные приговоры; если бы применялась смертная казнь, были бы убиты невинные люди. Если в обществе отсутствуют защитные механизмы и допускается возможность применения смертной казни, цена такого небрежения человеческой жизнью совершенно неприемлема. Уважение к праву на жизнь, как и к праву на собственность, — важнейшие сущности, которые нужно точно понимать.

Понятно, что многих из вас интересует свобода СМИ. Мы неоднократно говорили на эту тему. С моей точки зрения, здесь важно следующее. Если человек становится участником власти, идя на это добровольно, то он таким образом соглашается и на самое пристальное внимание со стороны средств массовой информации ко всем сторонам его жизни. Ибо «либеральность» подразу-

Пабло Пикассо. Студия. 1927–1928

мекает такую важнейшую сферу, как правовое и политическое равенство возможностей граждан, хотя, разумеется, у нас разные исходные возможности для достижения того или иного результата — интеллектуальные, материальные и др. Но в развитом обществе поэтому и создаются правовые и социальные условия для наиболее полной реализации потенциала всех граждан. Без разделения их на более или менее «перспективных», исходя из универсальных критериев ценности каждого. Таков идеал, но, к сожалению, не реальность. Специальные исследования в Германии показали, что дети из более высоких слоев общества чаще всего занимают высокое положение, социальные лифты перестают работать. Это касается и нашей страны.

В классической либеральной мысли особое место занимает понимание назначения государства. В России государство обожествлялось, что было связано с его формированием, централизацией власти, расширением Российской империи. Империя заняла огромнейшую территорию, что предполагало контроль над ней центральной власти, наделенной сакральным смыслом. Ценность личности была минимальной, как, впрочем, и в постимперской стране.

В либеральной мысли государство существует для того, чтобы гражданам было удобно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в безопасности. Иными словами, государство должно обеспечивать правопорядок, социальную ин-

фраструктуру и безопасность. Бесконтрольное усиление государства крайне опасно, потому что ведет к подавлению общества. Всегда должны быть ограничители полномочий государства.

Понятие «либеральный» имеет несколько уровней. Первый, в соответствии с классификацией Бориса Капустина, — идеология политически организованных сил, которые объявляют себя носителями либеральных идей; второй — уровень общественного сознания; и третий — уровень практической деятельности государства и субъектов гражданского общества. Эти уровни всегда взаимосвязаны, но в ряде случаев действуют автономно. Нужно понимать, что выстраивание либерального общества, политики, создание соответствующих механизмов займет у нас определенный период времени. Но здесь есть еще одна проблема. Механизмы выстраивания либерального не абстрактные, они формируются в том числе через систему оппозиционной политической деятельности, оппозиционных партий, которые выдвигают и отстаивают конкурентные идеи и цели. Общество, где отсутствуют оппозиционные институты, лишено эффективного механизма сдержек и противовесов; в нем сложно реализовать принцип реального разделения властей; затруднен приток свежих идей и мнений. Возникает риск застоя, потери обратной связи с населением, неизбежны большие затраты государственного бюджета на легитимацию идеологии и политики правящих сил. Это дорогостоящее телевидение, разрастание бюрократического аппарата, силовых структур для обеспечения контроля над обществом. С другой стороны, оппозиционная энергия, лишенная возможности легитимной реализации, может найти выход в деятельности недружественных акторов политиче-

ского процесса, в том числе экстремистской и террористической.

И еще. Отсутствие условий для оппозиционной деятельности ведет к тому, что целый ряд политиков и активных людей оказываются невостребованными, происходит сжатие поля интеллектуальной и политической мысли, обеднение потенциала развития страны, снижение мотивации для участия в общественной дискуссии и политической жизни.

В настоящее время, когда мы находимся в процессе формирования гражданского общества, существуют разные представления о направленности его развития.

Мировой кризис вызвал, в частности, новый интерес к «Капиталу» Маркса, поскольку обанкротилась — вот с чего мы должны были бы начать разговор — неолиберальная модель, которая слабо соотносится с классическим либерализмом. Неолиберальный путь развития обнаружил серьезные изъяны, которые привели к весьма ощутимым социально-экономическим потерям для всего мира и дискредитации возможностей либерализма как такового.

Главная идея либерализма — концентрация внимания на человеке как главном субъекте в системе общественных координат. Конституция Российской Федерации гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, защита и соблюдение прав человека и гражданина — это обязанность государства». В сложных обществах, находящихся в переходном периоде, политическая практика может иногда устанавливать более жесткие стандарты для участия в политическом процессе политическим партиям. Однако по мере стабилизации ситуации возникают дополнительные возможности и соответственно — предложения политическим, в том числе оппозиционным, партиям.

Дискуссия

Елена Немировская, основатель и директор Московской школы политических исследований:

— Спасибо большое, Владимир Николаевич! В моем восприятии слово «либеральный» прежде всего вызывает мысль о свободе, которая только и может держаться на ответственности, причем на индивидуальной ответственности. Самое трудное — как это выстроить. Иногда кажется, что это невозможно, но по-другому не получается. Думаю, можно что-то сделать только начиная с воспитания собственных детей. Дети уже должны расти с этим абсолютным чувством индивидуальной свободы и ответственности. Как этого добиться, я не знаю, может быть, прежде всего — собственным поведением, собственным примером. Слова Конституции важно утверждать своей биографией.

Владимир Плигин:

— То, о чем говорит Елена Михайловна, имеет, помимо прочего, очень прагматичное значение. Оно заключается в том, что если нет такого общего восприятия соотношения свободы и ответственности, то, например, не может по-настоящему работать суд. В судах заседают у нас 32 тысячи человек только судей, и они, принимая решения, не могут не испытывать влияния собственного восприятия свободы, справедливости, степени воздействия принуждения. Англичане проводили исследования, связанные с деятельностью судей в уголовных делах. Оказалось, что через три года у них наступает профессиональная аберрация, и они начинают выносить очень жесткие решения. Воспитать ощущение свободы крайне сложно. С собственными детьми это особенно сложно делать, но важно хотя бы понимать эту цель.

Марина Скорикова, редактор собственных программ программного отдела ООО «Независимая ТелеМедиа», Ярославская область:

— Владимир Николаевич, в самом начале вы сказали о тенденции усиления государственного контроля над экономикой. Действительно, в Ярославской области год назад было национализировано крупнейшее предприятие НПО «Сатурн», его акции были переданы госкорпорации «Оборонпром». Но в обращении к Федеральному собранию президент России сказал о возможности и необходимости уменьшения числа госкорпораций. Какие перспективы у крупных предприятий?

Владимир Плигин:

— В стране долгое время практически не было ни одной структуры, которая производила бы конечный сложный продукт. Мы, отказавшись от специализированных министерств, например судостроения, авиационной промышленности, распылив их предприятия, создали ситуацию, когда исчезла единая система ответственности за производство конечного продукта. Поэтому была предпринята попытка создания государственных корпораций как иной формы управления. Эта форма частично сработала, частично нет. Добавлю, что 16 миллионов человек живут в моногородах, что порой обостряет ситуацию, особенно при закрытии ставших ненужными производств. Губернаторы в целом ряде случаев совершенно оправданно выступают тормозом ликвидации таких предприятий. Государство будет выстраивать разные механизмы смягчения этой ситуации. Например, в случае увольнения человек должен получить первоначальный стартовый капитал, чтобы можно было начать свой небольшой бизнес. Государство будет тратить деньги на переподготовку работников, но оно тем не менее рассчитывает на то, что люди активного возраста должны и сами заботиться о себе. Государство, возможно, будет тратить деньги на социальное жилье для тех, кто готов переехать в регионы, где есть рабочие места. Давно прошли времена военно-административной модели расселения граждан по территории; сейчас для освоения природных ресурсов, особенно на неприветливых землях, наиболее приемлем вахтовый метод. Времена, которые нам придется пережить, — это непростые времена.

Андрей Епифанцев, заместитель генерального директора ЗАО «Группа Нью Вейв», Москва:

— Позвольте два вопроса, которые в огромной степени и долгое время волнуют российское и московское общество. Первое — это разница в возможностях «Единой России» и всех остальных партий. ЕР имеет все права, а у остальных они отсутствуют либо тщательно контролируются. В качестве примера можно привести два случая. Я имею в виду, в частности, закон о митингах, шествиях и демонстрациях, если правильно его называю. После страшной трагедии с крушением Невского экспресса «Единая Россия» провела митинг в память о жертвах. Слава богу, что провела. Но при этом было нарушено требование закона о заблаговременном оповещении. Такое прощается только «Единой России». Второе — в Москве очень тяжелая ситуация с транспортом, пробки и т.д. Каждый выезд в народ наших уважаемых президента и премьера превращается в транспортную трагедию, когда блокируются целые проспекты, Садовое кольцо, 3-е транспортное кольцо. Но самое страшное — это съезды «Единой России», когда блокируются не проспекты, а весь центр города. Число людей, которые страдают от этого, измеряется сотнями тысяч. О каком равенстве, о каком социальном государстве мы говорим? Чем москвичи и питерцы провинились перед «Единой Россией»?

Владимир Плигин:

— Вы имеете право на эти вопросы. Я только хотел добавить, что пострадали, видимо, не два города, потому что в последнее время съезды проводятся в разных городах. Это первое. Второе — о равенстве. Мы предпринимали очень много усилий для решения проблем дорожного движения. Нам удалось уменьшить число «мигалок» в стране с 7000 до 980. Есть обязательные требования по обеспечению безопасности в отношении, кажется, девяти лиц — президент, премьер, председатели всех судов, нескольких других людей. В отношении всех остальных мы выступали категорически против.

Следующая проблема — проблема однопартийности или оппозиции. В условиях двухсотпартийной системы (одно время у нас было 200 партий, потом 49), расползания политической структуры нужно было найти механизм сохранения государственности и целостности общества. Такого рода механизмом стала «Единая Россия». На выборах 2007 года «Единая Россия» получила 64,3% голосов избирателей, принявших участие в голосовании, при 59%-ной явке. То есть партию пришел поддержать 41% граждан избирательного возраста, 35,7% активных избирателей голосовали за оппозиционные партии. Это политический процесс выстраивания системы. Есть проблема выстраивания здоровой оппозиции. Существует большое число видов оппозиционной деятельности, но если мы говорим о политической оппозиции, очень важно, чтобы правящая партия и оппозиционные силы представляли некую общую ценность, которая является ценностью для того общества, в котором они находятся, ценность единства этого общества.

Наталья Яковлева, член правления Russian-American Association, учредитель Общественной палаты, г. Ярославль:

— Считаете ли вы имеющиеся оппозиционные течения достаточными для создания нормальной системы сдержек и противовесов? И второй вопрос: считаете ли вы, что попытка «Единой России» запустить проект «Кадровый резерв — профессиональная команда страны» — это и есть часть системы социального лифта?

Владимир Плигин:

— По первому вопросу могу сказать — конечно же, не считаю. В настоящее время никак не получается проект партии «Правое дело». Если вы мне скажете, что его все время сверху запускают, потому и не получается, то отвечу: надо понимать, что партийная система выстраивалась сверху не только в Российской Федерации, так было, например, в Германии. Есть испанская модель, японская и другие. Но получается что-то или не получается, зависит все же от участников процесса.

Не так давно мы обсуждали в Институте современного развития доклад «Проблемы судебной системы Российской Федерации», и один из участников обсуждения сказал: «Мне кажется, что вы выстроили механизм, при котором деятельные люди не становятся у вас присяжными. Представители среднего и крупного бизнеса не идут в присяжные, потому что они очень заняты своим делом». Блестящий пример ограниченности сознания российской буржуазии. Оно пока еще находится в зародышевом состоянии. Никто не думает, что, оказавшись на месте подсудимого, он может получить максимально строгий приговор или, как минимум, его признают виновным хотя бы в силу некомпетентности или просто из-за классовой ненависти. Нежелание или неумение правых сил объединиться — это недостаток понимания своей роли в жизни и тех задач, которыми нужно заниматься. Поэтому и выходит, что политическая система не выстроена так, чтобы полностью обеспечивать институт сдержек и противовесов.

Второй вопрос: в какой-то момент все осознают, что брать на работу только своих знакомых или по протекции невозможно. Поэтому кадровый проект «Единой России» был нацелен на то, чтобы эффективно использовать потенциал максимально широкого круга действительно профессиональных людей. Я могу вам сказать, как формировалась «президентская тысяча». 158 экспертов, которым было дано поручение написать по 12 имен людей из разных сфер деятельности, заполнили закрытые анкеты. Если имена совпадали по нескольким спискам, то они попадали в ту или иную часть президентской команды. У экспертов был один недостаток — они только московские. Эта система должна быть, конечно, усовершенствована и действовать на всех уровнях, а не только при формировании управленческого корпуса.

Елена Немировская:

— Если Владимир Николаевич позволит, приведу пример, но не из политической сферы. Проект Школы, как вы знаете, существует на средства различных международных фондов — и государственных, и частных. Мы обращаемся за помощью к российскому бизнесу, но есть только один человек, который помогал нам, это Сергей Петров, компания «Рольф», хотя его компания, как и любые другие, страдает от кризиса. Думаю, что другие не участвуют в нашем проекте не просто из-за какого-то опасения, что это какая-то чуждая оппозиционная инициатива. Я пытаюсь рассказать, что это и есть гражданский проект, потому что мы говорим о гражданских темах, о проблемах России. Они пока просто не понимают, что надо вкладываться в гражданские, общественные проекты, чтобы обеспечить благоприятную среду для собственной деятельности. Здесь та же история, что и с судом присяжных.

Андрей Некипелов, председатель правления Фонда общественного развития, Челябинская область:

— Интересно, Владимир Николаевич, ваше мнение, с какой целью в Кремле создавался проект «Правое дело»? И какова политическая перспектива этого проекта?

Владимир Плигин:

— Кремль сложное явление, и нельзя Кремль подозревать в каком-то постоянном лицемерии. Проект создания «Правого дела» родился из того, что многими осознается необходимость формирования представительства во власти тех людей, которые обозначают себя как представители бизнеса. И пока это не состоится, у нас будет ощущаться пустота на этом направлении. Присутствие такого рода партии во власти означало бы консолидацию группового сознания, политическое лоббирование, продвижение необходимого законодательства. Очень часто те или иные слои населения говорят: вы не учитываете наше мнение при принятии решений. А кто поможет внятно сформулировать это мнение? Вот если бы существовала общественная сила, которая представляла бы конкретную группу интересов, если бы она пригласила специалистов, которые способны сформулировать альтернативную позицию, то, скорее всего, она бы вызвала интерес. Перспектива «Правого дела» полностью зависит от людей, которые им сейчас занимаются. Не получится это у этих людей, тогда, видимо, проект будет начат еще раз, кем-то другим. Но все равно он должен состояться.

Анна Дерина, Самарский государственный университет, сотрудник международного отдела:

— Недавно прочла статью в «Washington Post», в которой один из членов редакционной коллегии утверждает, что в Российской Федерации нет политической активности, необходимой для построения либерального общества. Он назвал интересную причину: люди боятся ответственности. Как вы считаете, справедливо ли это утверждение, и есть ли политическая активность? Если нет, то по какой причине? Второй вопрос. Стало известно, что суд присяжных введут на территории всего государства, будет ли это эффективно, то есть готовы ли к этому люди?

Владимир Плигин:

— Что касается политической активности, то вы же здесь присутствуете сейчас. Это форма политической активности. Мы на эту тему говорили с Виталием Третьяковым, кажется, даже передача была на эту тему, я повторю общую идею. В силу некоей запущенности дел, допустим, в регионе, в городе, возникает очень серьезная активность на уровне муниципальных образований. Депутаты муниципальных образований вынуждены быть активными, чтобы отстаивать те или иные интересы, проекты. Таким образом, политическая активность нарастает. Что касается оценок нашего общества, которые даются в иностранной журналистике, то они нередко дань традиции. Сейчас только можно ожидать, что в этом смысле что-то изменится: уходит когорта прежних советологов, которые затратили море усилий на критику нашей страны. Меняется ситуация в мире, в России, формируются новые оценочные критерии, наше общество становится более сложным.

Что касается деятельности суда присяжных, несомненно, она дает эффект. Она нередко раздражает представителей правоохранительных структур или следствия. Но, так или иначе, они начинают работать с судом присяжных, начинают ориентироваться на новые формы работы, это очень важно. Но с судом присяжных есть одна проблема.

Я приведу не очень, может быть, удачный пример, но тем не менее... Возможно, кто-то из вас слышал о деле Симпсона, очень известного американского спортсмена, обвиненного в убийстве двух человек. Композиция присяжных сложилась таким образом, что это были темнокожие, они боготворили подсудимого, поэтому вынесли оправдательное решение. После этого уже гражданский суд с другим составом присяжных взыскал с него деньги в качестве компенсации семьям убитых.

Я выступал за прекращение деятельности суда присяжных на территории Ингушетии по просьбе, кстати, ингушской общественности. На территории Чечни тоже пока неразумно участие присяжных в процессах в отношении некоторых категорий населения, учитывая ситуацию в республике. В течение какого-то времени отказывались от суда присяжных на территории Ирландии, особенно в тех случаях, когда преступления совершались в небольших сообществах, потому что слишком высока была угроза присяжным. Суд присяжных сыграет положительную роль, но это элемент культуры правосудия, которую надо формировать и внедрять.

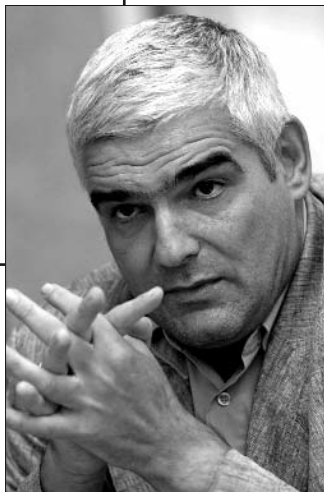
Людмила Савочкина, помощник депутата Государственной думы РФ, г. Саратов:

— Вы сказали, что наличие оппозиции — признак либерализма, а ее отсутствие ведет к застою. Я хотела бы спросить: провозглашенный на последнем съезде ЕР российский консерватизм — это не путь к застою? Почему именно «российский консерватизм»? Это как демократия и «суверенная демократия»? Он какой-то особый?

Владимир Плигин:

— На эту тему, как мне кажется, была недавно очень интересная статья в «Российской газете» Константина Косачева, которая раскрывает понимание консерватизма в российском контексте. Идеология партии испытывает постоянное давление со стороны ряда идейных течений — патриотического, социально-консервативного, либерально-консервативного.

Наполнение любой идеологии всегда конкретно и привязано к стране, к ее истории, традициям. Поэтому «консерватизм» применительно к партии «Единая Россия» привязан именно к ценностям и истории России, и в этом смысле он «российский». Консерватизм в идеологии «Единой России» вовсе не означает сохранение реальности, отказ от реформ и модернизации, а тем более от демократических преобразований.

*Андрей Рябов,
член научного совета
Московского центра Карнеги*

Власть и общество в посткоммунистической России

В анализе эволюции взаимоотношений власти и общества в современной России в контексте развития политической системы наиболее важными являются такие факторы, которые непосредственно влияют на политические изменения, то есть на внутривластные отношения, на характер политических институтов и в конечном итоге на содержание политики. Поэтому дальше речь пойдет об обществе не как акторе, а как среде, в которой действует единственный сегодня в нашей стране актор — государство. При этом подчеркну, что именно из названной среды, а она может быть разной и по-разному реагировать на действия власти и по-разному эволюционировать, формируются гражданские акторы, прежде всего НПО, благодаря которым в решающей степени и вырастает в итоге гражданское общество.

Нет сомнения, что сегодняшний характер взаимоотношений государства и общества или власти и общества в России — это продукт эволюции, начавшейся после антикоммунистической революции конца 1980-х — начала 1990-х годов. Остановлюсь коротко на характеристике двух аспектов позднесоветского общества, важных для понимания нынешней ситуации.

Во-первых, к концу своего существования это общество стало уже потребительским (начало процесса его формирования связано с реформами Н. Хрущева), но в силу разных причин, и прежде всего длительного тоталитарного прошлого, оно не смогло стать гражданским. Как убедительно показано в работах Ханны Арендт и других авторов, тоталитарное общество, несмотря на, казалось бы, его консолидацию и внешний солидаризм, глубоко атомизировано. В таком обществе все формы солидарности навязываются исключительно сверху. Поэтому его реакция на изменения и на ту политику, которая стала проводиться в период перестройки, не случайно приобрела потребительский характер. Или, как говорят социологи, поведение ак-

тивной части населения в этот период приобрело характер «потребительской революции», имея в виду под этим смену общественной и политической системы ради удовлетворения сугубо потребительских запросов, которые невозможно было удовлетворить в рамках прежней системы.

Во-вторых, после неожиданного, стремительного распада прежней системы в таком обществе появились фактически сразу два разных социальных пространства, благодаря которым возник консенсус между властью и обществом. Одно — социальное пространство новых постсоветских элит, очень скоро ставшее пространством власти, которая еще в период антикоммунистической революции четко осознала свои стратегические цели — захват ресурсов «трофейной» советской экономики и интеграция в глобальную экономику. Второе пространство принадлежало подавляющей части населения позднесоветского общества, оказавшегося в положении человека, брошенного в воду, но не умеющего плавать. В отличие от элит общество своих целей не осознавало. Оно столкнулось с жесткими реалиями: распадом традиционных институтов, социальных структур, привычного образа жизни и привычных ценностей. И поскольку оно было атомизировано, его солидарные гражданские формы конца 80-х годов оказались неустойчивыми. Тем не менее многим казалось тогда, что очень скоро начнется в стране процветание и резко повысится уровень жизни большинства населения. Напомню о выступлении Б. Ельцина в октябре 1991 года на съезде народных депутатов России, посвященного гайдаровской программе реформ, когда он сказал примерно так (если свести его тезисы к одной фразе): несколько месяцев очень тяжелых ис-

пытаний, а затем — невиданный экономический подъем и всеобщее благоденствие...

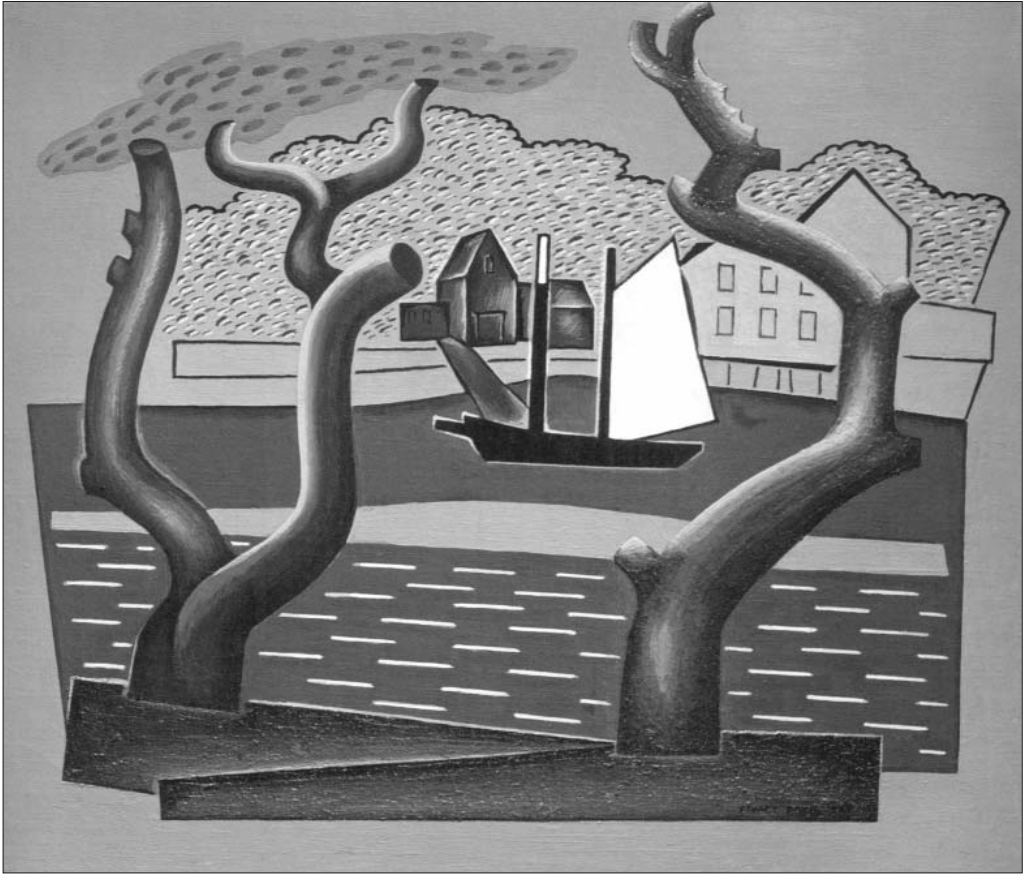
В такой ситуации и возникла форма взаимодействия постсоветской элиты и большей части общества, которую можно охарактеризовать как негативный консенсус. Тогда элите было очень важно в течение короткого периода решить свои задачи — овладеть ресурсами и интегрироваться в глобальный мир. А общество, лишенное ресурсов и не имеющее навыков гражданской жизни и рыночной экономики, вынуждено было приспособливаться к изменившимся условиям. Поэтому названный консенсус может быть выражен формулой: мы не трогаем вас, а вы не вмешивайтесь в наши дела; мы вам не платим зарплату, а вы не платите налоги; мы делим бывшую государственную собственность, а вы делайте, что хотите, — работайте, торгуйте или не работайте. Даже можете криминалом заниматься, только нам не мешайте и в наши высокие дела не вмешивайтесь.

Другими словами, это был своеобразный пакт о ненападении, или общественный договор, но не на принципах позитивного консенсуса о какой-то совместной цели, строительстве общего будущего. Здесь уместно вспомнить, как в 90-е годы понималась свобода на уровне массового сознания. Данные социологических опросов показывают, что от 60 до 70% россиян в это время воспринимало свободу как возможность быть хозяином своей судьбы, то есть не в правовых и не в политических терминах, а в смысле «воли». Что вполне естественно, если иметь в виду, что именно о такой свободе, прежде всего *от* государства, причем не только советского, но и того, которое существовало раньше, мечтали многие поколения подданных Российской империи, а

потом Советского Союза. Именно желание обрести волю влекло когда-то крепостных крестьян от феодального гнета на окраины империи создавать казачьи общины и другие формы самоуправления, которые помогли России в течение 55 лет — за рекордные в истории сроки — пройти огромную северо-восточную часть Евразии от Уральских гор до Тихого океана. То есть фактически эта была форма политического эскапизма, как бы мы сказали сегодня, возродившегося в 90-е годы, когда наблюдался незаметный невооруженным взглядом, но хорошо заметный социологам своеобразный ренессанс традиционных и, казалось бы, уже забытых элементов культуры политического «андерграунда» — старой русской альтернативной политической культуры. В русле этой традиции на вопрос «Какую политическую систему вы считаете наиболее демократической» респонденты отвечали: Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации. Социологи тогда долго думали, почему у людей столь странные оценки, а потом выяснилось, что ответ прост: и в Российской Федерации, и в Соединенных Штатах (хотя в Штатах это не совсем так) граждане напрямую выбирают своего национального лидера, вожда, начальника. Это и есть часть традиции прошлого — альтернативной контркультуры казачьих и прочих независимых крестьянских общин. Мы выбираем себе «атамана», и он владеет нами, как хочет... Надо сказать, что консенсус, основанный на таком понимании свободы, открывал возможность вольного выбора каждому. И мне представляется, что властная элита тогда это хорошо понимала. На самом деле она предложила

обществу то, к чему оно было готово. Оно не было готово к свободе *для*, а хотело получить волю, то есть свободу от каких-то обязательств перед государством, различными социально-профессиональными группами. Оно просто хотело стать хозяином своей судьбы. Разумеется, можно по-разному оценивать этот консенсус. Да, он не создавал условий для осуществления глубоких реформ, но, на мой взгляд, сыграл тем не менее очень позитивную роль в сохранении политической и социальной стабильности в стране. При хроническом дефиците ресурсов он прививал обществу первые навыки автономного поведения, направляя его к тому, чтобы оно становилось автономным игроком. А критической точкой в таких взаимоотношениях общества и власти, после которой в конечном итоге последовала смена консенсуса, стал августовский дефолт, финансовая катастрофа 1998 года, подорвавшая основы личной инициативы и самоорганизации. Поэтому в начале 2000-х годов общество фактически добровольно, без всякого насилия над ним, отказалось от автономности, передав все права на формирование политики государству, которое снова становится ключевым, а затем и единственным социальным и политическим актором. В результате этого начинает складываться новый консенсус, хорошо описанный экспертами Института современного развития, в частности Александром Аузаном. Суть этого консенсуса кратко можно выразить так: общество отказывается от права участвовать в политике, от несанкционированной властью социальной активности, в обмен на то, что государство начинает проводить политику повышения благосостояния*.

* См.: Александр Аузан. Кризис и дискуссия об общественном договоре. // *Общая тетрадь*, № 3 (49), 2009. — С. 10–25; Аузан А.А. *Три публичные лекции о гражданском обществе*. — М.: ОГИ, 2006.

Стюарт Дэвис. Утренний американский пейзаж. 1925

Условия для формирования этого консенсуса были более чем благоприятные: начался экономический рост, цены на нефть и газ взлетели до невиданных ранее величин, у правительства появились финансовые средства, которых катастрофически не хватало в 90-е годы. И до глобального кризиса 2008 года новый консенсус казался неизблемым. Но как только волны кризиса докатились до России, многие эксперты стали говорить, что правительство будет уже не в состоянии выполнять свои обязательства как раньше. Появились прогнозы, что существующий консенсус скоро рухнет и взаимоотношения между властью и обществом изменятся. Но прошел год, и все осталось по-прежнему. Хотя мож-

но, конечно, рассуждать о том, что кризис еще не закончился, но я думаю, что о некоторых промежуточных итогах в связи с ним тем не менее сказать можно.

В сегодняшних рассуждениях о неизбежной смене консенсуса в условиях кризиса, на мой взгляд, не учитываются два важных фактора. Первый — это сохраняющаяся высокая адаптивность атомизированного общества. Такое общество всегда эластично. Оно достаточно легко приспосабливается к новым условиям. Об этом писали, в частности, несколько лет назад Л. Гудков и Б. Дубин, отмечая, что российское общество не протестует не потому, что оно не хочет жить лучше, а потому что опасается вообще каких-либо перемен.

А это значит, что ему фактически безразличны моральные и политические оценки того, что происходит в стране. Да, какие-то действия власти и какие-то изменения социально-экономической ситуации могут на уровне массового сознания оцениваться по-разному, но это отношение не становится импульсом к реальным переменам в стране, потому что, повторяю еще раз, общество атомизировано еще с тех пор, когда началась история современной постсоветской России. Но, пожалуй, даже не это самое главное.

Главное, что в условиях посткоммунистического развития на уровне индивидуальных стратегий появилось достаточно много успешных людей, что позволило им, дистанцируясь от общего социального и политического контекста, решать собственные проблемы самостоятельно. Это не только класс предпринимателей, которые считают возможным работать в такой среде. Это и успешные, востребованные на рынке менеджеры и специалисты, и представители свободных профессий — частнопрактикующие юристы, адвокаты, журналисты и др., осуществившие свою личную модернизацию без каких-либо форм горизонтального гражданского взаимодействия, которые оказываются, как правило, ими не востребованными. И перед обществом, а не только перед властью встает в этой связи конкретный вопрос: как взаимодействовать с этими людьми?

Если иметь в виду власть — в широком понимании этого слова, — то она, судя по всему, находится перед сложным выбором: между явным стремлением к ужесточению контроля над обществом и одновременно опасением, что такой прессинг может вызвать серьезное недовольство, как показала известная история с автомобилистами. Сталкива-

ясь с успешными акциями протеста, люди во власти, принимающие решения, постепенно начинают понимать, что атомизированное общество, будучи идеальным объектом для манипуляций, — очень важный ресурс для сохранения стабильности политической системы. А наступление на интересы успешных групп населения приводит к тому, что они начинают протестовать и втягивать в такую активность другие группы населения. И даже если у власти, опирающейся на давнюю традицию, есть желание ужесточить и расширить свой контроль, перспектива такого сценария ее останавливает. Повторяю, власть, на мой взгляд, начинает осознавать, что нынешнюю систему в сторону ужесточения изменять все же не стоит, поскольку именно консервативное большинство, которое не хочет никаких перемен, является основой устойчивости и долговременности нынешних порядков.

Следовательно, исходя из этого краткого историко-политического обзора, можно сделать такой вывод: быстрое превращение общества в актора возможно лишь тогда, когда успешные социальные группы и их интересы будут каким-то образом либо ограничены, либо их реализация будет заблокирована. Только в этом случае эти группы начнут коммуницировать друг с другом, создавая различные, не только сетевые, солидаристские структуры. Это будет сопровождаться выдвижением конструктивных общественных требований и формулированием конкретных программ социального действия. Потребуется и соответствующий язык для анализа новых задач и обсуждения проблем гражданского общества, формирования новой политической культуры и создания правового государства.

В мае 2010 г. на сайте Школы запускается проект «Гражданская энциклопедия» (см. club.msps.su). К участию в проекте приглашаются все, кого интересуют проблемы развития гражданского общества и правового государства в России.

Ниже публикуются материалы круглого стола «Язык гражданского общества», состоявшегося в конце декабря прошлого года по инициативе Школы в Институте русского языка РАН, посвященного обсуждению концепции Гражданской энциклопедии.

Круглый стол: Язык гражданского общества

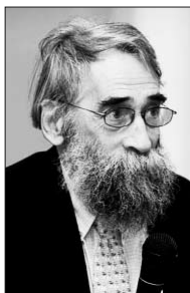

*Елена Немировская,
основатель и директор
Московской школы политических исследований*

Цель нашей встречи — междисциплинарное обсуждение концепции Гражданской энциклопедии. Вокруг каких главных терминов и понятий должна создаваться Энциклопедия, что является ее стержнем — свобода, права человека, правозащитная деятельность?.. Какое гражданское общество мы строим? Может быть, оно не складывается потому, что нет соответствующего языка? Как быть — развивать язык или гражданские практики? Кому должна быть адресована Энциклопедия?

Как мне представляется, поиск ответов на эти и другие вопросы помогут всем участникам нашего проекта понять, что важнее: общество для государства или государство для общества? И почему нам — как гражданам — надо стремиться к достижению баланса между обществом и государством?

И второе, на что я хотела бы обратить внимание, предваряя дискуссию. Обсуждая концепцию проекта, мы должны думать не только о содержании терминов, но и о том, как они употребляются в других культурах. Только из сравнительного их анализа, я уверена, у нас появится более ясное представление о том, что такое язык гражданского общества.

*Виктор Живов,
заместитель директора Института русского языка РАН,
профессор Калифорнийского университета в Беркли*

На мой взгляд, то, что мы начинаем сегодня обсуждать, очень важно для нормальной жизни нашего общества. А именно — понимание того, до какой степени мы пользуемся языком, а язык пользуется нами. Или, другими словами, до какой степени язык подчиняет себе человека и в особенности общественное созна-

ние. И как в XX веке менялись и искажались смыслы слов, или, если не вводить оценочные категории, как податлив оказался смысл гражданско-политического лексикона к потребностям политической жизни.

Я не занимаюсь современным языком, но если посмотреть на такие известные памятники советского прошлого, как, скажем, Словарь Ушакова 20-х годов, или Словарь Ожегова (первое издание 1946 г.), и на то, как в них определялись основные идеологические понятия, мы получим вполне адекватное представление о системе сталинизма. А затем, если теми же глазами посмотрим на сегодняшний политический узус, то есть на общепринятое употребление слов, то увидим, как далеко пока это от того, что должно было бы быть в нормальном гражданском обществе. Я имею в виду появление в языке таких, например, странных понятийных гибридов, как «суверенная демократия» и т.д. Это ведь не только политические концепты, но и определенное лингвистическое развитие. Это развитие языка. И, я думаю, если у нас будет какое-то руководство, которое вело бы читателя по путям здравого смысла и общепринятых дискурсивных практик, сложившихся в современном свободном мире, это было бы чрезвычайно полезно и важно для нашего общества.

Постсоветский человек и гражданское общество

*Борис Дубин, руководитель отдела
социально-политических исследований Левада-Центра*

Начиная разговор о гражданском обществе и гражданине невозможно, на мой взгляд, обойти такие понятия, как «собственность», «свобода», «солидарность», «состязательность», «доверие», не говоря уже о роли закона и права в обществе и о независимых институтах, которые их гарантируют и защищают. Поэтому, опираясь на данные исследований общественного мнения, которые с 1989 года проводит наш Центр, постараюсь показать, как эти понятия воспринимаются российским обществом, его большинством, чтобы получить представление о сегодняшнем его состоянии. При этом я буду использовать данные нашего ежегодника «Общественное мнение — 2009» (М., 2009).

Согласно последним нашим опросам, 30% российских граждан (от общей численности взрослого населения) считают себя бедными и 6% — самыми бедными. Кое-какие сбережения есть лишь примерно у 25% населения. Но эти сбережения не стратегические, то есть не позволяющие человеку чувствовать себя уверенно.

Порядка 80% граждан, отвечая на вопрос, способны ли они повлиять на то, что происходит в стране, говорят, что их мнение практически ничего не значит ни в управлении жизнью страны, ни в жизни города,

в котором они живут, и даже предприятия, на котором работают (до 70–75%). Единственная сфера, в которой они чувствуют возможность своего влияния и готовы взять на себя ответственность, — это семья и ближайшие родственники. Характерно и в общем понятно в этой связи, почему до 70% взрослого населения не доверяет как «другим» людям, так и большинству институтов. С максимальным недоверием россияне относятся к новым институтам, появившимся в последнее десятилетие, — суду и политическим партиям. Профсоюзы и милиция — на пике недоверия.

А если говорить о доверии, то более всего доверяют, естественно, премьер-министру и президенту, Русской православной церкви и, в меньшей степени, армии. То есть традиционным и практически не реформируемым институтам, выстроенным по иерархическому принципу.

Следующий важный показатель, поскольку говорим о гражданском обществе. До 80% опрошенных полагают, что не могут прожить без опеки государства, то есть считают себя фактически его подданными. Или, выражаясь языком Андрея Платонова, «государственными жителями», при всем их недовольстве бюрократической властью и ее институтами. До 70% из них признаются, что не защищены законом, хотя одновременно готовы при этом оправдывать нарушение закона, так как любые различия — религиозные, культурные, этнические, социальные, экономические — воспринимаются ими не в терминах разнообразия и интереса к разнообразию, а в терминах неравенства и, значит, несправедливости. И когда приходится нарушать закон, люди говорят, что по закону все равно не проживешь, его все нарушают, но те, кто нарушает «слишком» и наживается на этом (то есть хотят больше, чем все), вызывают у респондентов осуждение.

Идея о том, что все страны особые, не распространена в российском обществе, зато мифология «особого пути» именно России вновь, как известно, вернулась в наши массмедиа и обыденное словоупотребление, когда говорят о «национальной безопасности», «национальных интересах» и т.д. В чем состоит эта особенность? В том, что это мы, Россия, особая, а не они. В Германии, например, такой разговор невозможен, рассуждать немецкому политику о «Sonderweg» сегодня абсолютно невозможно. Когда мои немецкие коллеги видят слово «геополитика» в названиях издаваемых у нас книг, включая учебники, они искренне удивляются.

На протяжении двухтысячных годов, а это были чрезвычайно важные годы для общественного мнения и для общественного устройства России, постоянно росла доля тех, кто считает лучшим именно нынешний государственный строй, а позитивное отношение к советскому типу государства постепенно снижалось. В 2008 году, по нашим опросам, к нему хотела бы вернуться примерно четверть населения, демократию западного образца поддерживали порядка 15%, а 40% предпочитали нынешний строй (в 2009-м ситуация переломилась).

лась, и на первый план вышла ностальгия по советскому). При этом 60% считают, что демократия России нужна. Только, какая демократия? Опять же особая, то есть «исключительная», «самобытная», «оригинальная» и пр. То есть те, кто выбрал демократию, считают ее воплощением нынешней строй. Другие 20% считают ее демагогией и 12%, что России она не нужна. В целом позитивное восприятие респондентами слова «демократия» в полтора раза превышает негативное, а среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет — в два с половиной раза. Если суммировать понимание демократии большинством современного российского общества — это высокий уровень жизни, порядок и стабильность. Но отнюдь не разделение властей, выборность власти, ее транспарентность, независимость медиа — это все существенно менее важно. Главное, повторяю, уровень жизни и стабильность.

Далее, восприятие свободы: 70% взрослых людей в России, судя по опросам, ощущают себя свободными людьми. Примерно 55–57% считают, что свободы достаточно, и процентов 20, что ее даже слишком много. Но опять-таки, когда мы пытаемся разобраться в том, как понимается это слово, оказывается, что, по мнению опрошенных, свободы больше в тех странах, где государство заботится о людях, регулирует цены, следит, чтобы богатые не сильно отрывались от бедных, и гарантирует населению основные права. Какие права? Свыше 60% считают главными право на жизнь и неприкосновенность жилища. Право на достойную работу, зарплату и т.д. — примерно 30%. А свободу получения информации, передвижения, выражения своего мнения и т.д. считают важной порядка 10–12% респондентов.

Вот, примерно такая ситуация. И к сказанному я бы добавил, что определяющей для общества, которое сложилось в России в двухтысячные годы и так осознает себя, является установка на адаптацию, действующая по принципу «чтобы не было хуже», что подразумевает негативное отношение к тем, кто проявляет инициативу, если только это не первые лица государственной власти. Большинство населения (до 60–70%) отказывается от самостоятельной инициативы, поддерживая тем самым существующий политический порядок. Не принимают же его, по разным оценкам, по разным типам вопросов и ответов до четверти взрослого населения. И именно это меньшинство, на мой взгляд, может составить основу для поддержки альтернативных идей, альтернативных представлений об обществе, альтернативных форм существования. Надо сказать, что Россия — страна гигантской периферии, в сущности, она вся состоит из периферии, кроме Москвы, но эта периферия сейчас в некоторых отношениях, в некоторых местах живет более сознательной, социально оформленной и более инициативной жизнью, чем московское население. Оно смотрит на сложившуюся ситуацию довольно цинично, отделяя себя от проблем остальной страны, такое состояние отстраненности вообще характерно для российского населения, но для

москвичей в особенности. Кроме этого, в Москве чрезвычайно высокий уровень ксенофобии, гораздо более высокий, чем по стране в целом.

В этих условиях те, кто начинает работать над созданием Гражданской энциклопедии и считает своим долгом отстаивать и развивать идеи демократии и либерализма, должны учитывать, как сегодня складывается баланс адаптации и инициативы, государственности и стремления к самостоятельности. И второй момент. Мне кажется, очень важно при этом думать не только о новых формах объединения, но и работать с самыми разными формами, даже если они не предполагают участия в политике. Это могут быть сообщества религиозные, культурные, национальные и т.д., которые реально есть в России.

В целом, мне представляется, наша задача состоит в том, чтобы максимально расширять разнообразие — культурное, политическое, экономическое, чтобы учиться жить среди других. В конце концов, две мировые войны научили большую часть европейского населения, как жить среди других. И вторая задача, связанная с первой, — это повышение субъектности социальной жизни, которая чрезвычайно анонимна, атомизирована сегодня в России.

Мне кажется, что если есть ноу-хау либеральных, демократических обществ, то оно состоит в соединении таких проявлений собственности и свободы, как самостоятельность, состязательность и солидарность. Я думаю, что ноу-хау развитых демократий состоит как раз в соединении этих интенций, этих ориентаций, этих понятий, которые, на первый взгляд, трудно соединимы.

Елена Немировская:

— Спасибо, Борис, за участие в круглом столе и за доклад. Мы будем сразу обсуждать концепцию Энциклопедии или будут вопросы?

Гасан Гусейнов, доктор филологических наук, профессор МГУ:

— В конце перестройки я имел честь и счастье работать над сходным проектом. А точнее, словарем «Пятьдесят на пятьдесят», который был издан по-французски и по-русски. С параллельными статьями российских и французских авторов о терминах, важных для интерпретации общественно-политической жизни. То есть о том, как они воспринимались во Франции и у нас. Такое сопоставление, мне кажется, позволило бы и в нашем случае, с одной стороны, избавить Энциклопедию от гигантизма (я имею в виду количество терминов в предложенном списке), а с другой стороны — обеспечить всех участников пусть узкой, но сфокусированной концепцией, и помогло по ходу дела выяснить, а как оно там, скажем, с той же геополитикой или с особым путем? Ведь то, что мы сейчас начинаем обсуждать, в конце концов, только желание: что бы мы хотели и как было бы хорошо... То есть совершенно не научный, а морально-дидактический подход. Вопрос: может быть, имеет смысл сузить его и ограничиться сравнительным подходом?

Борис Дубин:

— Я за сравнительный подход, что называется, голосую обеими руками. Это и для дела хорошо, и для освобождения от стереотипов. Всячески готов это развивать и в этом участвовать.

Максим Сучков: руководитель департамента инвестиционной политики группы компаний «Белый парус» (Нижний Новгород):

— Давайте представим себе весы. На одной их чаше три довольно сильных определения — особенная, исключительная, стабильная страна. А что можно положить на другую чашу? Какие хотя бы три понятия могли предложить обществу либералы?

Борис Дубин:

— Я бы начал с противопоставления динамичности и стабильности. Для меня это ключевая вещь. Потому что установка на то, как есть, лишь бы не было хуже, тормозит фактически любые перемены. Следовательно, необходима иная установка: что ты можешь, а значит, должен сделать лучше. Я лично понимаю, какая этика за этим стоит и какие общественные отношения, и видеть это как цель, мне кажется, очень важно.

Теперь относительно определения «особенная». Я бы, напротив, упирал на образ страны, находящей свое достоинство в том, что у нее много партнеров и много осей, по которым она соотносит себя с ними. Это страна, осознающая свою, социологи сказали бы, «социальность». Это чрезвычайно важная характеристика человека, его связи с другими, учет точек зрения других. И третье, я бы показывал, на чем стоит наша так называемая стабильность. И к чему ведет исключительность. Это вполне доступные для исторического изложения вещи, в том числе на материале недавней нашей истории. Если стабильность покоится на лихих деньгах и повседневных страхах, на сознании своей незащищенности, то что нам в такой стабильности? Чего она тогда стоит? Когда воочию видишь пожар в Перми, как рушится электростанция или мост, падает лайнер и проч. Ведь все это не случайно.

Елена Немировская:

— Я бы добавила еще одно определение — нормальная страна! Поскольку особенные все, а вот нормальные не все.

Нодар Хананашвили, вице-президент фонда «Нет наркомании и алкоголизму»:

— Очевидно, что стабильность — признак мертвой материи, это первое. И второе, исторически опасно говорить об исключительности, боюсь, цена будет очень велика. Но поскольку вообще все страны особенные, можно и нужно говорить о различиях. Мне нравятся три принципа либерального пути, только я, может быть, расширил бы их толкование. Самостоятельность как признание особенности. Вто-

рое, соревновательность как сопоставление самостоятельных точек зрения, позиций и т.д. И третье, солидарность, когда через конкуренцию взглядов мы сможем приходить к общим позициям, общим смыслам и общим ценностям, а следовательно, и к достижению общей цели.

Борис Дубин:

— Согласен. 2000-е годы в этом смысле были как раз годами утраты «общего» в социальной и политической жизни в России. Я уж не говорю, «гражданского», это очевидно. Мы становились все более и более раздробленными, фрагментированными и ничем не объединенными, кроме суперсимволов виртуального, как правило, происхождения.

Елена Шмелева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка РАН:

— Я довольно много работала в Америке, учила американских студентов русскому языку, русской лингвистике и хочу сказать, что по моим представлениям у американцев тоже очень сильные ощущения особенности, что Америка самая лучшая, самая сильная страна в мире. Именно это их объединяет. Они гордятся одновременно тем, что они разные, но еще больше тем, что они американцы. Главное у них слово — «proud». I'm proud that I'm American, то есть я горжусь тем, что я американец, представитель самой сильной, особой страны. Ни у кого нет

такой истории, такой демократии и т.д. Это я говорю к тому, что хорошо понимаю про опасность исключительности, но, думаю, изменить существующую в России психологию проблематично.

Елена Немировская:

— Но все-таки американцы себя осознают через понятия «гражданин» и «право», а российские граждане, к сожалению, через феодальное устройство и отношение к территории. Это две разные идентичности. И мне, например, безразлично, когда одна идентичность обеспечивает современную жизнь, а другая меньше обеспечивает. Не думаю, что сравнение с Америкой актуально. Нам лучше бы сравнивать себя с такой страной, которая называется Швеция. Где есть коммунальная солидарность, муниципальная солидарность и много других вещей, которые, разумеется, есть и в Америке, а в России?.. То есть я хочу сказать, что само по себе сравнение едва ли нам поможет. Наша задача, работая над Энциклопедией, понять, что такое гражданское общество и как стать современным гражданином в нашей стране.

Борис Дубин:

— Добавлю к тому, что Лена сказала. Действительно, если говорить о том, чем гордятся россияне и что они понимают под великой страной, то это, конечно, «территория, земля». Хотя в последнее десятилетие, судя по опросам, на первый план вышло «наше прошлое, наша история». Какая история? История, которую представляют люди в форме. А в Швейцарии, например, попробуйте найти памятник человеку в форме. В каждом городе вы встретите памятник, по крайней мере, двум людям. На одном написано «меценат», на другом «пацифист». Я думаю, что если мы попробуем в нашем прошлом найти такие фигуры, то и прошлое будет выглядеть немножко по-другому.

Виктор Живов:

— Кстати, у Америки никакого особого пути нет. Наоборот, всегда подчеркивается универсализм. А та история, которую вспоминают американцы, это история отцов-основателей. И гордятся они в отличие от России своим правовым государством.

Борис Дубин:

— Извините, плохо знаю Америку, но что видишь, когда туда приезжаешь, и что чувствуешь? Главное здание практически в любом городе — это здание суда. Затем библиотека — второе главное здание. И третье — музей. Ведь есть же, действительно, чем гордиться, есть гордость конституцией, есть гордость институтами. Это институциональный патриотизм, как Хабермас писал. И, мне кажется, нам было бы важно как-то внедрять, развивать подобное понимание и самим привыкать к такой мысли.

Андрей Юров, президент МПД (Молодежного правозащитного движения), эксперт Совета Европы по правозащитному образованию (Воронеж):

— Как гражданский активист предлагаю посмотреть на то, что мы обсуждаем, с прикладной точки зрения. Но прежде — о свободе, о которой Борис тоже говорил в докладе. Очень важно, чтобы свобода не была упущена.

А теперь по поводу особого пути и геополитики. Вот представьте, если бы статья о геополитике в нашей Энциклопедии начиналась со слов: «Термин неприличный в немецкоязычных изданиях». И далее уже о том, что это такое. Понимаю, что это абсолютно ненаучный подход, но сразу вносящий, на мой взгляд, определенную ясность, определенное отношение. И еще один неоднозначный момент, боюсь, что у нас будет проблема уже со словом «государство». Пока вместо него не появится светский термин... у нас не будет ни одного гражданина, разве что диссиденты.

Елена Немировская:

— То есть ты имеешь в виду снятие с термина «государство» сакрального смысла? Ты думаешь нам это по силам?

Андрей Юров:

— Ну, пока это «Господа дар», а правят нами отнюдь не государи, не знаю, что будет с нашей демократией, но говорить об этом, безусловно, надо.

Ольга Климина, заместитель директора Нижегородского фонда поддержки гражданских инициатив:

— Нижний Новгород тоже провинция, по сравнению с Москвой. За последний месяц я объехала 30 районов в нашей области и видела в каждом из 30 районных центров — я была потрясена! — три сооружения, которые стоят на центральной площади: здание администрации, напротив храм и памятник Ленину. Это к вопросу о том, с чего мы начинаем. Потому что мы можем много говорить о Москве или Нижнем, который, в принципе, от Москвы очень близко, и не говорим о населении. А что ему еще искать? Администрация, храм и Ленин — все!

И одна ремарка по поводу нашей дискуссии. Не надо, мне кажется, Россию сравнивать с другими странами. Я много общаюсь с людьми. Не цепляет их сравнение с другими странами, понимаете? Им интереснее, например, что делают их коллеги в Перми, в Твери, в Великом Новгороде и т.д. И если мы расскажем о гражданских практиках в Энциклопедии, то, может быть, это будет более действенным инструментом.

Сергей Магарил, кандидат экономических наук, преподаватель факультета социологии РГГУ:

Э. Паин: Положение о несовпадающих культурных традициях — мнимое или преувеличенное

— Буквально несколько штрихов к портрету постсоветского человека. Массовая социальная некомпетентность. Общественно-политическая, причем преднамеренно воспитанная, беспомощность. И, наконец, гражданская и, может быть, шире, историческая безответственность. Сошлюсь на исследование Института сравнительной политологии — об этом можно прочесть в статье Сергея Патрушева: почти 90% населения России заявляет о том, что оно не может влиять на власть. И порядка 80%, что не несет ответственности за происходящее в стране.

Теперь что касается сравнения России с другими странами. На что хочу обратить внимание? В сущности, современная Германия, современная Япония и в значительной мере Южная Корея — это политический проект США. Да, там, безусловно, существуют национальные культуры, однако современный тип общества в

этих странах появился после того, как была привита американцами современная культура и созданы современные политические институты. И последняя реплика — об особости нашего пути. Мне кажется, что это дискурс для малообразованных людей. В России, как и в Западной Европе, исторический путь один: создание государства, процессы урбанизации и секуляризации, развитие высшего образования. В чем наша специфика? В том, что мы с колоссальным опозданием, если говорить о системе университетского образования, то это столетия, создавали фактически то же самое, но лишь после оглушительных и унижительных поражений, типа Крымской войны. И масса населения, о чем писал еще Ключевский, оказывалась в силу чрезвычайно низкого уровня социокультурной адаптации не способна активно участвовать в реформах. Не случайно Петр I говаривал, что наши люди «ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут». Отсюда вырастает идеология масштабных государственных репрессий.

И в заключение — о нашей аудитории. На кого нам ориентироваться? Мне кажется, среди тех, кто может стать читателем Энциклопедии, это учителя старших классов средней школы социогуманитарного профиля (правоведение, граждановедение), студенты и, конечно же, преподавательский корпус педагогических университетов, не говоря уже об исследователях.

Дмитрий Горин, председатель Брянского отделения Российского общества социологов, доктор философских наук:

— Как я почувствовал, в нашей сегодняшней дискуссии возникла некая дилемма, связанная с тем, что понятия, о которых мы говорим и которые будем обсуждать дальше, можно знать, а можно проживать. Если мы их знаем, то обращаемся скорее к какому-то письменному тексту, письменной традиции. А когда проживаем, обращаемся к повседневной жизни и ее структурам. Другими словами, дилемма состоит в том, что, с одной стороны, язык мы можем конструировать, и тогда язык будет конструировать реальность. А с другой стороны, наши возможности конструирования ограничены. Эту дилемму мы должны осознавать и найти соответствующий баланс. И если найдем, то, я думаю, у нас получится перевести разговор о том, «как у нас», и о том, «как у них», к тому, что и в нашей культуре это может проявляться по-разному. То есть существует некоторая альтернатива. Не важно, 80% или 20%, или 15%, но если мы эту альтернативность будем показывать, то это будет уже важно. Таким образом, возможен подход и социологический, который сегодня был продемонстрирован Борисом Дубиным, цель которого скорее практическая. И подход книжный, теоретический, в варианте концептологии, когда фиксируется опыт как бы европейский и как бы наш, и поэтому не всегда понятно, в чем различие этих подходов.

Борис Дубин:

— Мне надо было об этом сказать самому, но важно, что вы это сказали. О том, что понятия могут быть, но не проживаться. Я бы, подытоживая, сказал, что, вообще говоря, риторика демократии у нас освоена и средствами массовой информации, и первыми, и вторыми, и третьими лицами, и даже на уровне обычного человека, так что вроде бы все есть. А каковы границы такого освоения? Под влиянием чего трансформируется понимание слова «демократия»? С одной стороны, у нас есть патерналистски ориентированное население, и до тех пор, пока оно будет ориентировано на адаптацию, — это одна граница. Вторая граница — власть, перед которой бесполезно ставить вопросы о ее неэффективности. Именно поэтому демократия суверенная, особая и т.д. Под этим надо понимать: такая, которую мы допускаем, исходя из собственных интересов, в том числе самосохранения, и такая, которую принимает большинство населения, потому что это не чревата для него сколько-нибудь серьезными переменами. Таким образом, два тормоза, или фильтра, создают трудности для понимания демократии и реального ее развития в России на уровне гражданского общества.

*Александр Согомов,
академический директор,
Центр социологического
и политологического
образования РАН*

О языках гражданского общества

На мой взгляд, все, о чем говорил Борис Дубин и участники предшествующей дискуссии, подводит нас к ответу на главный вопрос: почему в России слабое гражданское общество? И ответ на него, казалось бы, очевиден: потому что в стране долгое время отсутствовала практика гражданской жизни, которая могла бы пробуждать интерес к интеллектуальным дискуссиям. И отсюда наша слабая включенность в смысловые контексты универсальной истории гражданского общества.

Именно в контекст**Ы**, поскольку мы обсуждаем проблемы языка. Поэтому дальше, конкретизируя общий ответ, я буду говорить о том, насколько развитость гражданской лексики, а точнее, **языков** гражданского общества, реально влияет на гражданскую жизнь. Имея в виду при этом существование разных, хоть и взаимно переплетающихся, но достаточно автономных лингвистических традиций. Ибо дело не только в том, что, появившись в ареале западной цивилизации, гражданское общество развивалось исторически, а вслед за практикой гражданской жизни меняется и поныне, но и в том, что западная интеллектуальная мысль сформировала разные, повторяю, лингвистические традиции толкования как самого феномена «гражданское общество», так и его базовых категорий.

Справедливости ради замечу, что «игра» в гражданские слова не прекращалась и в советское время, однако, оторванность этих слов от жизни референтов была столь существенной, что неизбежно деформировала сознание советских людей и саму реальность. Поэтому не случайно, когда мы испытываем сегодня в них жизненную потребность, а бюрократия по-прежнему сопротивляется развитию независимого гражданского сектора (не понимая его предназна-

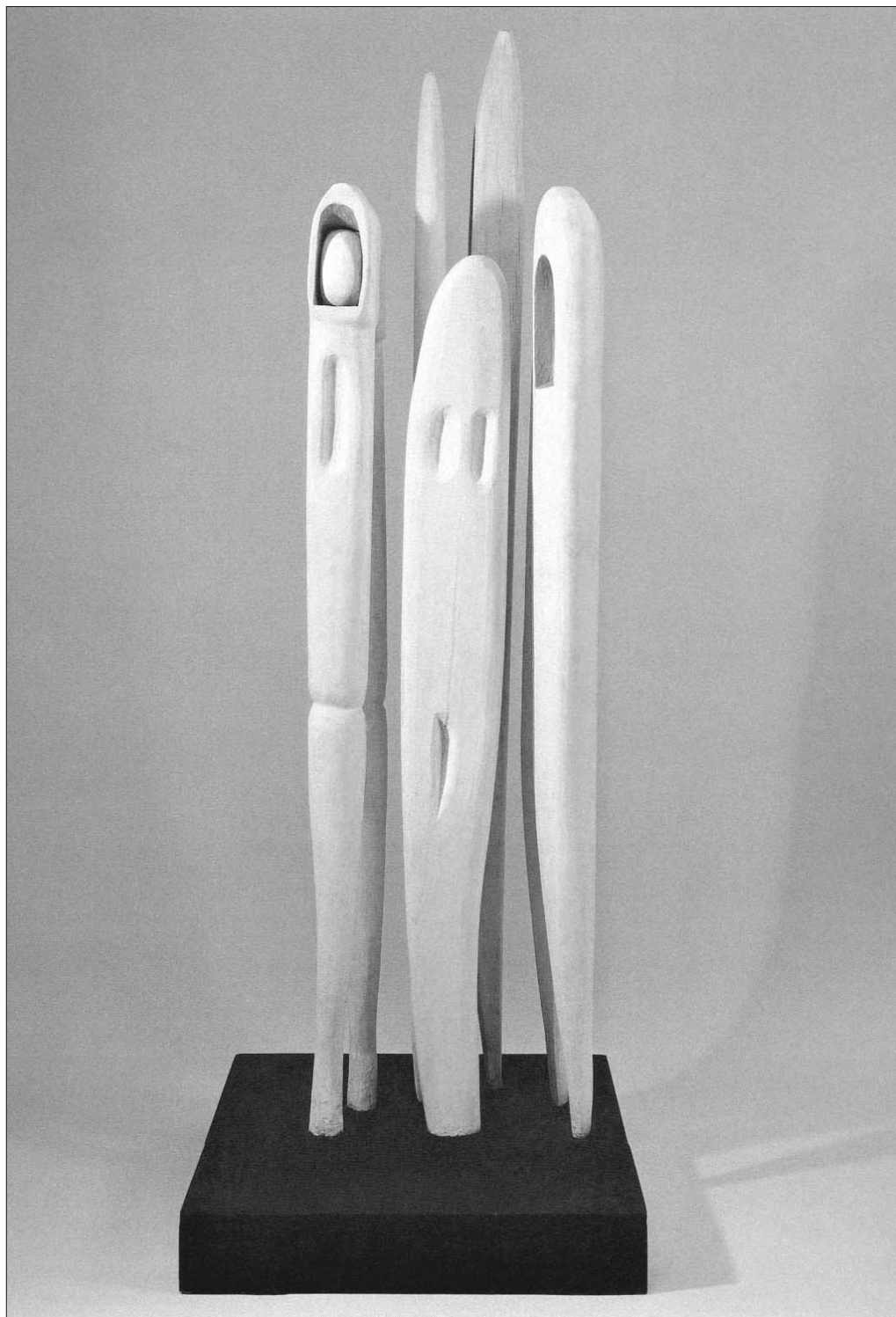
чения), мы обнаруживаем, что гражданское общество и его языковое сопровождение суть неразлучны, хотя эта неразлучность проявляется по-разному.

Поэтому имеет смысл, я считаю, обратиться к традициям истолкования и языкового выражения гражданского общества. Не проводя между ними жесткого водораздела, попытаюсь различить четыре традиции.

Первая традиция. Безусловно, она вызрела и сформировалась в канун Нового времени, но наиболее ясно была выражена Джоном Локком во второй половине XVII века. Не просто английским философом, а протестантом Локком, который, будучи одним из основоположников либерализма, в преддверии эпохи Просвещения предложил фактически первую трактовку гражданского общества. В своих трактатах и письмах о правительстве, толерантности, веротерпимости, образовании и воспитании, соединив воедино рассудок и терпимость, Локк последовательно развел политическое сообщество и гражданское. Последнее у него представляло собой свободное объединение людей, конституированное на четырех базовых ценностях — жизнь, здоровье, свобода и собственность (life, health, liberty, possession). Гражданское общество, по Локку, это экстраполитическая общность людей, которая сущностно ориентирована на жизненные смыслы. Общество понимает и осмысливает себя через такие гражданские символы и значения, как доверие, солидарность, свобода и ответственность, автономность и взаимозависимость и т.д. Локковская языковая традиция не просто легла в основу современного либерализма, но и вдохнула в гражданскую жизнь фунда-

ментальные смыслы. Дух американской Конституции проникнут именно этим локковским «открытием». Один из фундаментальных конституционных принципов США, провозглашающий право каждого американца на счастье, лишь развитие этой языковой традиции. Мне бы не хотелось именовать ее сугубо протестантской, но религиозные корни здесь весьма отчетливо просматриваются. Итак, согласно первой традиции, гражданское общество обособлено от политики, основано на своих аутентичных ценностях и приоритетах; его миссия — гарантировать обществу право на жизнь и свободу, а человеку — право на счастье.

Католическая реакция на «протестантскую» языковую версию гражданского общества не заставила себя долго ждать. Уже в начале XVIII века во Франции иезуит Клод Бюффье (последовательный сторонник Локка) издает трактат, в заглавие которого впервые вынесено понятие «гражданское общество» (*Traité de la société civile*, 1726). Для Бюффье гражданское общество — центральная категория этики, поскольку она обеспечивает утилитарное обоснование ее основ через взаимный долг, справедливость, сопереживание, благотворительность и т.д. Обрамляя рациональную этику религиозной верой, Бюффье, по сути, создает **вторую языковую традицию** гражданского общества. Согласно ей, гражданское общество — это особая рациональная мораль современного ему общества, которая не просто не чурается христианства, а, напротив, опирается на его постулаты. Французские энциклопедисты, объединенные Дидро и Д'Аламбером, несмотря на известный скепсис в отношении религии, поленились даже переработать Бюффье — они его просто переписывали целыми стра-

Луиза Буржуа. Гора Quarantania. 1941

ницами и включали в разные статьи Энциклопедии, особенно это заметно по тексту об обществе. Иными словами, вторая традиция примирила языки веры и рационализма, обозначив сам этот миротворческий союз термином «гражданское общество».

Следом, совсем с небольшим хронологическим отрывом, деист Шарль Монтескье основывает **третью языковую традицию** гражданского общества, обосновав его «истинную» политическую миссию. Для Монтескье чрезвычайное значение имеет фрагментация поля власти, и поэтому он придает гражданскому обществу институциональную окраску. Его язык — совершенно отличен от языка предшественников. Гражданское общество, по Монтескье, это совокупность действующих коллективных субъектов: свободных ассоциаций, объединений и союзов свободных людей. Его главная миссия — ликвидировать любые риски, связанные с возможностью монополизации власти, как со стороны государства, так и со стороны отдельной личности. Гражданское общество в этой логике выступает фундаментом плюрализма власти. Оно мыслится и проговаривается категориями коллективного действия, продвигающего интересы групп и защищающего права людей. Само собой разумеется, что в канун Революции такая языковая версия получила быстрое распространение, завоевав заслуженную популярность. И уже в XIX веке Гегель и Токвилль, а вслед за ними и вся остальная материковая Европа, рассуждали преимущественно в этом ключе. На языке авторов Энциклопедии.

Эту традицию подхватывает атеист Маркс, но совершает при этом кардинальный разворот в целеполагании гражданского общества. Маркс впервые

полностью выводит гражданское общество из орбиты государства и, даже более того, переориентирует его против государства. Его лексика — политический активизм, а миссия — оппонирование государству. Последовательнее всех эту **четвертую языковую традицию** сформулировал уже в начале XX столетия А. Грамши в своих «Тюремных тетрадах». Из этой традиции вырастает и европейский коммунизм, и анархизм, и даже умеренный антилиберализм. Замечу при этом, что если у Монтескье политические партии — часть гражданского общества, то у Маркса и Грамши — ни при каких обстоятельствах, ибо оно состоит из активистов, НПОшников, НКОшников, как мы сказали бы сегодня, да и просто неравнодушных и критически настроенных к официальной власти граждан.

С того времени европейская мысль почти не продвинулась принципиально в направлении новых трактовок гражданского общества. На какое-то время интерес к проблематике и вовсе угас, но накануне и особенно после распада Советского Союза мир оказался в ситуации непредсказуемо стремительных перемен. В орбиту истории, если можно так выразиться, стало включаться все большее число стран, что вновь привело к всплеску интереса к этой теме. Впрочем, в странах молодой демократии публичная дискуссия так и не стала опираться одновременно на четыре языковые традиции (или, для устойчивости, хотя бы на три). Дискуссия чаще всего вообще не удаётся, поскольку участники «общественного диалога» говорят каждый на своем языке, не понимая и не принимая Другого. И даже если принять гипотезу о вариативности гражданской жизни в разных «культурных зонах мира» (Э. Геллнер), придется кон-

статировать, что совместимость языков гражданского общества маловероятна. Их нельзя искусственно синтезировать, как и нельзя «перевести» на национальный язык без глубинного проживания и осмысления.

Сформулирую в этой связи четыре лингвистические дилеммы гражданского общества.

Первая — дилемма естественности языков гражданского общества. Известно — об этом много написано, — какое значение имеют исторические традиции в формировании разных гражданских культур, как и то, что национальные языки в Новое время буквально везде были сформированы искусственно, точнее — как властный продукт. Как, впрочем, и обозначенные выше четыре лингвистические традиции тоже представляют собой конструктивистские объекты, как об этом сказал Дмитрий Горин. И в протестантской, и католической, и деистической и уж тем более в марксистской версии мы сталкиваемся с конструктивистским языком, то есть языком, который искусственно создается, категориальный аппарат которого тщательно выверен, взвешен и навязан. В этом смысле, казалось бы, любой национальной культуре вполне можно сделать языковую «прививку». Мировой опыт распространения марксистского языка по всей планете лишь подтверждает это предположение, и нам в России хорошо известны исторические последствия этой «прививки». Так что сомнения по этому поводу остаются и относятся к любому из языков гражданского общества: однозначно и тем более легко инсталлировать их в национальную культуру молодых демократий пока удается лишь с большим трудом (если вообще удается), да и то в редких

случаях. Пожалуй, мы не знаем ответа на главный вопрос, проистекающий из этой дилеммы. Что ближе, скажем, для русской культуры: активистский или солидаристический язык гражданственности, а еще шире — язык сплочения или гражданского оппонирования? На этот вопрос нет ни ответа, ни общего понимания, хотя, конечно, можно сказать — ближе и то, и другое (или: ни то, ни другое!).

Вторая дилемма касается переводимости языков гражданского общества. Если даже предположить, что само гражданское общество является универсальным феноменом современного общества, в чем могут быть сомнения, то насколько просто словарь гражданского общества из ареала развитой и продвинутой гражданской жизни переводится на иные национальные языки, где отсутствуют вышеназванные традиции. Анализ ситуации, в частности, в современных арабских странах показывает, что эта проблема возникает уже на старте. Сам предикат «гражданский» не так просто перевести на арабский язык, чтобы не потерять его значение. В разных контекстах используются разные понятия, поскольку базовое слово «al-mujtama» архаического происхождения (место и время сбора членов общины). Поэтому в современных арабских культурах из гражданской сферы исключены фундаментальные для западного понимания смыслы — локковская взаимответственность, грамшианский активизм и волонтерство, не говоря уж о свободе, легальности, прозрачности и независимости. Не ведомо им и гегелевское понимание гражданского общества как посредника между государством и личностью. Как результат, гражданское общество «допущено» в арабских странах лишь к благотворительности, а если ему

удается за столбить еще и правозащитные функции, то это можно считать большой победой.

Как, впрочем, и у нас столь же архаично мыслят о гражданской жизни и власти, и общество: взаимопомощь и взаимовыручка «работают» на уровне обмена материальными благами, но не на уровне свободы идей и ценностей. Об этом свидетельствует «язык начальников», которые рапортуют о создании новых независимых организаций потребителей, филателистов, но даже за-

конодательно не готовы изменить среду благотворительной деятельности. Досовременные смыслы общинности не переносятся автоматически в современную национальную культуру — это разные по сути своей феномены.

Третья дилемма — адресность языка. Рассуждая по-современному, зададимся вопросом: на какую целевую аудиторию мы рассчитываем, когда конструируем тот иной лингвистический продукт. Пока нам удалось неплохо продвинуться в сторону создания более или менее адекватного академического языка гражданского общества, но он совершенно не работает на обиходном уровне, я уж не говорю о его привлекательности для молодежи, интернет-сетей и т.д. Язык может быть вполне корректным и при этом — повседневным и эмоциональным, но в сухом остатке повествования не должны раствориться смыслы четырех языковых традиций. В противном случае, под гражданином мы будем понимать, прежде всего, просто «взрослого человека» (С.И. Ожегов).

О четвертой дилемме лишь упомяну, она о возможности полисемантизма языка гражданского общества, когда все четы-

ре версии растворяются в некоем лингвистическом синтезе. Я не настаиваю на обязательной религиозной составляющей языков гражданского общества, но и вычеркнуть религию механически означало бы утрату фундаментального обоснования важности гражданской

Главная миссия гражданского общества – ликвидировать риски, связанные с возможностью монополизации власти, как со стороны государства, так и со стороны отдельной личности

жизни (что, собственно, и произошло в Советском Союзе). Вопрос, следовательно, заключается в том, на какой все же основе осуществлять синтез: на базе литературного национального языка или одной из лингвистических версий гражданского общества?

На мой взгляд, как бы ни разрешались эти четыре дилеммы, в любом случае перед нами встает конкретная проблема какого-то отбора из предложенного для обсуждения списка терминов и понятий Гражданской энциклопедии. Если мы выбираем стратегию на создание теоретического «словника», то наша задача в акцентировании универсалий — понятий, общих для всех гражданских культур, взаимопереводимых и прозрачных по смыслам и значениям. Если же выбираем стратегию на составление «компендиума» гражданской жизни, то это другая задача — выявление и прописывание отдельных «кейсов», успешных и иллюстративных примеров гражданственности.

Но я бы не противопоставлял при этом одну стратегию другой. Диалог субъектов гражданского общества, безуслов-

но, нуждается в общем языке, основанном на словнике. Рефлексия же гражданской жизни предполагает наличие общезначимых образцов и казусов. И в этом смысле Гражданская энциклопедия до известной степени способна примирить обе стратегии. В ней — «под одной обложкой» — вполне могут ужиться (1) «академики», рассуждающие об общих понятиях, истории и теории гражданского общества; (2) эксперты в области социальной взаимответственности и благотворительности; (3) действующие НПОшники, повествующие о своем опыте активизма и волонтерства; (4) местные и региональные политики и общественные деятели, выстраивающие новые практики самоуправления; и, разумеется, (5) правозащитники и прочие легисты, пристально следящие за прозрачностью власти. Отделить одних субъектов гражданского общества от других, пренебречь кем-то и сконцентрировать внимание на чем-то одном — любые подобные попытки односторонней энциклопедизации гражданской жизни наверняка приведут нас к опасному упрощению предмета. Нам придется жить и работать в абсолютно запутанном полилоге субъектов гражданского общества. Другого пути у нас нет.

Елена Немировская:

— У меня вопрос. Когда ты говорил о второй дилемме и ссылался на арабскую культуру, ты сказал, что английское определение «гражданский» не поддается переводу на арабский язык, а в русской культуре, я имею в виду православную традицию?

Александр Согомонов:

— Отвечу, просто потому, что про современную арабскую культуру много

литературы. И среди арабов много европейски просвещенных людей, в том числе эмигрантов, которые об этом пишут. Кстати, я пытался посчитать, сколько в мире издается журналов, в которых публикуются статьи о гражданском обществе. Я насчитал около полусотни, выходящих только на английском языке... А что касается нашего опыта, то он, скорее, не арабский и не европейский, не этнокультурный и не национальный. Мы же не западная страна, и не восточная, и не азиатская. Тогда какая — северная? А что это такое? У нас опыт в этом смысле действительно особенный. Идентификационная ниша, не нуждающаяся в компаративистике. Хотя, конечно, мы себя все время с кем-то сравниваем. Мы живем в постоянстве сравнения.

Самая большая проблема связана с нашим лингвистическим опытом, как можно технологически ее разрешать? Я предлагаю следовать методу транслитерации, если мы действительно ставим перед собой задачу введения русского — общегражданского и политического — языка в русло универсальной европейской традиции. Тогда одно и то же социальное явление или образование можно описывать языком обиходным и языком не обиходным, то есть гражданским. Сошлюсь на пример со «средним классом». Термин *middle class*, как правило, не переводится на другие языки, даже во Франции, где так много пуристов в области родного языка. Наверное, нет другого способа. Ибо, как только мы переводим этот термин на любой национальный язык, остается лишь смысл «срединности», присутствующий же в английском «дух» независимости и ответственности пропадает. Ибо средний класс это не просто середина между верхушкой общества и не-

ким низом, а репрезентативный тип культуры в первую очередь. Социологов ведь интересует, когда они рассуждают про средний класс, не только бедность и/или богатство. Это более глубокое по своему содержанию социальное и культурное явление, подразумевающее автономного гражданина, имеющего свою ментальность, присущий только ему образ жизни и т.д. Так что транслитерация могла бы нам помочь. Хотя есть, конечно, и другая традиция, сторонники которой настаивают, чтобы при переводе иностранной терминологии обязательно использовались русские слова. Я ничего не имею против старорежимного русского, против таких слов, как, например, «острастка» (в применении к праву — вместо «профилактики» правонарушений) и подобным им словам, но они порядком подзабыты. Язык Советского Союза был универсальным языком. Он был рожден европейской традицией, но в нем общественная лексика абсолютно не отражала реалии жизни. И нам надо вернуться именно в эту европейскую традицию. Современный русский язык без нас это совершает.

Эмиль Паин, генеральный директор Центра этнополитических исследований, профессор ГУ — Высшая школа экономики:

— Я тоже о переводимости языков, чему культуры сопротивляются. С одной стороны, у меня возникло некое ощущение неприятия. С другой стороны, сомнение: а может быть, я что-то не понял? И в этом случае мне самому нужен переводчик или толмач для разъяснения смысла некоторых положений доклада. Вот что я не принимаю из того, что понял. Не принимаю восприятия культуры как некоего жесткого

А. Согомонов: Участники «общественного диалога» говорят каждый на своем языке, не понимая и не принимая Другого

запрета. Не могу представить себе, что есть какая-то культура, которая радикально отторгает какие-то новые явления. На мой взгляд, положение о несовпадающих культурных традициях — мнимое или преувеличенное. Мы ведь знаем, что вначале ребенок говорит: «Я не мальчик, я Петя», а потом подрастает и оказывается, что эти слова вполне совместимы. Мальчик может быть Петей, и даже очень хорошо, что тебя по имени могут отличить от других мальчиков. Вот и названные четыре несовместимые якобы традиции на самом деле легко совмещаются.

Теперь, зачем нужна Энциклопедия? Я совсем недавно взял в руки одну энциклопедию. Называется она то ли энциклопедия национализма, то ли традиционализма... не помню. В ней слово «толерантность» употребляется почти как ругательство. Можете не сомневать-

ся, что большинство явлений, относящихся к сфере гражданского общества, политического плюрализма и демократии, описываются в них с тех же позиций. Но не думаю, что люди, собравшиеся в этой аудитории, с этим согласны. Значит, стоило бы противопоставить оценкам фундаменталистского характера (а объемы такой литературы растут) иное мнение. У читателей должен быть выбор. Я уверен, что они хотели бы знать и о других трактовках, не тех, какие им предлагают фундаменталисты. Так вот, Гражданская энциклопедия нужна людям с гражданским самосознанием, но с недостаточным уровнем знаний. Этот дефицит знаний и должна восполнить, отчасти, обсуждаемая энциклопедия. Борис Дубин сказал, что нам мешает власть безответственная и общество патерналистское. Если бы только это! Разговор об энциклопедии тогда вообще был бы бессмысленным. Потому что ни то, ни другое сама по себе она изменить не может. Но она может вооружить аргументами и фактами ту часть общества, которой уже тесны рамки существующих отношений. Проблема не столько в восприятии слов и отношении к ним, а в том, какая из книг, текст, общественное деяние будут сегодня более убедительными, то есть современными.

Юрий Сенокосов, директор издательских программ Московской школы политических исследований:

— Буквально несколько слов по поводу толерантности. Вернее, о терпимости, поскольку вместо слова «толерантность» нам настойчиво предлагают употреблять русское слово «терпимость». Понятно почему. Потому что «Бог терпел и нам велел». Хотя терпение, как известно, может быть разным. Можно терпеть невы-

носимую физическую боль, но отнюдь не нарушение закона или пренебрежение к нему. По конституции у нас есть права, и термин «толерантность» относится к гражданской жизни.

Александр Согомонов:

— Жаль, что Эмиль меня не услышал. На самом деле, я как раз и говорил о том, что игра слов очевидна и очень прозрачна. А игра субстанций непрозрачна. То есть я с тобой согласен, вернее, ты со мной согласен. Теперь о культуре.

Это давний и сложный философский спор. Культура все же — всегда запрет. Надо понимать, что появление гражданской культуры в Европе — это своего рода надстройка, делающая европейское пространство универсальным, то есть в этом смысле надкультурным. А этнокультура — это всегда табу. Поэтому разговор не об архаической культуре. Я вообще не про архаику говорю. Я говорю о несоответствии, так сказать, фасада гражданских институтов и их сущности, которое мы унаследовали из советского прошлого. Это — наша основная проблема. Все новые слова неизбежно попадают в колею истории. Мы сейчас введем термин «толерантность», но он тут же подвергнется языковой перверсии. Как это преодолеть? Одна часть экспертов предлагает: давайте будем пользоваться русскими словами. Я же считаю, что лучше нарочито идти путем транслитерации. Да, это будет вначале «чужой» язык, но он адаптируется. Это своего рода гражданское эсперанто, и к нему обращаются сегодня и китайцы, и арабы, и латиноамериканцы. В определенном смысле это, конечно, путь контркультурный.

Елена Немировская:

— Мы живем в стране, которая не про-

Ян Матулка. Композиция с фонографом. 1929

шла ни Реформацию, ни Просвещение. Но, развивая гражданское сознание, мы используем шанс включиться в европейскую традицию и стать современной страной. В этом смысле Саша прав.

Нодар Хананашвили:

— Не могу сказать, что в России не было просветительского этапа. Просвещение у нас было, но не было должным образом отрефлексировано. Теперь насчет того, что культура — это всегда запрет. Я бы сказал так: религия — это всегда запрет, система запретов. Культура шире. Любые крайности при подходе к восприятию языка опасны. Как буквальная транслитерация, так и желание на основе каких-то архаичных слов пытаться выстраивать новое смысловое пространство. Поэтому транслитерация

должна проходить через этап осмысления, коммуникацию с различными общественными группами. Теперь о том, к кому мы должны обращаться. Ясно, что это не должна быть концепция позитивного большинства — в смысле 50 плюс один голос, а это некая совокупность граждан, действия которых способны изменять реальность, влиять на нее. И последнее, о пяти группах потенциальных авторов Энциклопедии, о которых сказал Александр в конце выступления. Я тоже не вижу между ними серьезного разделения. Почему? Потому что они в значительной степени совпадают с функциями гражданского общества, о которых мы говорим, — социальное служение, продвижение гражданских инициатив, гражданский контроль, правозащитная деятельность, коммуникация между обществом

и властью. Сегодня очень активно идет обсуждение, нужно ли в наш язык вводить понятие «грант» или можно обойтись понятием «пожертвование». Есть люди, которые говорят, что никакого понятия гранта не надо, хотя очевидно, что значения этих слов различно: пожертвование предполагает, что его получатель является жертвой, а получатель гранта предлагает некую инициативу.

И в заключение вопрос: Энциклопедия — это энциклопедия про слова или энциклопедия соревновательного партнерства смыслов? Вот если это будет соревновательное партнерство смыслов, тогда, мне кажется, это будет более интересно и более важно.

Елена Немировская:

— Хочу поддержать мысль Нодара об инициативном меньшинстве. В таком случае, я думаю, мы можем рассчитывать на какой-то успех в создании нашей Энциклопедии. И второе. Сегодня городских жителей в России — не помню их точное соотношение с сельским населением, но явное большинство. И если мы начнем понимать, что горожанин это и есть гражданин, то есть человек, включенный в систему сложных взаимоотношений секуляризованного общества, а не подданный, у нас не будет проблемы и с выбором стратегии.

Андрей Юров:

— Как один из авторов проекта Энциклопедии я благодарен Александру Юрьевичу за разграничение разных традиций и поставленные вопросы. Хочу коротко сказать как раз о стратегиях. Какая из них предпочтительнее — Энциклопедия гражданской жизни или Энциклопедия «про понятия»? Или же — Энциклопедия интеллектуального гражданского процесса? На

предварительном этапе обсуждения проекта, которое продолжалось больше года, мы не могли договориться фактически именно о том, чего мы хотим. Потому что активисты хотели одного, политические акторы — другого, люди ученого звания — третьего. Я специально заостряю на этом внимание, так как сейчас, мне кажется, многое прояснилось. Речь идет об интеграционном проекте и о доверии. Поскольку у меня, например, нет доверия к академической среде как у активиста. А у нее нет доверия ко мне как к активисту. Я согласен, что Энциклопедия должна быть прежде всего о смыслах терминов, помогающих достижению понимания цели проекта и доверия к нему.

Александр Согомонов:

— Меня тоже зацепила мысль Нодара о соревновательном партнерстве смыслов. Это интересный заход для Энциклопедии, над этим стоит продолжать думать.

В конце хочу поделиться своим впечатлением о первой дискуссии, когда после выступления Бориса Дубина говорилось об особом пути России, ее стабильности, динамизме и т.д. Не думаю, что это адекватная лексика, когда мы обсуждаем проблемы языка гражданского общества. Стабильность, на мой взгляд, плохое слово, хотя правильное. Динамизм опасное слово, хотя тоже правильное. Лично я предпочел бы в этой связи говорить о более корректных и адекватных измерениях — профессионализме и открытости России. Со всеми остальными мельницами бороться не надо, нам нужны эти два ориентира. Из них рождаются национальная честь и гордость.

Продолжение в следующем номере

Экономика России после кризиса – что изменилось?

Кризис, с которым мы столкнулись в последний год в мировой и в российской экономике, помимо всех неприятных моментов для экономики и социальной жизни, имеет и положительные эффекты. В отношении России он означал преодоление значительного перегрева экономики, возникшего за 2–3 года перед кризисом от дешевых западных кредитов и дорогой нефти. Еще есть одно значение кризиса: он меняет приоритеты, заставляет задуматься о том, как развивается экономика, что нужно изменить. Кризис поэтому играет очень важную роль интеллектуального стимула для проектирования будущего экономического и социального развития. Сегодня можно говорить о том, как изменится экономика после кризиса.

Я считаю, что экономический кризис идет к концу, он прошел низшую точку и оказался сравнительно легким, несмотря на большие масштабы падения производства и в российской экономике, и за рубежом. Меры, которые принимали правительства развитых и развивающихся стран, были довольно быстрые и эффективные. Причем меня поразило, что некоторые меры в России принимались даже раньше, чем в развитых странах, раньше, чем они обсуждались на форумах «двадцатки».

Причина, почему этот кризис оказался сравнительно краткосрочным, состоит в том, что он был связан не с фундаментальными факторами развития мировой экономики, а с особенностями регулирования финансовых рынков и с денежно-кредитной политикой, которая проводилась в мировой экономике. Первый фактор, кризис регулирования, заключался в чрезмерном увлечении производными финансовыми инструментами, в конструировании очень сложных производных инструментов типа американских

*Сергей Васильев,
член правления —
заместитель председателя
Внешэкономбанка*

ипотечных секьюритизированных бумаг, с обвала которых он начался в самих Соединенных Штатах, что послужило толчком к общемировому финансовому и экономическому кризису. Второй фактор — это принятая на Западе система инфляционного контроля, когда основным критерием правильности кредитно-денежной политики является уровень инфляции. Парадокс последних лет перед кризисом состоял в том, что в результате либеральной кредитно-денежной политики денежная масса увеличивалась быстрыми темпами, а инфляция оставалась низкой, что устраивало центральные банки. Между тем избыточная денежная масса уходила на рынки активов в развивающиеся страны, бурно росло ипотечное кредитование, возник огромный финансовый пузырь.

Сейчас, когда мы выходим из кризиса, экономика России впервые за последние 10 лет может развиваться в более-менее нормальных условиях. В периоде 1999–2008 гг., когда экономика росла быстрыми темпами, было два подпериода — 1999–2004 и 2004–2008 гг. — разных по своей сути. В 1999–2004 гг. происходил восстановительный рост после кризиса 1998 года. С одной стороны, тогда произошла резкая девальвация рубля, что дало мощный стимул экспорту и производству импортозамещающей продукции. С другой стороны, у нас были огромные незагруженные мощности, которые очень легко загружались по мере восстановления экономики. Быстрый рост наблюдался и в следующий период, 2005–2008 гг., но на несколько другом основании. В то время резко выросла цена на нефть, и Россия получила огромные финансовые ресурсы, которые просто свалились с неба. В этот же период либеральная кредитно-денежная политика на Западе обусловила очень большой приток капитала из развитых рынков в развивающиеся, в частности в Россию. В результате финансовое изобилие вызвало резкий рост нормы накопления, инвестиций, бурный рост экономики.

В какой ситуации мы оказываемся в послекризисный период? Я думаю, что все факторы роста в предкризисный период сейчас исчерпаны. Девальвация рубля оказалась в итоге кризиса 2008–2009 гг. очень незначительной. А поскольку у нас инфляция значительно выше, чем на мировых рынках, то конкурентных преимуществ в результате девальвации ожидать не следует. Тех сверхвысоких доходов от экспорта нефти, которые мы получали в течение нескольких лет, в ближайшие годы не будет. Прогнозы роста экономики развитых стран очень скромные, соответственно, прироста потребления нефти и других ресурсов в прежнем масштабе не ожидается, цена на нефть будет находиться в пределах 100 долларов за баррель. Не будет в прежних масштабах и притока в Россию частного капитала, потому что кризис заставил развитые страны скорректировать свою кредитно-денежную политику. Дешевых денег больше не будет, нам придется рассчитывать на собственные ресурсы развития.

Нельзя не отметить в этой связи важный системный фактор. По сути, экономические реформы в стране закончились, потому что сформировалась вполне зрелая система экономических взаимоотношений, функционирование которой в общем больше не зависит от того, какие законы мы принимаем, и в ближайшие 5–7 лет больших изменений в системе экономического регулирования не предвидится.

С другой стороны, я думаю, что в эти годы предстоят большие изменения в экономике. До сих

пор никто не заботился о том, чтобы перестроить устаревшую, изношенную экономику, предпочитали строить новую экономику рядом со старой. Период такого развития закончился. По-

нятно, что сегодня основной ресурс роста — это реконструкция существующего промышленного потенциала. Это совершенно другой, чем прежде, тип развития. Нам придется вкладывать в существующие предприятия, в их техническое переоснащение, в переобучение персонала, в инновации, с тем, чтобы радикально поднять производительность труда.

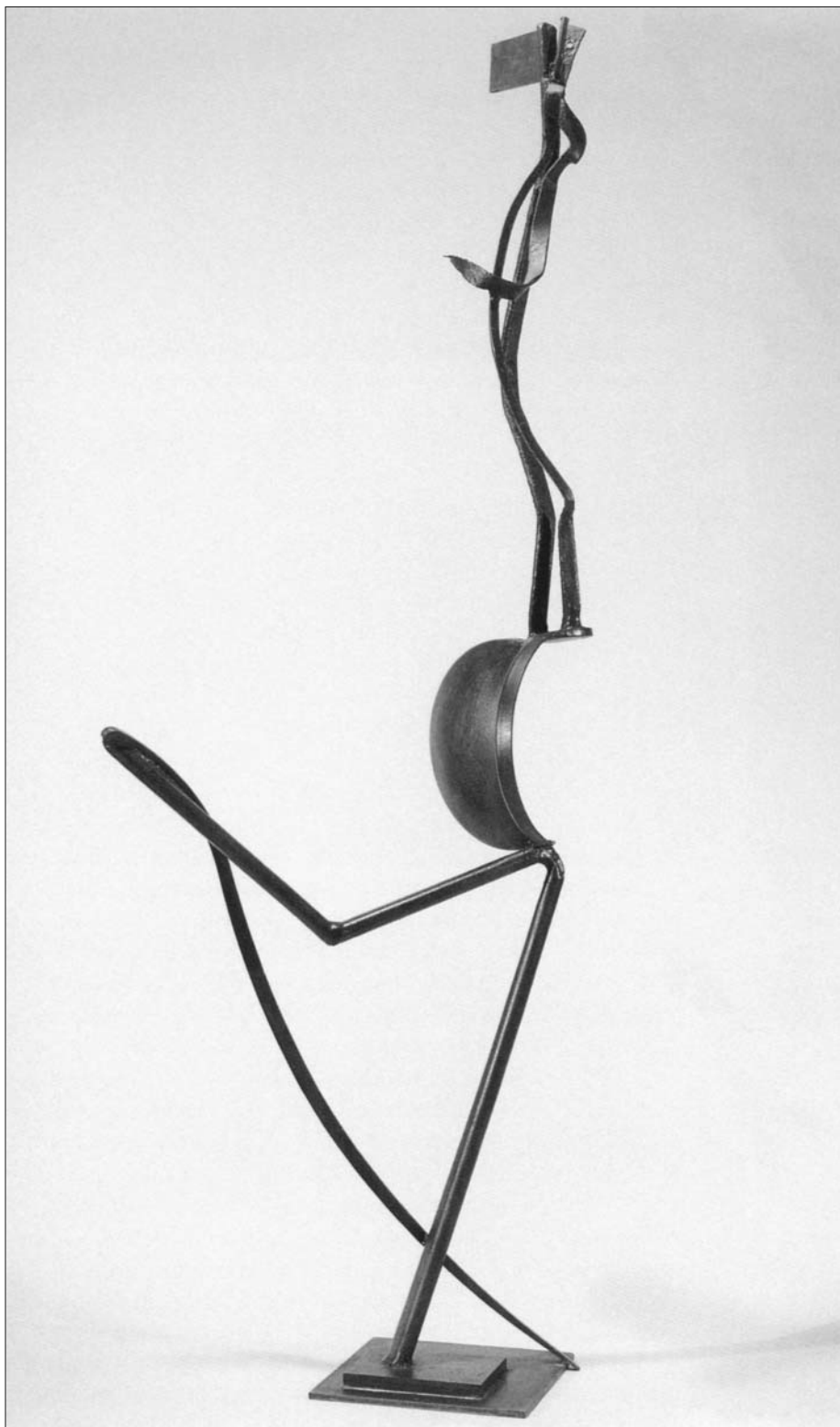
Такова экономическая потребность, но это не означает, что так будет неизбежно происходить. Возникает вопрос, а кто, собственно, будет, агентом этих изменений? Тут два варианта — либо это государство, либо частный сектор. В последнее время, и до кризиса, и в кризисное время, государство все активнее включается в процесс реконструкции народного хозяйства, прежде всего в сферах стратегических, где действительно есть крупные предприятия, где большая роль государственных заказов, — авиация, оборонная промышленность, судостроение, некоторые другие. Между тем опыт показывает, что государство, бюрократия, не может быть эффективным агентом инноваций и технического перевооружения, в особенности наша бюрократия с конкуренцией разных интересов внутри нее. Например, объединенная судостроительная корпорация до сих пор не сформирована, хотя там уже сменились 3 руководителя; все, что происходит сейчас в авиационном комплексе, тоже признать успешным невозможно.

Сейчас очень большие надежды возлагаются на малый и средний бизнес. Думаю, что это важно с точки зрения развития конкуренции в экономике, решения проблемы занятости, главным образом в секторе торговли и услуг. Но в масштабе народного хозяйства развитие этого сектора мало повлияет на повышение производительности труда, потому что в промышленности, где особенно важна эффективность труда, основная масса продукции в России производится на крупных

Представление о том, что в отсутствие крупного бизнеса бюрократия вместе с интеллигенцией могут сформировать видение будущего страны, — это утопия

Дэвид Смит. Бегущая девочка. 1956

предприятиях. Поэтому проводником инноваций, реконструкции, технического перевооружения может быть только крупный бизнес. Только он может вложить в крупные предприятия большие средства и на длительный срок. Однако его роль в этом смысле сейчас недооценивается. Есть еще одна роль крупного бизнеса, помимо того, что это основной проводник реконструкции и повышения производительности труда в экономике. Только национальный крупный бизнес может сформировать повестку дня долгосрочного развития страны, потому что для реализации его экономических интересов, возврата инвестиций необходимы определенные политические условия. Представление о том, что в отсутствие крупного бизнеса бюрократия вместе с интеллигенцией могут сформировать видение будущего страны, — это утопия.

Надежда на то, что оздоровить нашу экономику могут западные инвесторы — тоже утопия, потому что они приходят в Россию со своими интересами. Как бы транснациональные корпорации ни были интегрированы в российскую экономическую жизнь, их политические интересы всегда будут вне страны. А какие политические интересы они будут транслировать внутрь страны — это большой вопрос. Поэтому без крупного национального бизнеса никакое долгосрочное развитие невозможно, как невозможно и формирование повестки дня долгосрочного развития.

Я как банкир очень хорошо ощущаю это на примере банковского сектора, откуда происходит вытеснение крупных национальных частных банковских структур ввиду экспансии государственных и западных банков. С точки зрения банковского бизнеса это крайне ущербное развитие, потому что западные банки приносят сюда западную банковскую культуру, довольно отличную от российской, а государственные банки хоть и живут в российской банковской культуре, но обременены огромной бюрократизацией и господством неэкономических интересов.

Что еще важно, на мой взгляд, для того, чтобы крупный бизнес стал эффективным агентом политики долгосрочного развития? Для этого нужны реальные гарантии прав собственности, потому что если эффективных гарантий таких прав не существует, то даже крупный бизнес будет действовать на основе краткосрочных интересов; никто не будет надолго вкладывать деньги в предприятие, если нет гарантий, что ты будешь им управлять через 5 лет. Это проблема не только судебной системы, но и ограничения произвола силовых ведомств. Теоретически произвол силовых ведомств можно обжаловать в суде, но компания может развалиться задолго до того, как закончится судебное разбирательство. Это фундаментальная проблема. У нее есть еще один аспект: проблема передачи собственности, которая будет возникать в недалеком будущем, хотя наши крупные собственники сравнительно молоды. При отсутствии надежных гарантий прав собственности и

механизмов ее передачи крупные (любые) бизнесмены сплошь и рядом прибегают к неформальным связям в госаппарате, в силовых ведомствах, которые обеспечивают им защиту этой собственности. Будут ли способны их наследники защитить таким же образом собственность — большой теоретический и практический вопрос, потому что если собственность не защищена, то считайте, что ее нет.

Важная тема, которой я хотел бы коснуться, это инновационная экономика. Мне кажется, сейчас наше руководство понимает, что модернизация страны невозможна без реконструкции народного хозяйства, повышения производительности труда, инноваций и новых технологий. Но, на мой взгляд, трезвому подходу к решению этих задач мешает ностальгия по советскому времени, когда у нас была великая наука, с которой мы добивались огромных успехов, и если возродить эту науку и правильно ее организовать, это сразу позволит нам ликвидировать технологическое отставание от современных требований.

Однако надо четко понимать, что такой науки больше никогда не будет. Советская наука возникла в совершенно уникальных условиях, она работала в конечном счете на 100% на оборонный комплекс. Те отрасли, которые не работали на оборонный комплекс, не развивались. Лучший пример — биологическая наука в той ее части, в которой она не была связана с биологическим оружием. Все, что было связано с обороной, развивалось быстро, и понятно почему — это был вопрос выживания страны и режима в условиях конфронтации с иными политическими системами. Гигантские ресурсы, особые условия жизни и труда для ученых, жесткая система стимулов и наказаний приносили блестящие результаты, но страна больше не будет находиться в такой ситуации и симулировать прежние условия выживания невозможно.

Я не утверждаю, что российская наука не может сегодня ничего предложить. Однако у нас нет времени дожидаться создания собственной научно-технической базы, способной поставлять передовые технологии во все отрасли и в нужных объемах. Самый разумный путь радикального обновления существующих производств и создания новых — импорт технологий и производственных процессов, создание технологических альянсов с крупными международными компаниями, переподготовка и обучение кадров.

Если говорить о том, где мы можем сохранить лидерство или получить лидерство, это, конечно, отрасли, в которых у нас есть историческое преимущество. Это атомная промышленность, где по технологиям мы до сих пор на передовом уровне, отчасти военная авиация, нефтяная и газовая промышленность, где у нас, с одной стороны, есть очевидная потребность в трансферте технологий, с другой — свои неплохие наработки.

Последняя тема, которая после кризиса требует особого внимания, пенсионное обеспечение. Фундаментальная проблема российской действительности — это резкое изменение соотношения численности пен-

сионеров и работающего населения в ближайшие 10-15 лет и существенное падение коэффициента замещения, то есть отношения средней пенсии к средней зарплате. В прошлом году он составлял порядка 28%, европейский стандарт — 40%, а прогноз таков, что если сохранятся нынешние тенденции, то к 2020 году коэффициент замещения снизится до 15%. Это означает полномасштабный кризис распределительной пенсионной системы. Если предположить сохранение существующих тенденций и поддерживать хотя бы сегодняшний коэффициент замещения, то половина федерального бюджета будет уходить на пенсии. Это невозможно, потому что в нашем госбюджете три главные статьи расходов: пенсии, социальный сектор (здравоохранение и

Самый разумный путь радикального обновления существующих производств и создания новых – импорт технологий и производственных процессов...

образование) и содержание государства, где самая затратная статья — это армия и силовики. Рост доли пенсионных расходов означал бы вытеснение из бюджета других расходов, что может вызвать чрезвычайное социальное напряжение. Я думаю, что наши силовики вместе с учителями и врачами просто не допустят этого. Поэтому большие надежды связывались с заменой распределительной системы пенсионного обеспечения накопительной, то есть внебюджетной. Однако по ряду причин концепция накопительных пенсий была дискредитирована. Во-первых, когда государство реформировало пенсионную систему, отчисления на накопительную часть составляли 2–6% от оплаты труда. Любой образованный человек мог посчитать, что за свою карьеру он накопит очень незначительные суммы, то есть существенного экономического значения эта система не имела. Во-вторых, государство сразу же начало менять правила игры, а, в-третьих, кризис показал, насколько ненадежны инвестиции, в том числе пенсионных средств, в финансовые инструменты, насколько это нестабильный рынок.

С учетом того, что большая часть пенсионных накоплений по российскому законодательству помещается в фондовые инструменты, важно понимать, что произошло с инвестициями, которые были сделаны на российском фондовом рынке. Индекс РТС достиг на предкризисном пике 2400 пунктов, сейчас он составляет 1400, когда он вернется к 2400 пунктам, предсказать невозможно. Пока это мало влияет на пенсии, потому что пенсионеры будут получать накопительные пенсии только после 2020 года, но в принципе радикальное обесценение пенсионных накоплений — это факт, который сильно снижает доверие к накопительному компоненту. Поэтому накопительный компонент не будет у нас значим в ближайшие 20 лет, распределительная система находится в кризисе, и сейчас идет дискуссия о том, как можно профинансировать пенсионный дефицит.

Есть несколько идей, которые будут широко дискутироваться в обществе в ближайшее время. Одна из них — это так называемое увеличение индикативного пенсионного возраста. То есть возраст выхода на пенсию женщин и мужчин 55 и 60 лет сохраняется, но при выходе на пенсию в этом возрасте человек получает некую минимальную пенсию, которая несильно индексируется. А если человек выходит на пенсию в возрасте 60 и 65 лет соответственно, то будет получать, скажем, в три раза больше. Это серьезный экономический стимул для увеличения возраста выхода людей на пенсию, а значит, пополнение пенсионных ресурсов. Однако реализация этой идеи не полностью закрывает дыру в пенсионном фонде.

Вторая идея подкупает своей простотой — это выпуск гособлигаций для покрытия дефицита пенсионного фонда, особенно в период обострения проблемы, с 2015 до 2040 года; потом ситуация должна улучшиться. Но, на мой взгляд, идея тоже пока не очень реалистична. Совокупный внешний долг России (государственный и корпоративный) не превышает 20% от ВВП, и в принципе может быть увеличен вдвое без больших последствий для экономики. Но если в нынешней ситуации, в условиях высокой инфляции государство будет прибегать к внешним заимствованиям, то, во-первых, обслуживание долга будет очень дорого, во-вторых, использование государственных заимствований для финансирования пенсионной системы вытеснит с рынка инвестиции в реальный сектор экономики, что приведет к подрыву потенциала реконструкции народного хозяйства. Так что с этой точки зрения в большом объеме деньги мы сейчас занимать не сможем. Однако этот вариант не исключен в будущем, потому что есть большие шансы, что инфляция в России будет сокращаться. Прогнозы некоторых макроэкономистов показывают, что инфляция уже в следующем году может составить от 4 до 6%. Если государство удержится в рамках пенсионной бюджетной стратегии, которая предполагает стабилизацию бюджетных расходов на ближайшие три года, реально снижение инфляции до 3–5% к 2011 году. Соответственно, стоимость заимствований упадет, и если к этому времени у нас восстановится финансовая система, то какую-то часть пенсий мы сможем финансировать за счет заимствований. Но я думаю, что и это не станет весомым фактором.

Как я себе представляю пенсионную ситуацию в ближайшие 5, 10, 15 лет? Думаю, что повторится история 1990-х годов. Когда денег в пенсионном фонде не хватает, а возможности бюджета ограничены, придется поддерживать минимальные пенсии на уровне более-менее достойного прожиточного минимума. При этом разрыв между максимальной и минимальной пенсией будет сокращаться. От этого пострадают те, кто заработал более крупные пенсии, но с точки зрения социальной справедливости это, может быть, нормально, так как все равно взаимосвязь между трудовыми усилиями будущих пенсионеров и размерами их пенсий не столь велика.

Историческая политика в демократических обществах. Инициатива гражданина

*Ютта Шеррер,
профессор Высшей школы
социальных наук (Париж)*

В статье пойдет речь о популярном ныне понятии «историческая политика» и связанных с ним практиках. В России этот термин вошел в употребление всего несколько лет назад, но успел стать чрезвычайно актуальным — не в последнюю очередь оттого, что под ним подразумевают отношение политической власти к истории, то есть использование истории политикой, и прежде всего в период, который связан с началом правления В.В. Путина. В последнем номере журнала «Pro et Contra»*, полностью посвященном теме «историческая политика», уважаемый мною российский историк Алексей Миллер дает подробный анализ использования этого концепта в современной России. Историческая политика рассматривается Алексеем Миллером, как, впрочем, и другими российскими историками, политологами и журналистами, в значении «официальная политика, использующая историю и прошлое в своих целях», то есть как политика «сверху».

Между тем в демократических плюралистических обществах понятия «историческая политика» и «политика прошлого» имеют гораздо более широкое содержание, чем история на службе у политики. Задача исторической политики не сводится к формированию и закреплению предписанной или догматической картины мира, она предполагает посредничество в изучении разных форм опыта и памяти, исследование отвергнутых альтернатив и поиск забытых фактов.

В сферу исторической политики, как и публичного обсуждения истории и памяти, вовлечены не только политики и публицисты, но и представители самых разных профессиональных групп, с их интересами и

* См.: Pro et Contra, № 3–4 (46), май — август, 2009.

стратегиями, благодаря которым и происходит расширение историко-политического пространства. В формировании исторической политики важную роль играют профессиональные историки в различных сферах их деятельности: в качестве ученых и учителей, архивистов и кураторов выставок, сотрудников музеев и мемориальных комплексов.

Далее, в подтверждение того, что в плюралистических обществах, в силу их характера, могут существовать самые разные и подчас противоречащие друг другу толкования прошлого, я приведу несколько примеров из истории ФРГ и заодно расскажу об этапах ее становления в послевоенный период.

После 1945 года

Тотальное поражение Германии в мае 1945 года повлекло за собой и радикальную смену политического курса. То, что в основе политической культуры современной Германии лежит признание вины немцев в холокосте, не является заслугой предписанной сверху политики. Этому предшествовал долгий и трудный путь, который можно было преодолеть лишь при условии консенсуса в обществе: благодаря моральной и политической инициативе граждан как одному из факторов исторической политики.

Нельзя сказать, что 1945 год стал началом отсчета новой немецкой истории или часом «ноль», поскольку тогда не было нормы, к которой можно было бы просто так перейти. Первые годы послевоенного периода все-таки не были отмечены критическим анализом прошлого. Подавляющее большинство немцев было поглощено восстановле-

нием страны и пыталось вытеснить из сознания едва прошедшее прошлое Третьего рейха. Основная часть немецкого населения с апатией отнеслась к Нюрнбергскому процессу, который задумывался победившими союзниками отчасти и в воспитательных целях.

Исключения были — среди них философ Карл Ясперс, протестантский теолог Карл Барт и первый президент Федеративной Республики Германии Теодор Хейс. Они стали говорить о коллективной вине, коллективном стыде и, наконец, о «коллективной ответственности» немецкого народа за трагедию холокоста, имея в виду необходимость признания вины и обязательство искупления. Около 1949 года появилось выражение *Vergangenheitsbewältigung* (преодоление прошлого), которое подразумевало критическое осмысление периода террора и холокоста. Впрочем, позже на смену этому понятию, из-за его расплывчатого характера, пришло другое — *Aufarbeitung der Vergangenheit* (проработка прошлого), впервые использованное философом Теодором Адорно в 1959 году. «Безжалостная “проработка прошлого” должна проявляться изнутри как саморефлексия и не может навязываться извне как пропагандистское оружие».

По сравнению с этим, оценочно-моральным, отношением к террору и холокосту понятия «историческая политика» и «политика прошлого» предполагают более прагматическую и реалистическую оценку прошлого. «Политика прошлого» отсылает к ФРГ 50-х годов, когда решался вопрос об отношении к институциональному и человеческому наследию национал-социалистической системы. Она подразумевает практические политические меры в виде уголовно-правовой и юридической

оценки национал-социалистских преступлений, возмещения ущерба различным группам жертв от деяний национал-социалистов, а также персональную правовую политику по отношению к нацистским преступникам. Сюда же относится и критический анализ нацистского прошлого, его осмысление в историографии, литературе, искусстве и философии. В 1952 году в Бонне открылся первый федеральный центр политического образования, который должен был обеспечить демократии диалог с обществом, наукой и политикой.

В результате интенсивной работы по осмыслению нацистского прошлого и его преступлений появилась новая дисциплина — *Zeitgeschichte* (современная история), первый институт которой открылся в Мюнхене в 1952 году. В 60-е годы при исторических факультетах стали создаваться кафедры современной истории. Тем не менее предстоял еще долгий и тяжелый путь, пока причины холокоста и заражения всего общества нацистской идеологией не стали предметом изучения на школьных занятиях.

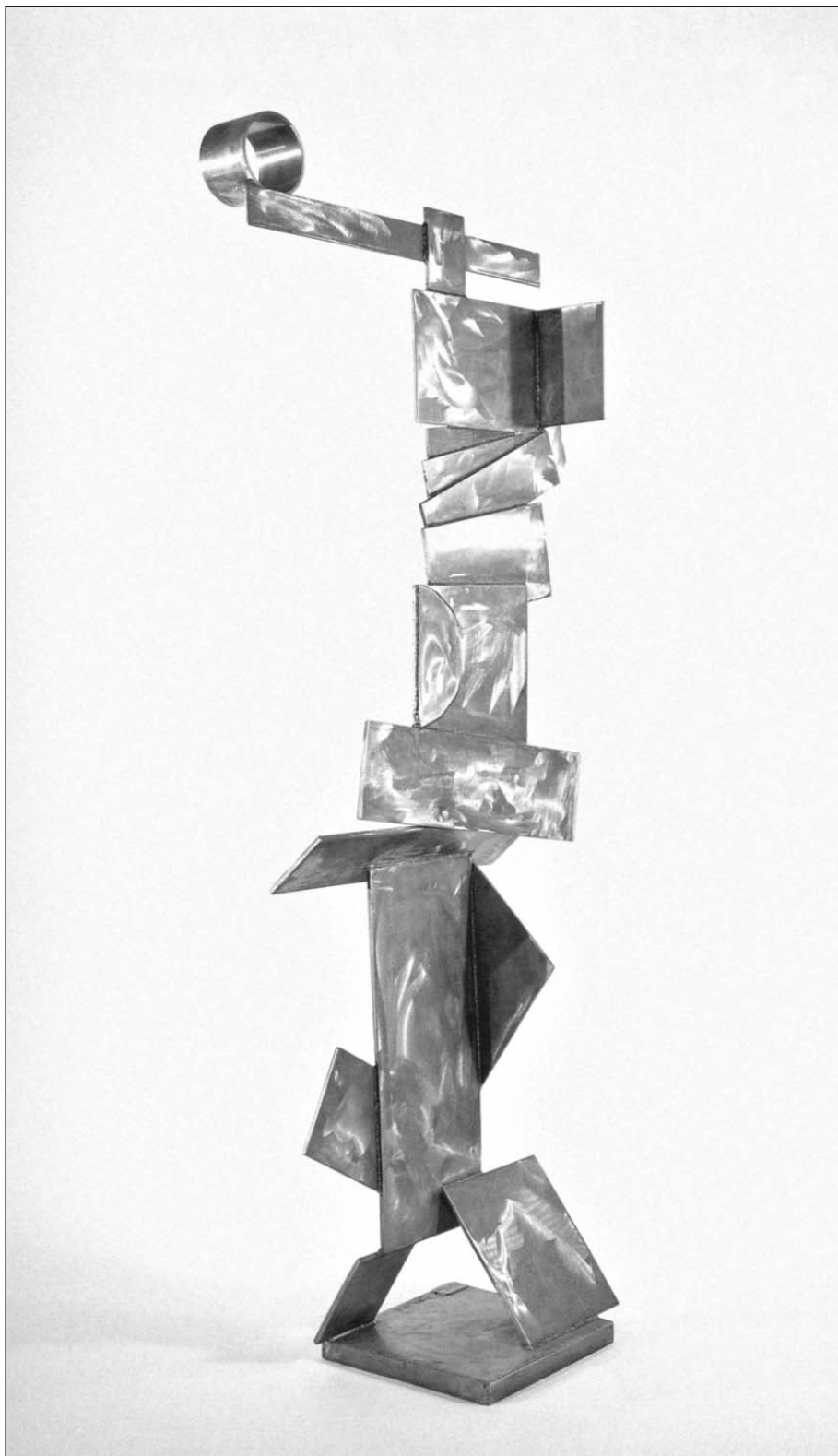
Лишь в конце 50-х — начале 60-х годов в центральных средствах массовой информации постепенно стала разворачиваться дискуссия о непреодоленном прошлом. Это дало толчок к формированию специфической политической культуры ФРГ, в основе которой лежит сознание исторической ответственности в отношении нацистского прошлого. Процесс Эйхмана в Иерусалиме (1961–1962), Франкфуртский процесс над палачами Освенцима (1963–1964) и другие крупные процессы против нацистов вместе с громкими дебатами в

бундестаге о возможности применения срока давности вызвали в обществе всплеск интереса к нацистскому периоду. Кроме того, смена поколений решительным образом повлияла на введение в повестку дня требования о переосмыслении прошлого. Молодежь в 68-м году бунтовала и против пози-

История в плюралистическом обществе всегда будет предметом споров и дискуссий, и историческая политика ни в коей мере не должна сворачиваться до заданных государством рамок

ции своих родителей, не желавших что-либо знать, и против государства, в котором ведущие посты занимали бывшие члены нацистской партии.

Смена политических и культурных ценностей, произошедшая в 70-х и 80-х годах, подготовила почву для обсуждения в публичном пространстве проблемы «вины». Важный этап послевоенного периода связан с восточной политикой Вилли Брандта. 7 декабря 1970 года первый канцлер от социал-демократической партии подписал Варшавский договор, в котором линия по рекам Одер и Нейсе подтверждалась — до принятия окончательного мирного договора — в качестве фактической границы между Германией и Польшей. Брандт тогда заявил, что федеральное правительство принимает «результаты истории». В тот же день от имени всего немецкого народа Вилли Брандт преклонил колени перед Мемориалом жертвам национал-социализма в бывшем варшавском гетто. Поступок Брандта, ставший символом окончательного разрыва с прежней внешнеполитической политикой Гер-

Дэвид Смит. Страж аналогия. 1961

мании и одновременно выражавший просьбу о прощении за совершенные немцами преступления, расколол немецкое общество, которое в целом не готово было принять подобный жест. Длительное замалчивание преступлений Третьего рейха было нарушено в семидесятые годы, когда стали проводиться выставки и открываться исторические музеи, которые способствовали осмыслению национал-социалистской диктатуры и внесли вклад в политическое образование общества. В 1973 году по инициативе федерального президента Густава Хайнемана состоялся школьный конкурс «Немецкая история». Интерес к собственной истории должен был способствовать формированию у детей и подростков сознания исторической ответственности. Ведь без знания истории невозможно осмыслить прошлое. Хотя в документальном и игровом кино тема нацистского периода прорабатывалась достаточно подробно, по-настоящему потрясти массовое сознание удалось продукту иностранного производства. Американский телесериал «Холокост» заставил немцев критически взглянуть на свое прошлое. 4-серийный фильм, показанный в январе 1979 года, каждый вечер собирал у экранов 10–20 миллионов телезрителей — успех, которого не могла добиться ни одна другая передача немецкого телевидения на современную историческую тему. Популярность сериала вскоре нашла подтверждение и в лексико-семантическом плане. Отныне в Германии массовое уничтожение евреев («окончательное решение» — в терминологии нацистов) получило обозначение «холокост». В 1979 году Общество немецкого языка выбрало «холокост» словом года.

Однако тогда же стали усиливаться тенденции отрицания факта уничтожения евреев и использования газовых камер. Как правило, за этими заявлениями, которые получили название ревизионизма или негационизма, стояли правозащитные круги. Такого рода ревизионистские фальсификации стали причиной принятия в 1985 году закона об Освенциме, в котором отрицание холокоста подвергается судебному преследованию.

Важной вехой в исторической политике ФРГ стала речь федерального президента Рихарда фон Вайцзеккера, произнесенная 8 мая 1985 года в бундестаге, по случаю 40-й годовщины окончания Второй мировой войны и национал-социалистской тирании. Вайцзеккер впервые объявил 8 мая «днем освобождения» (а не днем капитуляции или краха). «Этот день освободил всех нас от бесчеловечной системы национал-социалистской тирании. Но никто не забудет о страданиях, которые с этого дня во имя освобождения начались для многих немцев. Причину несвободы и нашего разделения мы должны искать не в исходе войны. Настоящая причина — в развязывании войны и начале той тирании, которая привела к войне. Мы не можем отделить 8 мая 1945 года от 30 января 1933 года».

Другим важным этапом в поиске немецкой идентичности стал так называемый спор историков, который разгорелся в 1986–1987 годах между философом Юргеном Хабермасом и историком Эрнстом Нольте во время дискуссий о немецком прошлом и исторической релятивизации нацистских преступлений. В ходе этой полемики впервые в официальном историческом дискурсе прозвучало выражение «историческая политика». Оно уже давно

используется не только для легитимации политической власти, но и ставит вопрос, как исторические интерпретации могут влиять на политический дискурс.

Если говорить коротко, то Нольте интерпретировал войну Германии против Советского Союза в 1941–1945 годы как превентивную защитную меру национал-социалистов против угрозы нападения Советского Союза, а создание национал-социалистских концентрационных лагерей и лагерей смерти — как реакцию на сталинский ГУЛАГ. При этом внутригерманские причины военных преступлений и массового уничтожения людей подменялись внешними предпосылками*. Основной аргумент Хабермаса против позиции Нольте звучал следующим образом: нацистские преступления, если их изображать как «ответ на большевистскую угрозу уничтожения», и Освенцим, если его упрощать до формата технической инновации, — теряют свою историческую беспрецедентность. Выступая против исторического ревизионизма Нольте, Хабермас и Дольф предлагали искать идентичность Германии в идее «конституционного патриотизма», где в качестве единственно возможной альтернативы этнической идентичности выдвигается критерий гражданства, и потому это единственно возможный патриотизм, «который не вызовет отчуждения Запада»**. «Конституционный патриотизм» стал с тех пор основным понятием западногерманской исторической политики, а признание беспрецедентности массового уничтожения евреев — основой политического самосознания ФРГ.

После 1989 года

После немецкого воссоединения 1990 года теперь уже прошлое ГДР становится частью исторической политики и политики прошлого новой Германии. Все, что было упущено ФРГ в 50-е годы во время «осмысления первой немецкой диктатуры», как бы наверстывалось в ходе оперативного анализа диктатуры в ГДР. При «осмыслении» прошлого ГДР использовались практически те же критерии, что и после смены режима 1945 года: уголовно-правовое преследование преступников, их гражданская дисквалификация, а также требование возмещения ущерба жертвам. Это был анализ прошлого ГДР как неправового государства в юридическом и уголовно-правовом аспекте.

Осмысление истории ГДР, благодаря массивному архивному материалу, рассекреченному практически сразу после крушения ГДР, дало толчок невиданной динамике. Длина полков только с документами Министерства госбезопасности составляла без малого 170 км. В ходе их обработки использовался и опыт подобной работы в послевоенный период ФРГ. Так, немедленно начала работу парламентская комиссия «Осмысление истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии», которая к настоящему времени подготовила 9 томов материалов с экспертизами и показаниями свидетелей, чего не было сделано для периода национал-социализма.

Ни один субъект послевоенной европейской истории не подвергался такому интенсивному анализу, как несуществующее с 1990 года восточно-немецкое

* Hierzu E. Nolte. *Vergangenheit, die nicht vergehen will*, FA Z, 6.6. 1986; E. Nolte, *Der europäische Bürgerkrieg von 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus*, Frankfurt a.M. 1987.

** Jürgen Habermas. *Eine Art Schadensabwicklung*, Die Zeit, 11.7. 1986.

государство и его общество*. Этому немало способствовали и многочисленные институциональные учреждения. Открытие исторических музеев, реконструкция мемориальных памятников жертвам национал-социализма и создание мест памяти жертвам политических преследований в ГДР — все это обусловило возникновение в самое короткое время новой культурной памяти о прошлом советской оккупационной зоны Германии и ГДР. Как пример можно привести ставший достоянием общенности факт использования НКВД бывших нацистских лагерей для интернирования нацистских преступников, а позже и заключенных по политическим мотивам: в 1945–1949 годах в Бухенвальде коммунистические надзиратели сотрудничали с прежней фашистской администрацией лагеря.

Берлин как новая столица объединенной Германии становится пространством культурной памяти, которую стремится создать себе историческая политика новой Германии. Открытие Немецкого исторического музея должно расцениваться как дань двойной немецкой истории послевоенного времени. В 2001 году в центре Берлина открылся крупнейший в Европе Еврейский музей. Также в центре столицы в 2005 году был сооружен грандиозный монумент — Памятник убитым евреям Европы. Все эти многочисленные мемориальные сооружения, возведенные при официальной государственной поддержке, часто реконструируются и переосмысляются под влиянием гражданской инициативы. Прежде всего, возведение мемориала жертвам холокоста вызвало бурную полемику среди населения, так как в истории не

было еще случая, когда народ в центре своей столицы ставит памятник своему позору.

Но вместе с тем в объединенной Германии получает распространение образ войны, где немцы предстают жертвами. За этим видится исторический демарш объединений немецких переселенцев, которым, в частности, принадлежит идея создания в Берлине «Центра против депортации». Другие объединения требуют также отмены декретов президента Чехословакии Бенеша 1945 года, касающихся живших в основном в Судетской области немцев. Перемещение «групп населения немецкого происхождения» приравнивается ими к «преступлениям против человечности», и, представленное вне исторического контекста, оно оставляет без ответа вопрос о его причинах. В соседних странах, Польше и Чехии, обсуждаемый в Берлине проект стал вопросом политического значения: подобный музей, по их мнению, завалирует, кто в самом деле несет ответственность за Вторую мировую войну и последующие депортации.

В 1995 году Гамбургский институт социальных исследований (неправительственное учреждение под руководством Яна Филиппа Реемтсмаса) организовал выставку «Война на уничтожение. Преступления вермахта в 1941–1944 годах», которая побывала в 33 городах Германии (позже она была переработана и обновлена). Если до сих пор в общественном сознании бытовало мнение, что ответственность за преступления во время оккупации Восточной Европы и истребление миллионов евреев и славян, объявленных расистами неполноценными, лежит исключительно на войсках СС, то

* Обзор исследований, посвященных ГДР, предлагается в: Ulrich Mählert / Manfred Wilke: *Die DDR-Forschung — ein Auslaufmodell? Die Auseinandersetzung mit der SED-Diktatur seit 1989*, в: *Deutschland Archiv* 37 (2004), S. 465–474.

выставка решительным образом опровергает миф о «чистом вермахте». На основе документов из личных архивов — фотографий, писем, открыток и т.п. — встает образ обычного, рядового солдата вермахта, который участвовал в истребительной войне против Советского Союза, в опустошении и разграблении захваченных территорий, в массовых убийствах мирных граждан, уничтожении советских заключенных и в холокосте. (Поляки справедливо упрекали создателей выставки в том, что те не привлекли к участию в проекте представителей Польши.) Заключительный раздел выставки посвящен послевоенной Германии, в которой пытались стереть следы плохих воспоминаний. В результате рушится привычный образ поколения, созданный им самим: экспозиция ставит перед фактом массового истребления народов, которое оправдывалось войной с ведома и при непосредственном участии миллионов немцев.

Ритуализация воспоминания, принуждение к жестам покаяния стали вызывать сомнение и у людей — признанных авторитетов нации. Так, писатель Мартин Вальзер в 1998 году в своей благодарственной речи по случаю вручения ему премии мира от Фонда немецкой книготорговли высказался против «рутинного воспоминания» об Освенциме и «ритуализации» общественной памяти. Освенцим, по его словам, превращается в повседневную «моральную дубину», происходит «инструментализация нашего позора ради сегодняшних целей», тогда как конфликт с национал-социализмом должен быть в первую очередь вопросом индивидуальной совести. «Совесть не передается» — таково было послание Мартина Вальзера, вызвавшее бурю в немецком обществе.

Можно приводить сколько угодно примеров, что Германия никогда не избавится от своего прошлого, и историческая политика и политика прошлого по-прежнему тесно взаимосвязаны. Дебаты вокруг «закона о возмещении ущерба бывшим принудительным рабочим Третьего рейха», процесс о запрете НДП (национал-демократической партии Германии), спор о перемещенных культурных ценностях и новые процессы над преступниками, как проходящий сейчас в Мюнхене против Джона Демьянюка, бывшего надзирателя в лагере смерти Собибор, — все это происходит на фоне настоящего ажиотажа вокруг музеев, выставок, мероприятий в память о жертвах национал-социализма и засилья исторических тем в аудиовизуальных СМИ, что, к сожалению, часто наводит на мысль о «рыночной стоимости» воспоминания или «театре памяти».

Национал-социализм и впредь будет оставаться важным фактором немецкой исторической политики, так как прошлое — не школьное задание по воспоминанию, которое можно отработать или сдать. Новые поколения задают новые вопросы, они иначе относятся к прошлому и видят его в контексте другой современности. История в плюралистическом обществе всегда будет предметом споров и дискуссий, и историческая политика ни в коей мере не должна сворачиваться до заданных государством рамок. Ее использование в решении вопросов современности требует непрекращающейся активности гражданина и гражданского общества вопреки официальной историографии. Историческая политика — это не история на службе у политики.

Перевод с немецкого
Нины Манджиевой

Управляемый Интернет: возможности и пределы

Сеть — в массы!

Не секрет, что российский сегмент сети Интернет стал заметной составляющей общественно-политической коммуникации. Специалисты из самых разных отраслей знания получают здесь необходимую информацию, оперативную и разностороннюю. Простые граждане обсуждают вопросы политики и персоналии ее творцов в блогах, социальных сетях или на форумах. Сами политические деятели с большей или меньшей степенью откровенности высказываются в своих электронных дневниках. Кто-то из россиян, позабыв о бумажной форме переписки, обращается с просьбами и чаяниями непосредственно на блоги Дмитрия Медведева, Бориса Грызлова, Сергея Миронова или своего губернатора. Пропаганда Интернета стала такой же составной частью фирменного стиля руководства страны, как некогда увлечение горными лыжами или дзюдо. Так, выступая на медиафоруме в Москве в декабре 2009 года, Дмитрий Медведев заявил, что считает сетевые дневники хорошей формой прямого общения должностных лиц и руководителей всех уровней с гражданами, настоятельно рекомендуя чиновникам обзавестись этим инструментом мониторинга общественных настроений. Как иронично отметили тогда журналисты, «рекомендации президента были услышаны еще до того, как они были озвучены. Начальники разных уровней, следуя примеру главы государства, уже проявили инициативу, обзаведясь модным атрибутом политической элиты»*. Заметим, что сетевой дневник сейчас есть уже у каждого пятого губернатора. И хотя, по мнению экспертов, не все руководители регионов полностью отдают себе отчет о возможностях этой технологии, лидерство по освоению блогосферы пока удерживают губернаторы Центрального федерального округа**.

Действительно, нет более продуктивного инструмента общественного прогресса, чем свободное выражение человеческой мысли. Вполне законно и присущее людям желание обмениваться мнениями и суждения-

*Наталья Балакирева,
эксперт Фонда гуманитарных
и экономических исследований
«Созидание»,
выпускница Школы (Орел)*

* Красилова Н. *Мода от блога* // Новые известия. 11 декабря 2009.

** Замула А. «Губернаторы 2.0»: каждый пятый губернатор имеет свой блог в Интернете. См.: <http://www.regionpr.ru/page208.html>.

ми касательно социальной жизни. Интересно, что возможности, предоставляемые Интернетом, все более востребованы и в России, где государственное регулирование по-прежнему является преобладающей формой управления информационной сферой. Это, на мой взгляд, неслучайно. Сетевые контакты способны хотя бы частично удовлетворять потребности жителей страны в публичном пространстве. Очевидно, однако, и то, что такая коммуникация далеко не во всем безупречна.

Интернет — под контроль

Как известно, в развитых западных странах Интернет, равно как и гражданское общество, развивается достаточно независимо от государства. Развитие большей части коммуникационной среды, включая и гражданское общество, в России происходит под строгим государственным надзором. Из теоретической плоскости вопрос о способах государственного регулирования Интернета недавно перерос в плоскость практическую, став составляющей государственной информационной политики. Фактически у нас на глазах происходит становление нового управленческого механизма, призванного, по мнению некоторых экспертов, «обуздать» интернет-коммуникацию. Иными словами, многочисленным пользователям российского сегмента Всемирной паутины сегодня угрожает вполне реальная опасность всевозможных санкций со стороны государственных структур. И в таком случае принадлежность этой сферы к гражданскому обществу окажется под вопросом.

Уже сегодня государственные органы все чаще принимают на себя роль главного регулятора этой части публичного

пространства, вызывая у пользователей если не панику, то, по крайней мере, немалое раздражение. Так, печальные ассоциации и негативные отклики у сетевого сообщества вызвал законопроект, в 2009 году переданный правительством России на экспертизу в Министерство юстиции. Как отмечалось в пояснительной записке, документ направлен на обеспечение безопасного использования государственных информационных ресурсов. В ней также значилось, что основные положения законопроекта разработаны по итогам оперативного совещания в Совете безопасности, которые утвердил президент. Основным нововведением, по мнению экспертов, является пункт о свободном вмешательстве силовых структур в деятельность провайдеров и пользователей; в случае принятия соответствующего закона правоохранительные органы получают право «требовать от провайдеров закрывать Интернет для тех лиц, на которых укажут силовики». Кроме того, выдвигается предложение каким-то образом обособить российский сегмент Интернета от остальной сети. Это намерение в записке объясняется так: «Действующий механизм саморегулирования в этой сфере не способен обеспечить защиту личности, общества и государства в условиях анонимности». Поэтому предлагается, в частности, чтобы правила регистрации доменных имен в национальных доменах Российской Федерации согласовывались с Министерством связи и ФСБ*. Заметим, что жесткие формулировки этого законопроекта в значительной степени противоречат идеологии другого ключевого документа, уже одобренного Россией несколько лет назад. В 2003 году Совет Европы принял Декларацию свободы в Интернете, в которой призвал страны-члены обеспечить доступ гражд-

---

* *Родин И. Российский сегмент взяли под охрану // Независимая газета. 29 сентября 2009.*

дан к Всемирной сети и освободить провайдеров от ответственности за информацию, переданную через их серверы. Декларация была подписана представителями ряда европейских стран, среди которых есть и страны СНГ — Россия, Украина, Азербайджан, Армения и Молдова. Она подразумевает соблюдение странами-подписантами семи принципов*. Перечислим наиболее значимые из них, имея в виду возможные противоречия с правительственным законопроектом, упомянутым выше.

Второй принцип Декларации носит название «Саморегулирование или совместное регулирование». В соответствии с ним государствам-членам следует поощрять саморегулирование или совместное регулирование содержания сообщений, распространяемых через Интернет. Далее, шестой принцип подразумевает «ограниченную ответственность провайдеров по контролю над содержанием информации в Интернете». Исходя из него, государства-члены не должны навязывать провайдерам обязанность контролировать содержание ресурсов, которые они делают доступными, передают или хранят. Их нельзя также заставлять активно заниматься поиском фактов или обстоятельств, свидетельствующих о незаконной деятельности; государственные органы должны обеспечивать условия для того, чтобы провайдеры не несли ответственности за содержание, ибо их функции ограничены передачей информации или предоставлением доступа к сети Интернет.

Кроме того, Декларация включает в се-

бя «принцип анонимности»: в целях обеспечения защиты Интернета от вмешательства и расширения свободного выражения идей и обмена информацией государства-члены должны уважать желание пользователей Интернета не раскрывать свою личность. Это, разумеется, не мешает государствам-членам

Как чрезмерная уверенность интернет-сообщества в абсолютной свободе, так и чрезмерное давление со стороны государства дадут нежелательный результат

принимать меры и сотрудничать в целях установления лиц, виновных в преступных деяниях, в соответствии с национальным законодательством, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и другими международными соглашениями между правоохранительными органами и органами юстиции.

Модельный закон

Любопытно, что содержание европейской Декларации стало одним из главных спорных пунктов во время обсуждения проекта модельного закона СНГ «Об Интернете», альтернативного российскому правительственному проекту. Очередная дискуссия по этому поводу проходила на заседании Постоянной комиссии Межпарламентской ассамблеи Содружества независимых государств по культуре, информации, туризму и спорту 2 декабря 2009 года в Петербурге**. Следует отметить, что первый проект подобного модельного закона появился еще в 2007 году и с то-

* Декларация о свободе общения в Интернете. Принята Комитетом министров на 840-м заседании заместителей министров. Страсбург, 28 мая 2003 года. См.:

http://nkag.org.ua/index.php?plugin=Content&path=Documents/Ur_docum_mejd_dorov/internet_glasn

** Комиссия МПА СНГ раскритиковала проект модельного закона «Об Интернете». См.: <http://www.eduhmao.ru/news/41/12224/>.

Макс Вебер. Африканская скульптура. 1910

го времени постоянно обсуждается и меняется Постоянной комиссией*. Впрочем, и на этот раз внесенные разработчиками поправки были настолько

невнятными, что участники комиссии не смогли удержаться от критики. В ходе изучения сводной таблицы поправок к проекту модельного закона

---

* Очередной вариант проекта модельного закона «Об Интернете» был представлен разработчиками на заседании Комиссии Совета Федерации по информационной политике 29 января 2008 года. См.: <http://www.ifar.ru/pr/2008/080130aa.pdf>.

эксперты не обнаружили ответов на замечания Межпарламентской ассамблеи стран СНГ, парламента Казахстана, Национального собрания Беларуси, Агентства связи и информатизации Узбекистана, Министерства связи России, Министерства связи и информационных технологий Азербайджана и многих других инстанций. Типичной реакцией разработчиков законопроекта на сделанные замечания стала фраза: «Замечание не содержит сформулированной поправки, которую можно было бы учесть». Ее применяли в отношении таких, например, пунктов:

«При определении состава субъектов авторы не делают различий в перечне субъектов, использующих интернет-ресурс, и субъектов — участников регулирования. В перечне субъектов нет указания на “национальных регистраторов”» (Институт государства и права РАН);

«Основные принципы регулирования правоотношений, связанных с Интернетом, целесообразно переработать с учетом норм принятой 28 мая 2003 года на 840-м заседании представителей Комитета министров Совета Европы Декларации о свободе обмена информацией в Интернете, которой определены семь основных принципов в области обмена информацией в Интернете» (Следственный комитет при МВД России);

«Отсутствует определение термина “национальная доменная зона” и многие другие» (Генеральная прокуратура России).

Сомнения представителей государственных и негосударственных структур в отношении модельного закона,

по-видимому, обоснованны, несмотря на то что он обладает явными достоинствами, в частности, научным и практическим базисом, сформированным на основании более чем пятнадцатилетних исследований данной сферы*. Характерно, что схожие замечания озвучиваются и представителями общественности, которую, помимо прочего, настораживает тесная связь разработчиков законопроекта — Российского общественного центра интернет-технологий (РОЦИТ) и Некоммерческого партнерства «Российская ассоциация электронных коммуникации» — с государством. Высказывается мнение, что эти организации являются закрытыми «надстроечными структурами, созданными властями, чтобы передать им те функции, которые самим властям исполнять как-то неудобно»**. Следует также отметить, что модельный закон носит в конечном счете рекомендательный характер***, в то время как российской интернет-сфере требуется вполне конкретный законодательный акт регуляционной направленности.

Сомнения общественности

С чем же связана в основном негативная общественная реакция на интересующий нас законопроект? Вероятно, ее истоки стоит искать не столько в смысле документа, сколько в подходе, избранном его авторами и вдохновителями. В тексте законопроекта прежде всего бросается в глаза словосочетание «управление Интернетом», подразумевающее разработку и применение прин-

* Подробнее об этом см.: Совместное регулирование и саморегулирование секторов СМИ и Интернета в Европе: результаты исследования, проведенного Оксфордским университетом. http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=708&c_id=9431.

** Казаков О. Новый законопроект об Интернете - люди, будьте бдительны! См.: <http://forum-msk.org/material/lenty/433019.html>

*** В России появление модельных законов было связано с формированием в 1992 году Межпарламентской Ассамблеи СНГ. Модельные законы также принимаются и непосредственно Российской Федерацией в отношении ее субъектов.

ципов, норм, правил и процедур, регулирующих развитие Интернета и его использование. Однако в современном русском языке преобладают иные коннотации слова «управление»: под ним понимается прежде всего деятельность органов государственной власти. Иначе говоря, уже на терминологическом уровне свободолобивому виртуальному сообществу предлагают согласиться с второстепенной ролью, что не может его не беспокоить. Столь же странным кажется многим пользователям и появление в тексте понятия «уполномоченный орган в области Интернета», под которым имеется в виду орган государственной власти, осуществляющий надзорные и регулирующие функции.

Многочисленные вопросы у сообщества пользователей вызывает и состав участников регулирования. Ими, согласно одной из статей, на равноправной основе выступают государство, операторы услуг Интернета, саморегулирующиеся организации. Учитывая, однако, специфику отечественного гражданского общества, а также бизнеса, возможности подобного паритетного регулирования любой политики, в том числе и информационной, видятся довольно туманно. И еще об одной проблеме нельзя не сказать в этой связи. Как известно, традиционным средствам массовой информации в России полностью доверяет лишь меньшинство граждан — до 10 процентов*. Социологические опросы действительно говорят о том, что за последние десять-пятнадцать лет доверие населения к традиционным СМИ серьезно упало. Но на этом фоне отмечается резкий рост доверия российских граждан к материалам, появляющимся во Всемирной паутине. Это обстоятельство налага-

ет особую ответственность на разработчиков различных законопроектов, касающихся Интернета, равно как и управленцев, в компетенции которых принятие решений по этому вопросу. По всей видимости, важнейшим сюжетом в данном контексте может стать преодоление различных вариантов российского радикализма, чреватого анархией. Ведь как чрезмерная уверенность интернет-сообщества в абсолютной свободе, так и чрезмерное давление со стороны государства дадут, скорее всего, нежелательный результат.

В этой связи возникает вполне резонный вопрос: не продуктивнее ли попытаться найти обоюдно приемлемые механизмы реализации государственной информационной политики в сфере Интернета, способные удовлетворить и общественность, и власть? Прежде, разумеется, не помешало бы разобраться с тем, насколько вообще реализуема такая задача. Каким должен быть формат саморегулирования и где допустимый предел внешнего вмешательства? Безусловно, на эти непростые вопросы нельзя ответить сразу, но здесь важна сама попытка объективного анализа. Не исключено, что всесторонняя проработка этой темы могла бы привести и к новым идеям, касающимся развития гражданского общества в России в целом. Ведь мудрый правитель обязан уважать независимость отдельных людей и организаций, способствуя при этом установлению связей между ними. Так не пора ли российскому государству заняться налаживанием практических отношений с сетевой общественностью, которая и сама весьма заинтересована в выработке понятных норм и правил игры на пока еще минном поле Рунета?

---

* *Органы саморегулирования и сорегулирования в сфере массовой информации. Отчет о круглом столе, организованном Институтом проблем информационного права (Москва) совместно с Европейской аудиовизуальной обсерваторией (Страсбург) и при участии Большого жюри Союза журналистов России. См.: <http://www.medialaw.ru/selfreg/10/05.htm>.*

Общее как жертва частного

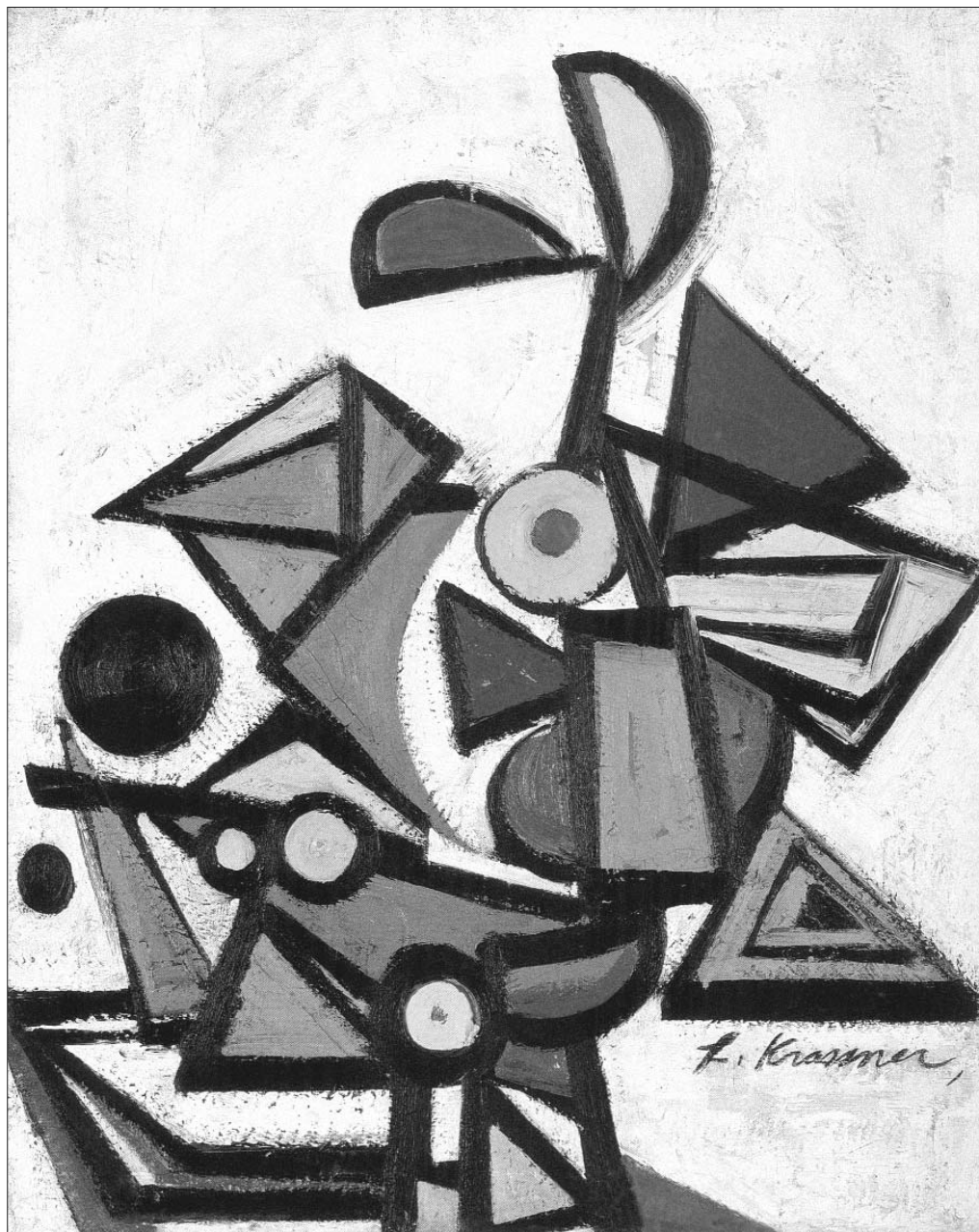
В школах и университетах нас учили по одним и тем же учебникам. Мы и наши родители ходили в магазины и покупали одни и те же продукты. Мы помним одни и те же 1990-е. Многие тоскуют по одним и тем же 1980-м или 1970-м. Страна — это наш язык. Мы с детства учимся на нем читать, а позже пытаемся на нем говорить. Это наша оптика. У большинства из нас нет возможности надолго уезжать и научиться видеть страну как бы издали, поэтому мы неизбежно смотрим на мир через Россию, как через объектив фотоаппарата.

Темпераменты, вкусы, привычки разные, а страна — то небольшое, что на самом деле есть у всех общего. Общий язык, опыт и взгляд должны объединять всех, кто живет в стране. Но, по данным социологов, одна из особенностей России — чувство отчужденности от своей страны (Магун В.С., Магун А.В. Идентификация граждан со своей страной: российские данные в контексте международных сравнений). В сравнении с населением других стран россияне в наименьшей степени ощущают единство со своей страной. Степень отчужденности у жителей России примерно такая же, как у арабского населения Израиля. По данным, полученным в рамках Международной программы ежегодных социальных опросов и проанализированным в упомянутой статье, крепче всего связанными со своей страной себя чувствуют жители Венгрии, Болгарии и еврейское население Израиля. Ближе всего к России по степени отчужденности людей от страны помимо арабского населения Израиля оказались Восточная Германия, Латвия и Тайвань. Но Россия — в самом низу списка.

Мало у какого другого народа такие сложные отношения со страной. Мало кого так долго и навязчиво приучали быть частью целого — рабочего коллекти-

*Максим Трудолобов,
редактор
отдела комментариев
газеты «Ведомости»*

Ли Краснер. Композиция. 1943

ва, коммунальной квартиры, класса, партии, народа. Не удивительно, что желание компенсировать эту вынужденную утрату частного существования стало столь явным. «Я» и страна оказались разведены. За последние 20 лет сфера частного (*res privata*) сильно опередила в развитии сферу общественного (*res publica*).

В части личных достижений многим есть чем гордиться. Но общих достижений становится все меньше. Российские спортсмены выступают за

другие страны, российские ученые успешно работают в иностранных университетах. На Олимпийских играх результаты страны с каждым годом хуже. Несмотря на успехи отдельных ученых, вклад России в мировую науку становится все меньше. Речь, конечно, не только о тех, кто работает за границей: личный успех давно стал важнее общего. Можно и нужно ли изменить это положение — вопрос. И если его можно изменить, то уж точно не с помощью новых назначений в спортивных федерациях и министерствах. Вернуть причастность к общему делу с помощью больших денег вряд ли возможно. По сути, речь идет о том, чтобы убедить граждан «вернуться» в свою страну. Где искать решение — в области экономики? В сфере политики?

Чтобы ответить на эти вопросы нужно понять, где мы находимся и почему. Каким образом сфера общественных благ деградировала так сильно? Почему это произошло и можно ли рассчитывать, что нынешняя политическая элита способна изменить свое отношение к государству и сформировать ответственное правительство?

Ответ на эти вопросы приходится начинать с парадокса. Люди, пришедшие к власти с идеей восстановления державного наследия СССР, оказались его могильщиками. Выступая осенью прошлого года на съезде Русского географического общества, премьер-министр Владимир Путин попросил не воспринимать термин «великая Россия» как дежурный. «Когда мы говорим “великая страна”, “великое государство”, то, конечно, масштаб имеет значение, — говорил Путин. — Если бы мы лучше все это понимали, если бы это не превратилось у нас в дежурную терминологию, то, может быть, мы бережнее относились бы к тому, что досталось нам по наследству от прежних поколений».

От частного к общему

Действительно, может быть, и относились бы бережнее, если бы понимали. Но выходцы из силовых структур, занявшие командные высоты в экономике и политике, не захотели понять, что поддержание величия страны — серьезное дело. Советский Союз был неэффективным, плохо управляемым государством, но его руководители относились к державности серьезно. Они прекрасно понимали, что им не угнаться за уровнем жизни, который обеспечивают своим гражданам открытые общества со сменяемыми правительствами. И потому стремились компенсировать скромность материальных достижений символическим капиталом. Общественный договор выглядел примерно так: «Каждый из вас в отдельности живет скромно, вы не очень значительны сами по себе, с жилплощадью у вас тяжело, продуктов не хватает, но все вы вместе — граждане великой страны. А уж о том, чтобы страна воспринималась как великая, мы здесь в ЦК КПСС позаботимся».

Этот общественный договор, имея некоторые основания в марксистско-ленинской идеологии, был продиктован и логикой выживания

тоталитарного государства. В результате общее с огромным перевесом побеждало частное. Частный интерес, частная собственность, крайние проявления индивидуализма осуждались и высмеивались. Подпольных миллионеров выводили на чистую воду и судили. Директора магазинов и складов — поставщики частного благополучия — были могущественными людьми, ходившими по краю пропасти. Личное пространство было роскошью, личный успех воспринимался с подозрением. Либо частное, либо общее — приходилось выбирать. Благополучие граждан и величие государства советские лидеры трактовали как взаимоисключающие ценности.

Свои усилия они фокусировали на производстве общественных благ — и материальных, и символических. Армия, флот, ядерное оружие, тяжелая промышленность, покорение космоса, здравоохранение, образование, наука, спорт, пути сообщения, публичные пространства, центральные площади и метро — все это были приоритеты советского государства. Каждый, кто готов был заключить эту сделку, получал свою долю в величии: гордое звание советского гражданина и сознание причастности к освоению космоса, спортивным победам, научным прорывам, архитектуре метро и ВДНХ, а также вполне осязаемые услуги здравоохранения и образования.

От общего к частному

Элита постсоветского государства привыкла смотреть на общественные блага только как на обузу или источник заработка. Общее перестало быть ценностью. Вооруженные силы не реформировались, а только сокращались, включая ядерный потенциал, а служба в армии утратила остатки престижа. К концу СССР армия насчитывала более 4 млн человек, сейчас — немногим более миллиона, притом что многие офицеры так и не получили жилья, а объявленного перехода на профессиональную армию так и не произошло. Разложение милицейского ведомства привело к тому, что сотрудники органов сейчас представляют прямую угрозу для жизни и работы граждан.

Снижение значимости России в мире очевидно (см. статью Сергея Гурьева и Олега Цывинского «На обочине». — «Ведомости» от 16.03.2010, с. 4). Ситуация с наукой, по мнению ученых-естественников, которые когда-то были гордостью СССР как научной державы, просто ужасна. «Можно спорить, потеряла ли Россия за последние 20 лет 60% своего научного потенциала или 90%, вероятно, в каких-то областях 60%, а в каких-то 90%», — писали Дмитрий Дьяконов, Александр Мирлин и другие в статье «Организация науки» («Ведомости» от 4.02.2010). По индексу цитируемости ученых компании *Thomson Reuters*, который учитывает публикации в 10 500 ведущих мировых изданиях, Россия занимает 14-е место в мире. Дело не только в показателях. Что такое российский кандидат или доктор наук теперь уже не

Энди Уорхол. Голова (подражание Пикассо). 1985

совсем понятно: ценность российских ученых степеней девальвирована на плагиатом, низким качеством и усилиями чиновников, пожелавших стать «докторами». При этом признание в России научной степени, полученной в Гарварде или Оксфорде, требует массы времени, множества документов, перевода диссертации на русский язык и представления всего этого в тот самый ВАК, который штампует степени чиновникам-докторам.

Стабильное ухудшение результатов, которые показывают российские спортсмены на Олимпиадах и крупных международных соревнованиях, говорит о том, что советская мобилизационная вертикаль в спорте больше не приносит плодов. Наследие СССР как спортивной державы тоже растаяло.

О том, что происходит в России с дорогами, говорилось не раз. По данным официальной статистики, с 1995 по 2008 г. протяженность автомобильных и железных дорог почти не увеличилась. Жилья строится меньше, чем в советское время, а подключение к газовым и энергосетям стало общенациональной проблемой. Школы, детские сады, транспорт в

моногородах, бывшие когда-то частью промышленного комплекса, стали бременем для олигархических структур, скупивших советские производственные мощности. Отношение властей к общественным пространствам в больших городах поражает цинизмом: памятники, площади, дворы стали сферой извлечения прибыли для чиновников. В Москве этот подход теперь закреплён новым Генпланом.

Да и в целом: общее стало предлогом для извлечения коррупционного дохода. Государственные услуги, дорожное строительство, правоохранение, образование, здравоохранение — самые коррумпированные сферы нашей жизни. Исчезнувшее идеологическое и административное содержание советских институтов заместилось коррупционным механизмом. Все, что было источником державности для СССР, было «монетизировано» чиновниками. О величии страны теперь можно говорить только в сатирическом ключе. Величие — это именно то, чем нынешнее государство НЕ занимается. Если для советских лидеров благосостояние граждан и величие государства были взаимоисключающими ценностями, то для нынешних ценностью не является ни то, ни другое. Чиновники заняты своим благосостоянием, граждане — своим.

Идеология нынешней «элиты» состоит в глубоком неверии в государство как таковое. Люди, принимающие государственные решения, уверены, что государство — это декорация, необходимая для оказания мизерной помощи бедным и прикрытия обогащения богатых. Все, что касается общественных благ, можно и нужно делать по остаточному принципу, только тогда, когда вывезти или украсть уже не получается.

Синтез

Особая ирония истории в том, что изживать и уничтожать советское наследие выпало тем, кто больше всего шумел о его восстановлении. То, что прекратило существование в 1991-м, было лишь государственной единицей. Советская система с ее городами, заводами, министерствами, театрами, институтами, спортивными командами продолжала жить. Именно в руках у нынешней силовой элиты она рассыпается (см. статью «Фундамент России», «Ведомости» от 25.12.2009). С наследием строек социализма — моногородами — она не знает, что делать. Не знает, что делать со спортивными федерациями и развитием науки. На эти сферы «бросают» олигархов в надежде, что богатые люди не станут воровать, а будут служить общему делу. Именно поэтому совсем недавно возглавлять проект строительства научного центра в Сколково назначен Виктор Вексельберг. Может быть, этот проект и правда интересен бизнесмену. Но обычно в таких случаях мотивации на реальные дела у бизнесменов не оказывается — ведь их именно что «бросают», назначают на проблемные участки скорее в принудительном порядке.

Советские организации и традиции, переместившиеся из плановой в рыночную среду, не претерпев глубоких изменений, стали проблемой для экономики и общества. Разложение правоохранительной сферы — лишь одно из проявлений этого процесса. Распад СССР был растянут во времени.

Для сырьевой и финансовой элиты, подчинившей задачи управления государством задачам экспорта сырья и вывоза прибыли за рубеж, величие страны в его советском понимании не представляет ровно никакой ценности. То, что они говорят по телевизору, тоже не имеет ценности. Повторюсь: сферы общественного для них не существует. Это только выглядит парадоксом — на са-

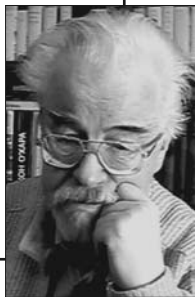
Государство не может существовать, защищая одни только частные интересы элиты. Оно просто не может развиваться

мом деле это естественная реакция людей, вырвавшихся из СССР. Компенсировать вынужденную утрату частного существования хотели все. Бывшие разведчики и полковники, находящиеся сейчас у власти, тоже хотели частной жизни. Кому-то удалось запастись нефтяной компанией и доходами от экспорта, а кто-то доволен и домом во Франции. Рядовые граждане все последние 20 лет занимались тем же самым — своими карьерами, образованием, садовыми участками или просто тосковали о старых временах. Именно сегодняшние политические лидеры помогают обществу изжить старые комплексы советского величия.

И спасибо им за это. Со временем все большему числу граждан станет ясно, что их личное благосостояние и величие страны не должны исключать друг друга. Современное государство, которое когда-нибудь придется строить на обломках советского, будет ставить благополучие граждан во главу угла. Но и общественным благом и сферой общего в широком смысле придется заниматься всерьез. Придется вспомнить и об армии, и о науке, и о спорте, и даже об общественных пространствах. Социальное наследие СССР — пассивность людей в общественных делах — будет изжито.

Ценность опыта последних 10 лет в том, что он дал всем нам понять: государство не может существовать, защищая одни только частные интересы элиты. Оно просто не может развиваться. Это справедливо как в материальном, так и в человеческом плане. Люди не могут жить, не поддерживая друг друга. А государство, не способное обуздать жадность своих чиновников, неизбежно терпит экономический крах. Дефицит социальных платежей будет только нарастать. Стабфонд будет полностью потрачен очень скоро — по расчетам Минфина, в этом году. Через год-два правительству придется вспомнить о секвестре расходов. Если нынешняя идеология управления государством по остаточному принципу останется в силе, экономический крах — второй крах советской системы — неизбежен.

Плыть по течению

Управляема ли экономика? Управляются ли социальные процессы?

Александр Волков, доктор исторических наук

Давосский форум, где собираются представители мировой экономической и политической элиты, не смог в свое время предсказать нынешний глобальный экономический кризис. Недавно, вновь собравшись, его участники фактически признали, что не знают рецептов преодоления этого кризиса, а некоторые говорят о его возможном повторе, вернее — о новой его волне. Не заставляет ли это задуматься о том, возможно ли вообще реальное влияние на современную экономику, управляема ли она человеком? Можно ли направлять социальные процессы вообще? Какую роль в этом может сыграть гражданское общество?

В Чехословакии 1968 года был популярен театральный спектакль с таким сюжетом: Бюро погоды делает вид, что управляет погодой. На балкончик, очень похожий на тот, с которого обычно выступал президент того времени Новотный, выходит начальник Бюро и сообщает гражданам, что на сегодня его руководством установлена прекрасная солнечная погода, и граждане могут спокойно отдыхать, ехать «на хату», то есть на дачу, на пляжи и проч. Завершался спектакль тем, что во время такого сообщения в балкончик ударяет молния, и начальник летит с него вверх тормашками.

Сейчас я часто вспоминаю этот спектакль, когда смотрю и слушаю по телевидению благостные прогнозы относительно выхода из кризиса. Сначала, впрочем, они гласили, что глобальный финансовый кризис Россию не затронет. Потом — что спад, инфляция и безработица у нас таки случились, и виноваты в этом, конечно, Соединенные Штаты Америки. Потом, что мы довольно мягко пройдем краем этой ямы, поскольку у нас создан мощный Стабилизационный фонд. А потом обещания и обещания, что вот-вот все сдвинется к лучшему, вот в одной из отраслей полпроцентика уже прибавилось, а социальные программы выполняются... Ну, а уж к 2020-му все будет преотлично. Слушаю и возмущаюсь не тем даже, что эти процентики и сдвиги на практике не слишком заметны, а благостные вести часто вообще не соответствуют действительности. Пора бы уже сказать более определенно: причин кризиса в стране мы до конца толком еще не поняли и не осознали еще одной очень важной вещи.

Еще летом 2008 года, по словам Егора Гайдара, известный экономист Андрей Илларионов, который работал советником президента России по экономике, подробно объяснял, почему никакой рецессии в США не будет, почему никакого влияния на глобальный экономический рост состояние нынешней рыночной экономики не окажет, а зна-

чит, это не скажется и на российской экономике. Это происходило в то время, когда американская экономика уже полгода была в состоянии рецессии (официально это было признано в ноябре 2008 года). Ошибка произошла не потому, что Илларионов не старался спрогнозировать развитие событий, а потому, что это очень

сложно сделать. Для России кризис еще раз показал, что зависимость от энергоресурсов, от цен на сырье создает очень тяжелые проблемы. Поэтому что они колеблются в широком диапазоне, ими очень трудно управлять и их практически невозможно прогнозировать. Если бы люди умели прогнозировать цены на нефть, то тот, кто научился бы это делать, заработал бы несметные деньги на фьючерсных контрактах. И не надо думать, что никто этого сделать не пытался. Но пока не получается: слишком сложно устроены рынки, велика эластичность спроса и предложения в краткосрочной и долгосрочной перспективе*.

Если мы внимательно при этом посмотрим на прогнозы самого Гайдара в течение многих лет, то убедимся, что и он не раз в них ошибался. И тоже не потому, что плохой экономист, а просто множество необходимых для точного прогноза данных оказывается всегда достаточно неопределенным и изменчивым. Ждали, скажем, повышения цен на ту же нефть, а они упали, вот и «полетели» все прогнозы. Гайдар подчеркивал в своей лекции, что такие неожиданности особенно часто проявляются в экономиках стран, зависимых от экспорта

сырья. Но последний кризис оказался неожиданным и для множества, казалось бы, стабильных и диверсифицированных экономик. Та же цена на сырье влияет не только на тех, кто его продает, но и на тех, кто покупает.

Человеку всегда хочется заглянуть в свое будущее. Особенно, когда он при-

*Надежный прогноз в экономике
невозможен: слишком сложно устроены
рынки, велика эластичность спроса
и предложения*

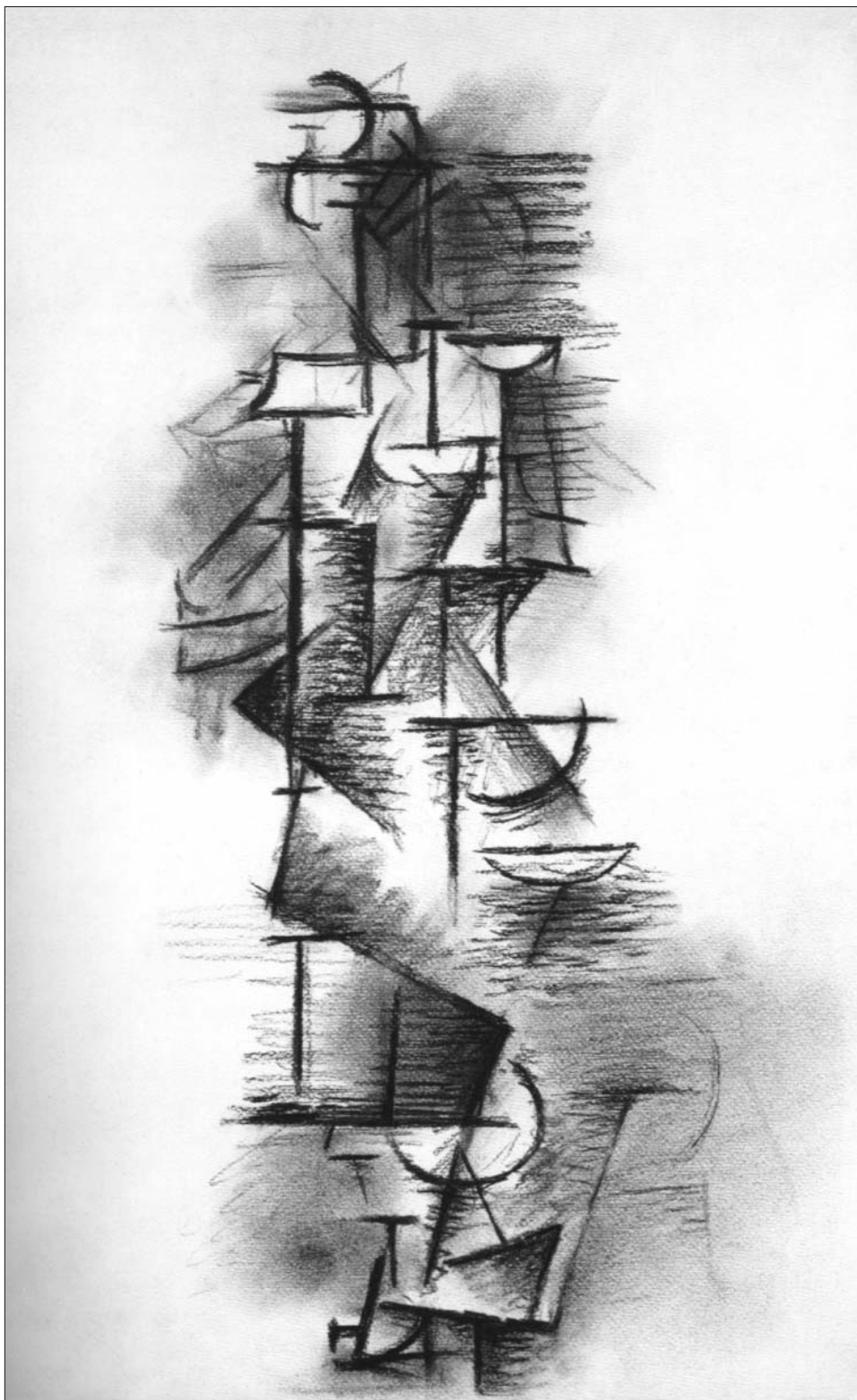
нимает какое-то важное решение. Соллидный бизнесмен стремится точно знать, что произойдет в экономике — в ближайшем или в отдаленном будущем, нанимая экспертов, чтобы они изучили тенденции и взвесили вероятность разных вариантов развития событий.

Что уж говорить о политиках! Их судьба часто целиком зависит от того, выберут ли на руководящую должность Ивана Ивановича или Ивана Никифоровича, какая партия или просто клан выиграет на данном этапе политической борьбы, открытой или подкованной, удержится у власти, а если падет правительство, то когда и кто его возглавит. Стоит ли подробно объяснять то, что и без того понятно, и что важно не только для профессиональных политиков, но и для всех граждан, в той или иной степени зависящих от политики.

Однако все назойливее точит меня червь сомнения: а возможно ли вообще надежное предсказание будущего? Разумеется, оно необходимо, ведь надо

---

* См. полный текст лекции директора Института экономики переходного периода Егора Гайдара, прочитанной 19 ноября 2009 года в литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру» (<<http://www.polit.ru/lectures/2009/12/10/gaidar.html>>).

Пабло Пикассо. Стоящая обнаженная. 1910

же вырабатывать какую-то стратегию развития. Как тут без прогнозов?

Лезут в голову, хочу того или не хочу, разные высказывания и примеры на этот счет. Вот Марк Твен: «Прогнозов нужно остерегаться — особенно тех, которые касаются будущего». А вот поговорка: «Если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах». Но главное-то в том, что эти насмешки над попытками предвидения тем не менее подтверждаются. Например, известен такой прогноз: «Если развитие конного транспорта пойдет такими же темпами, как сейчас, то к середине XX века Санкт-Петербург будет покрыт метровым слоем навоза». Известно, что этого не случилось, поскольку транспорт стал иным. А «оптимальное планирование», которым увлекались в свое время многие советские экономисты! К 1980 году у нас должен был быть построен коммунизм (в основных чертах)... А «строить» через десяток лет стали нечто совсем противоположное. Таким образом, можно, по крайней мере, с научной достоверностью сказать: прямая экстраполяция в будущее сегодняшних тенденций — занятие неблагодарное. Прав был Твен.

Политические прогнозы часто базируются вроде бы на очень надежной научной основе: на социологических исследованиях, изучении общественного мнения. Не секрет и не новость, что «в некоторых случаях сплошь и рядом» данные опросов, выполненных разными социологическими службами, расходятся вплоть до противоположных. И даже сознательно искажаются — с целью воздействовать на общественное мнение. И не обществоведы даже, а физики первыми сделали вывод, что инструмент исследования влияет на предмет исследования и ставит под со-

мнение достоверность результата. Но политологи, а особенно политтехнологи первыми применили это «открытие» на практике.

Однако неверное предсказание будущего часто возникает и просто по небрежности пользования исследовательским инструментом. Вспомнилась дискуссия с Геннадием Андреевичем Зюгановым на одном симпозиуме. Он уж очень упирал на то, что граждане во время референдума высказались за социализм. Но я задал вопрос: а про какой социализм тогда спрашивали? Наш «реальный», с пустыми прилавками, или более «развитой»? Или про тот, что «с человеческим лицом»? А может быть, про тот, что формировался под воздействием социал-демократов, шведских или австрийских? Гражданам ведь никто не разъяснял, что социализма бывают разные. И на самом-то деле люди в большинстве своем голосовали скорее просто за привычную жизнь, отнюдь не сопоставляя по факторам достоинства того или иного строя. Из результата референдума вытекал вроде бы определенный прогноз: в стране победят силы, выступающие за сохранение нашего социализма, а что получилось на практике, хорошо известно. Разве бы рухнуло все так мгновенно, если бы в самом деле большинство народа крепко держалось за счастливую социалистическую жизнь? Надежный социальный прогноз в принципе невозможен, как невозможен вечный двигатель или полет со скоростью, превышающей скорость света. Чем основательнее разрабатывалась теория прогнозирования и совершенствовались его средства, в том числе, скажем, компьютеры, тем очевиднее становилось, что возможности предвидеть будущее экономики более

чем ограничены или вообще невозможны. Но это еще не все в аргументации тех выводов, которые нам предстоит сделать.

Второй аргумент — знаменитые циклы Кондратьева, великого русского экономиста. Он дал описание этих циклов и кульминации их — экономических кризисов, которые случаются примерно раз в 50–60 лет. Однако причины и механизмы возникновения этих кризисов не были раскрыты ни им самим, ни многими его последователями, блестящими экономистами, среди которых австриец Шумпетер, создавший типологию таких кризисов. Даже если мы знаем симптомы этой социальной болезни, но не имеем ясного представления о ее «возбудителях», лечить болезнь невозможно.

Третий аргумент заключается в практике управления, постоянном обновлении его методов и неизбежном фиаско их применения. Передо мной книга известного шведского экономиста Класа Эклунда «Наша экономика»*. Тема «государство и экономика» — ключевая в этой книге, развитие средств государственного воздействия на экономику рассматривается в ней в историческом аспекте. Перед читателем раскрывается картина того, как жизнь постоянно требовала некоего вмешательства в развитие экономики, и рождались, казалось бы, универсальные способы ее регулирования. Они сменяли и поочередно отрицали друг друга, давали положительный резуль-

тат, но через какое-то время обнаруживалось, что не решенная до конца одна проблема порождает несколько новых, еще более сложных.

Я прихожу к выводу, что развитие экономики в принципе не может быть управляемым, по крайней мере — жестко управляемым.

«Если люди конструируют социальное пространство определенным образом, то эти конструкции реальны по своим последствиям», — так формулируется известная теорема Томаса, одного из видных американских социологов 30-х годов прошлого века. Следовательно, тезис о невозможности воздействия людей на экономику неверен? Да, общество на нее влияет, как и на любую сферу жизни и деятельности. Однако это совершенно различные вещи — стихийное влияние человеческого сознания на социальную реальность и целенаправленное воздействие с целью «изменить мир». Фридрих фон Хайек, австрийский экономист, считал попытки искусственно конструировать общество «пагубной самонадеянностью человеческого разума», и, думается, в конечном счете он оказался прав в своей дискуссии относительно этого с другим выдающимся экономистом Джоном Мейнардом Кейнсом.

Что же тогда нам остается делать, если экономика становится все более неуправляемой? Например, что делать сейчас ради выхода из затянувшегося кризиса? Думается, прежде всего, глубоко и внимательно изучать реальные

---

* См.: Эклунд Клас. *Наша экономика. Введение в макроэкономику*. — М. Московская школа политических исследований, 2004. Эклунд, в частности пишет: «Когда много лет назад, в 1972 г. автор этой книги начал изучать экономику, самоуверенность политэкономов была велика. Они считали, что научили себя и политиков, как можно управлять экономикой и как можно избежать одновременно инфляции и безработицы. На одной из первых лекций...профессор Эрик Лундберг посетовал с блеском в глазах на образцовый порядок в этом предмете: теперь уже не так интересно быть экономистом, — сказал он. Не осталось никаких кризисов для анализа. Осталась лишь точная настройка. Лундберг считал это скучным. Сегодня Эрик Лундберг чувствовал бы себя хорошо» (с. 463).

тенденции развития событий и... плыть по течению. Да, действовать так, как ведет себя в экстремальной ситуации опытный пловец или моряк — не противодействовать стихии, а использовать ее силу для своего движения в желаемом направлении.

На этом фоне отчетливо вырисовываются роль, а также и проблемы гражданского общества. Может быть, легче всего показать это на примере. Индийский ученый Амартья Сен, лауреат Нобелевской премии, в своем новаторском анализе исторической динамики голода доказал, что

голод вызывается не столько природными факторами, сколько политическими ошибками. Ученый утверждает, что в демократиях, где можно свободно высказывать реакцию на бедствие и потребовать необходимых мер, такие катастрофы гораздо менее вероятны. То есть неразвитость гражданского общества и политической демократии может порождать и порождает, я бы сказал, «негативную управляемость», возможность для властей принимать решения, противоречащие реальным интересам общества, навязывать ему эти решения. Но развитое гражданское общество в этом смысле способно не только контролировать решения государства, чиновничества, а еще и способствовать реалистичности оценок действительности, выявлению сути и смысла назревающих тенденций развития, пониманию их позитивного или негативного воздействия на жизнь людей.

Если мы признаем, что теорема Томаса верна и социальные конструкции, возникающие в массовом сознании, «реальны по своим последствиям», то раз-

витые институты гражданского общества, наверное, могут в той или иной степени влиять на формирование этих конструкций — в противовес импульсивной, взрывной, часто разрушительной вспышке страстей толпы. Так национализм, рождающийся в качестве реакции на процессы глобализации,

Неразвитость гражданского общества и политической демократии может породить и порождает «негативную управляемость», возможность для властей принимать решения, противоречащие реальным интересам общества

может быть и полезным (скажем, в смысле сохранения своеобразных национальных культур), но может быть и убийственным — в буквальном смысле слова, когда разжигается ненависть к другим нациям. Так рассуждения об особом пути страны могут служить наилучшему приспособлению сложившихся общих парадигм и моделей экономического развития к национальным реалиям, национальной почве, но могут и превращаться в обособление от мировой экономики, выпадение страны из перекрестья информационных, финансовых, торговых потоков, что, несомненно, губительно для нее.

Разумеется, это самые общие констатации и достаточно неконкретные рекомендации. Но если признать реальное положение с управляемостью экономики и социальных процессов, то поиск эффективных действий ради прогресса общества, возможно, станет успешнее, активность гражданского общества эффективнее, а политики в своих обещаниях — сдержаннее, скромнее. И меньше станет лжи...

*Зоя Ерошок,
обозреватель «Новой газеты»*

«... Я хочу рассказать о боли, памяти и памятке»

Говоря о профессии журналиста, я хочу рассказать о боли, памяти и памятке.

Боль — это всегда что-то очень личное. Разумеется, боль может быть коллективной, но и тогда она складывается из отдельных, личных, индивидуальных болей. Все держится на личных чувствах: восприятие, поступки, встречи. Даже мышление — это индивидуальное переживание. Кажется, Витгенштейн как-то написал, что человек не может чувствовать зубную боль другого человека. Мысль о боли другого человека, конечно, мы можем представить, если у нас уже болели зубы. Но мы не можем почувствовать ее. И так же, если болит душа... Если что-то случается страшное с людьми — как создать этот образ боли другого человека?..

Расскажу об одном нашем читателе, гастарбайтере из Украины, Ване Рогожкине. Я познакомилась с ним года два назад на встрече с читателями на Поклонной горе. Мы обменялись телефонами, периодически он мне звонил, но встретиться было некогда. И вот прошлым летом, когда убили Наташу Эстемирову, нашего внештатного корреспондента в Чечне, он позвонил и сказал: «Я сейчас приеду». И приехал в редакцию. Я подумала, мало ли что случилось у человека в жизни. А он приехал с двумя букетами роз — для меня и для Ани Политковской: «Положи это на стол, где Аня сидела». Принес мне какие-то ягоды. Сказал: «У тебя заплаканные глаза, тебе плохо, я сейчас отведу тебя домой». И по дороге спросил: «Слушай, а как там тот больной мальчик, о котором ты писала, Коля Проценко?». «А ты откуда знаешь?» — спросила я, забыв, что он читает нашу газету. — «Ну как же, я ведь тогда не был гастарбайтером, много зарабатывал. Я прочитал, что мальчику на операцию за границей нужны деньги. Мне было некогда стоять на почте, я позвонил его отцу, сказал, подходи к метро, дал ему пять тысяч. Потом Валерий Морозов, я тоже его родителям позво-

нил...». Потом я узнаю, что Ваня Рогожкин приезжает ранним автобусом на Троекуровское кладбище и ухаживает там за могилой Ани Политковской. Сам, отдельно, молча... А в тот день, когда убили Наташу Эстемирову, я еще спросила его: «Вань, а что ты пришел, может, ты хотел что-то рассказать, а у нас такое горе...». А он ответил: «Ну, я как узнал про Наташу, подумал, надо поехать, поддержать Зою».

Но дело не только во мне. Я думаю, память держится на боли. Нас часто спрашивают, почему вашу газету до сих пор не закрыли?.. Шесть наших журналистов были убиты — Игорь Домников, Юра Щекочихин, Аня Политковская, Настя Бабурова, Стас Маркелов, Наташа Эстемирова.

Конечно, память тоже может быть коллективной, но без индивидуальной памяти это скорее имитация. Память невозможна без индивидуального переживания, без сильных чувств.

Главное в нашей профессии — это читатели, их поддержка. Если о них не думать, смысл профессии теряется.

А теперь о памятке как талисмানে. Бывает и так. Но прежде несколько слов о проекте «Новой газеты», вернее, о нашей газетной вкладке, которая называется «Правда ГУЛАГа». Мы придумали ее с нашими акционерами Михаилом Сергеевичем Горбачевым и Александром Евгеньевичем Лебедевым, мечтая, что со временем в России будет построен мемориал, где были бы архивы, демонстрационные залы, чтобы там можно было водить экскурсии.

И вот в одной из этих вкладок появился мой материал «Салфеточка». Простая история. Пятилетняя девочка, у которой были арестованы в 1937 году мама и папа, осталась с бабушкой. Бабушка говорила девочке, что мама в больнице. И как-то им пришла посылка из Колымы, и в ней была маленькая, вязаная белая салфеточка, на которой было написано «Ларуся, люби свою маму». Потом мама вернулась из лагеря, но на короткое время, вскоре ее опять арестовали. Короче, эта салфеточка все время переходила из рук в руки, и все берегли ее как реликвию.

Я помню, что работала над этим материалом мучительно. Я вообще подолгу пишу материалы, если, конечно, есть время, извожу себя, главного редактора, близких друзей. Бродский говорил о писательском деле, что с годами наживаешь не навык, не опыт, а неуверенность и панику, и то же самое, я думаю, можно сказать о нашей журналистской профессии.

Сила — в сдержанности. Я не хочу ни на кого давить, не хочу ни из кого выбивать слезу. Стараюсь даже о самых страшных историях рассказывать сдержанно. Но сдержанность в тексте дается нелегко.

Короче, «Салфеточку» я писала долго. И только через какое-то время поняла, почему я так мучилась с этой историей, к чему все шло.

Как-то мне позвонили с редакционной проходной и попросили спуститься за каким-то свертком, который кто-то хочет мне передать. А это как раз было время, когда начались провокации в отношении газеты. То ослиные уши подбрасывали на проходную, то кейсы с большими денежными знаками, то за огромные деньги предлагали поменять направление газеты. И главный редактор предупредил сотрудников, чтобы ни-

Рой Лихтенштейн. Девушка со слезой-I. 1977

кто ничего не брал на проходной. И вот я иду на проходную и думаю: там, наверное, нормальный человек, что мне теперь тени собственной бояться и каждый раз с охраной ходить на родную проходную?

Как только открыла дверь, увидела, что меня ждет офицер МЧС. Молодой человек дает мне сверток и письмо, я его читаю, и хорошо, что там была скамья, потому что мы вдвоем так и сели на нее. Он и сам не знал, что привез мне. Его мама попросила передать мне сверток лично.

Так вот, в этом свертке оказалась самодельная небольшая книжечка, на первой странице которой было написано: «19 февраля 1944 года. Посвящается сыну Сашке, которого со мной нет».

А в письме — история. Некая Инна Николаевна Труфанова, которая живет в г. Верхняя Пышма Свердловской области, писала,

*Память может быть коллективной,
но без индивидуальной памяти это скорее
имитация. Память невозможна без
индивидуального переживания,
без сильных чувств*

что прочитала мою «Салфеточку» и не могла не откликнуться. А дальше, что ее мама, Ольга Александровна Журид, сидела в Карлаге, с 1938 по 1946 год, и подружилась там с одной женщиной, звали ее, кажется (так она писала), Ольга Михайловна Раницкая, которая эту книжечку сделала для сына. (Она работала на метеостанции, поэтому в ней главный герой — рисованный метеочертик. Под каждым маленьким рисунком двустилишие, на каждой страничке. 114 страниц в книжечке, а дальше — обрыв.)

В письме Инны Николаевны, было сказано также, что Раницкая, очевидно, погибла в лагере, а ее мать, Ольга Александровна Журид, сохранила эту книжечку.

Я читаю лекции на факультете журналистики и знаю, что студенты почти ничего не знают о ГУЛАГе. Поэтому решила при случае рассказать им о книжечке и, в частности, о Карлаге более подробно.

Карагандинский исправительно-трудовой лагерь занимал на территории Казахстана, в районе Караганды без малого два миллиона гектаров! Он существовал с декабря 1931 по июль 1959 года.

Принято считать, что Сталин и ГУЛАГ — это 1937 год. На самом деле все началось гораздо раньше. С коллективизации. На той огромной территории, на которой появился Карлаг, до коллективизации находилось 4000 юрт и 1200 немецких, русских и украинских дворов. Это примерно 100 тысяч человек, которые были выселены, а на их место привезли раскулаченных крестьян из Астраханской, Пензенской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Орловской областей. Везли этих людей в закрытых вагонах, в вагоне была одна туалетная бочка, часто люди умирали, но покойников везли вместе с живыми до пункта назначения от Акмолинска до Караганды. По прибытии отобрали самых крепких парней и девушек и заставили строить железную дорогу. К осени 1931 года привезли еще 52 тысячи крестьянских семей и буквально бросили под открытым небом.

Только через Карлаг за время его существования, по официальным данным, прошло более миллиона человек.

...А книжечка начинается с обращения к сыну, чтобы он учился на пятерки. Кстати, я показывала рисунки Юрию Норштейну, нашему известному мультипликатору, и он сказал, что это очень талантливо сделано. Но ведь книжечку надо было не только «создавать», но и хранить, прятать... Представьте себе, в лагере люди жили в нечеловеческих условиях, а женщина создает книжечку, она рисует, пишет талантливые двустиишия. На каждую страничку, мне сказали об этом друзья художники, у нее должно было уйти несколько дней, потому что надо было придумать сюжет, нарисовать его, потом обвести тушью...

Как можно в нашей профессии быть циниками, когда узнаешь такое?.. Конечно, после появления моей публикации в газете о книжечке мы надеялись, что кто-то откликнется, и решили, если жив сын, передать ему книжечку.

И вот я получаю письмо из Израиля. Нашлась родная племянница Ольги Михайловны Раницкой, дочь ее родного брата. Оказывается, Ольга Михайловна осталась жива. Скорее всего, ее перевели в другой лагерь, без вещей, и ее подруга, Ольга Александровна Журид, не знала об этом. А, может быть, она специально оставила книжечку, боясь, что при переводе ее будут «шмонать»... Подруги потерялись. Журид, как было написано в переданном мне письме, до 1977 года жила на Урале, а Раницкая — в Киеве до 1988 года, где работала врачом.

Но сын Раницкой, Александр, в 1942-м году, когда оборвалась книжечка, в эвакуации покончил с собой. Ему было 16 лет, видимо, он не выдержал насмешек и издевательств одноклассников, так как его мать сидела в лагере.

Сама Ольга Михайловна узнала об этом только в 1943-м, когда ее мать приехала к ней в Карлаг. Вышла она из лагеря в 1956 году.

Я продолжаю собирать материал об этой незаурядной и талантливой женщине.

Один человек — это уже очень много. Один плюс один плюс один... Я верю в силу и достоинство отдельного человека.

Так вот: «Боль. Память. Памятка». Два известных слова и одно не так часто употребляемое, но для меня лично «памятка» — тоже важное слово. Это три равноценных и сильных слова.

Боль как сигнал жизни. Сталинщина — память о небытии. А книжечка как памятка — она живая. Она уже зажила своей жизнью.

Свою боль Ольга Михайловна Раницкая преодолевала через творчество. Это было не просто рисование и складывание буквочек в слова — для меня это живая история о том, как человек продолжал жить и работать, несмотря на окружающий ужас. Свидетельство о нашем прошлом, от которого мы освобождаемся благодаря в том числе и этой сохранившейся чудом книжечке. Я воспринимаю ее сегодня, как брошенную в море бутылку с «посланием», но не взывающим о помощи, ибо помощи ждать было неоткуда, а включающем нас в традицию человеческой памяти.

Политический концепт сетевого управления

*Сергей Большаков,
профессор кафедры
международной
журналистики
Санкт-Петербургского
государственного
университета,
доктор политических наук*

Заметным направлением современного спектра социально-политических исследований является оценка проблем взаимодействия организаций третьего сектора, то есть некоммерческих общественных организаций (НКО) и органов государственной власти. Некоммерческие организации можно отнести к заинтересованным группам с точки зрения теории политики, поскольку в своей деятельности они пытаются оказывать влияние на принятие и реализацию политических решений для достижения интересов представляемых ими групп населения, однако не осуществляют попыток доминирования во властных отношениях[1].

В политической науке довольно давно и полно разрабатывались две основные теории, исследующие взаимодействие групп интересов и государства: *плюрализм* и *корпоратизм* [2]. Эти теоретические модели выявляют траектории отношений заинтересованных групп населения и государства с позиции их структуры и описывают два различных варианта построения этих отношений: крайне плюралистический, непредсказуемый характер взаимоотношений государства и групп интересов (плюрализм) и систему отношений с ограниченно фиксированными правилами игры между государством и заинтересованными группами, сопровождающуюся построением сложной иерархической структуры взаимодействия. В рамках этих теорий исследователям удавалось довольно успешно описывать характер взаимоотношений государства и групп интересов на материале более или менее «чистых» примеров. Утверждалось, что они представляют собой макроподходы, в то время как наиболее полно отношения государства и групп могут быть обрисованы на среднем уровне, где, собственно, и «можно наблюдать различные модели распределения власти»[3].

Аналитическая модель корпоратизма по-своему решает проблему взаимоотношений между обществен-

Пабло Пикассо. Сидящая женщина. 1927

ными интересами и государственными структурами. Она возникла отчасти как критический отклик на недостатки плюралистического подхода, в противоположность которому корпоратизм рассматривает государство в качестве важнейшего конституирующего элемента отношений между группами интересов и политикой.

В определении, предложенном в 1974 году Ф. Шмиттером, современный корпоратизм определяется как «система представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на определенную степень контроля за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей»[4].

К наиболее важным характеристикам широко презентуемой сегодня неокорпоративской модели принято относить следующие:

- 1) специфический, централизованный механизм артикуляции интересов;
- 2) характерный способ распределения экономических и политических ценностей по результатам переговоров;
- 3) высокая степень ангажированности партнеров в процессе осуществления совместно выработанных решений, а также зависимость эффективности реализации соглашений от силы и представительности отдельных структур.

В этом смысле особенно характерна австрийская модель неокорпоратизма: не случайно термин «социальное партнерство» возник применительно к австрийской системе распределения социальных благ и совместного управления социальными конфликтами, возни-

кающими в связи с этим. Обычно называют на три основные черты этой системы:

- 1) институционализирующая система консенсуального политического компромисса между большими группами интересов;
- 2) институционализирующая и централизованная кооперация между представителями секторов труда, капитала и агентами государства;
- 3) демократическая система управления предприятиями.

Таким образом, в отличие от плюрализма, корпоратизм имеет следующие характеристики:

- Акцент делается на ограниченном числе групп давления, представляющих основные корпорации;
- Иерархически структурированные группы давления во главе с лидерами, способными артикулировать интересы своих членов;
- Очень тесные связи между корпорациями и между корпорациями и правительством в оформленной корпоративской системе. Это единство усиливает базисный консенсус по вопросу о том, как должны функционировать политическая и экономическая системы общества.
- Активная роль государства, а не просто правительства, хотя точная природа этой роли зависит от рассматриваемого варианта корпоратизма[5]: от «арбитража» до «мягкого лидерства» или даже «дирижизма»[6].

Исследователь Г. Лембрух, делающий различие между авторитарным и либеральным корпоратизмом, определяет последний как «особый тип участия больших организованных групп в выработке государственной политики, по преимуществу в области экономики, отличающейся высоким уровнем межгрупповой кооперации». Либе-

ральный корпоратизм не претендует «на подмену институциональных механизмов парламентского и партийного правления», но в то же время способствует большей интегрированности политической системы. Его «нельзя отождествлять лишь с консультациями и сотрудничеством между правительством и заинтересованными группами. Его отличительная черта — высокая степень кооперации между самими этими группами в выработке экономической политики». Сущностными характеристиками либерального корпоратизма являются «высокий уровень институциональной интеграции конфликтующих групп» и «высокая степень кооперации между самими этими группами в выработке государственной политики»[7]. Сторонники концепции либерального корпоратизма считают, что, наряду с артикуляцией интересов и «давлением» на власть, заинтересованные группы выполняют в условиях демократии чрезвычайно важную функцию контроля за деятельностью государственной администрации.

Одним из подтипов либерального корпоратизма является *трипартизм*. Концепция трипартизма подчеркивает взаимоотношения между правительством и основными организациями, представляющими интересы труда и капитала. В противоположность этому в либерально-корпоратистском государстве акцент делается на взаимоотношениях между правительством и более широким спектром функциональных групп. В рамках авторитарного корпоратистского государства независимые бизнес-ассоциации и профсоюзы прекращают свое существование и на смену им приходят принудительным образом созданные «корпорации» или «синдикаты», представляющие наемных работников и предпринима-

телей. Синдикаты жестко связаны с институтами государства, ответственными за состояние экономики и социальные отношения, что, собственно, и позволяет осуществлять интеграцию субъектов социально-экономических отношений тоталитарных и авторитарных режимов.

Представление о центральной роли государства, из которого исходит корпоратизм, в условиях глобализации отношений и децентрализации властных функций государства в определенной степени выглядит консервативной попыткой легитимации того понимания государства, которое вступает в противоречие с реалиями сегодняшнего дня. По мнению сторонников концепции политических сетей, главная слабость данного подхода заключается в создании впечатления, что политика и политический процесс формируются в рамках жесткого государственно-корпоративного консенсуса.

Весьма существенная роль в последние десятилетия отводится в рамках сетевого подхода и некоммерческому сектору. Выросшая плюрализация общественных структур, сложность взаимоотношений между различными группами населения, высокий уровень общественных потребностей и ожиданий, большой масштаб неопределенности и риска, возросшее влияние международного фактора на внутреннюю политику государства, информатизация общества, падение доверия населения к центральным органам управления — это и многое другое привело к пересмотру традиционных управленческих подходов. Политический концепт *сетевого подхода* реконструирует отношения между государственным управлением и современным обществом. Вместо упрощения общественных связей для обеспечения эффективного управле-

ния сеть включает рост сложности в качестве необходимой предпосылки выработки политики и осуществления управления. Понятие «сеть», судя по всему, становится «новой парадигмой архитектуры сложности»[8].

Концепция сетевого подхода относится к концепциям среднего уровня, где раскрываются не отношения между собственно обществом и государством, а между управленческими структурами, общественными и бизнес-ассоциациями.

Концепция политических сетей включает в рассмотрение широкий спектр политических проблем. Многие исследователи подчеркивают ее несомненную связь с политической наукой, а внутри нее с теорией демократического принятия политических решений и выработки политической стратегии. Она меняет ракурс рассмотрения государства как агента политики: 1) в противоположность идее доминирующей роли государства в выработке политики, при сетевом подходе государство и его институты являются хотя и важным, но лишь одним из акторов выработки политических решений; 2) в противоположность идее относительной независимости государства в политике, в концепции политических сетей государственные структуры рассматриваются в качестве «сцепленных» с другими агентами политики и вынуждены вступать в обмен своими ресурсами с ними; 3) в противовес идее государственного управления как иерархически организованной системы, сетевой подход акцентирует внимание на термине «governance», общая характеристика которого нашла выражение в формуле «управление без правительства» (“governing without govern-

ment”)[9] «или руководство без правительства» (“governance without government”)[10].

Изменение традиционной конфигурации управленческого процесса обусловливает отход от прежней «рациональной модели управления», под ко-

*В рамках рациональной модели
управления решения принимаются
в одном центре власти, контролирующем
условно деполитизированную
профессиональную бюрократию*

торой понималась трансформация традиционными бюрократическими иерархическими структурами интересов и политических ценностей населения в четко прописанные правила и закрепленные законодательно нормы, поддерживаемые принадлежащим этим структурам правом на применение санкций против нарушителей этих норм[11]. Данная рациональная модель, строящаяся по принципу «команда/ контроль» долгое время доминировала в рамках традиционных национальных государств: решения по кругу внесенных в повестку дня проблем принимались в этом случае политиками, контролирующими условно деполитизированный профессиональный бюрократический аппарат, реализующий эти решения. Модель характеризовалась одним центром концентрации власти, хоть и испытывающим постоянные воздействия со стороны невластных структур.

По мере усложнения обществ, появления новых проблем, не поддающихся решению с помощью традиционных административных методов, роста уровня ожиданий в отношении удовлетворения общественных потребностей, развития новых информационных техно-

Аршил Горки. Голубая фигура в кресле. 1934–1935

логий модификацию претерпела и эта рациональная модель управления. Процесс принятия решения не ограничен сегодня рамками формальных государственных структур, и государство потеряло свой статус единственного агента

управления, «допустив» других акторов не только к процессу выработки политики, но и ее реализации [12]. В реальности все большую роль в процессе решения общественных проблем начинают играть государственно-частные

партнерства (public-private partnerships). Двумя новыми категориями, которые фиксируют новые политико-управленческие практики, являются категории «governance» и «policy network» — управление и политическая сеть. Первый англоязычный термин трудно перевести в силу его комплексности и объективной сложности процесса, который он обозначает, но в русскоязычной литературе все больше закрепляется его перевод как «управление» [13].

Важным посылом является дискурс о мультипликации акторов, участвующих в процессе выработки и реализации политики. Впервые исследователи начинают анализ функционирования гражданского общества и его институтов не как противовеса государству с точки зрения отстаивания интересов граждан и получения допуска к выработке политики, а как его равноправных партнеров в деле реализации политико-управленческих решений различных проблем в определенных областях.

Множество концепций и дефиниций нового типа управления объединяет несколько общих постулатов.

Во-первых, процесс управления протекает в сетях и представляет собой процесс взаимодействия между акторами, располагающими различными ресурсами [14]. Характерной особенностью этого процесса является его переговорный характер, а также осознание акторами общего интереса, состоящего в стремлении разрешить рассматриваемую проблему.

Во-вторых, акцент делается на неиерархической структуре отношений между акторами управления, которые не подвергаются жесткой регламентации и детализации. «Управление относится

к самоорганизации, межорганизационными сетями, которые характеризуются взаимозависимостью, обменом ресурсами, правилами игры и значительной автономией от государства» [15]. При этом вводится новое понятие, характеризующее отношения ме-

Исследователи начинают рассматривать гражданское общество и его институты не как противовес государству, а как его равноправных партнеров в реализации политико-управленческих решений

жду акторами, — «сеть», функционирующая на горизонтальном уровне.

В-третьих, новый тип управления понимается в терминах неонституционализма как процесс создания институтов, представляющих собой формальные и неформальные нормы и образцы поведения, структурирующие действия и поведение акторов. Управление воспринимается как процесс создания и изменения институтов как правил игры [16].

Реформы публичного сектора, инициированные в странах Европы и США, сводятся к мерам, согласно теории нового публичного менеджмента (приватизация, привнесение принципов бизнес-управления в менеджмент государственных бюрократических структур, передача некогда сугубо правительственных функций другим акторам и т.д.). Все эти изменения оказались индикаторами трансформации процесса управления или, как отмечают некоторые исследователи, «выхолаживания» государства [17]. Анализ функционирования сферы государственных услуг в странах Европы показал, что «услуги в рамках государства всеобщего благоденствия обеспечиваются государством, произво-

дятся акторами рынка и предоставляют-ся с помощью добровольных гражданских ассоциаций» [18]. Этот процесс, строящийся на взаимодействии трех видов акторов, инициируется, обсуждается и получает дальнейшее развитие в политических сетях.

Как методологический подход к исследованию процесса «производства» политики, концепция сетевого анализа, в силу ее универсальности, позволяет избежать крайностей системного и структурного подходов, оставляющих без внимания мотивы и поведение акторов. «Сетевой анализ не является теорией в строгом смысле этого термина, а скорее представляет собой инструмент для описания и измерения конфигураций отношений между акторами и их структурных характеристик» [19].

В подходе, усматривающем инструментально-аналитическую ценность концепции, политическая сеть определяется как «кластер или комплекс организаций, связанных друг с другом ресурсной зависимостью и отличающихся от других кластеров структурой этой ресурсной зависимости» [20], как кластер акторов, каждый из которых имеет собственные интересы в определенном секторе политики и способность задать выгодное сторонам направление.

М. Маркуссен и Й. Торфинг предлагают дефиницию политических сетей как «горизонтальную совокупность взаимозависимых, но операционально автономных акторов, которые взаимодействуют посредством переговоров, проявляющуюся в регулятивной, нормативной, когнитивной и символической структуре; совокупность, являющуюся саморегулирующейся в определенной степени и способствующей производству общего блага в определенной области» [21]. В этом контексте фиксируется совокупность отличительных признаков любой сети.

Горизонтальность как признак протекающих взаимодействий проявляется себя в переговорном процессе. Процесс переговоров включает и элементы торга наряду с элементами обсуждения и дискуссии. Рациональность для любого актора в процессе переговоров состоит в поиске наиболее приемлемых стратегий через кооперацию и обмен с другими, не теряя при этом своей автономности и максимизируя выгоды. Акторы в сети, отмечает известный разработчик концепции Р. Роудс, принимают участие во взаимодействиях, которые напоминают игры, рассматриваемые в теории рационального выбора [22]. Однако это взаимодействие не подвержено тривиальному торгу и поиску индивидуального выигрыша, так как в большей степени речь идет о преследовании общих интересов и выборе взаимно устраивающих стратегий [23]. Сторонники концепта политических сетей как особого вида управления выступают с тезисом, подчеркивающим, что взаимодействия в сетях строятся исключительно на доверии. Такие горизонтальные структуры как сети могут существовать только на основе доверия в виду отсутствия других форм, поддержки кооперативного поведения [24].

Все взаимодействия между акторами и переговорный процесс, в частности, происходят в определенной институциональной структуре, включающей четыре основных категории компонентов: регулятивные (правила, роли и процедуры), нормативные (нормы, ценности и стандарты), когнитивные (коды, концепции и знания) и символические (идентичности, идеологии, общие видения). Все эти институциональные элементы структурируют и задают направление переговорному процессу, складываясь в различные уникальные комбинации в разных сетях. Собственно, структура политической

сети и представляет совокупность правил, норм, кодов и символов, разделяемых всеми участниками сети [25]. Анализ институциональной структуры сети предполагает идентификацию всех ее структурных компонентов и поиск доминирующего.

Воздействие на процесс взаимодействия всегда оказывает совокупность неформальных норм, действующих в сети и являющихся результатом различных процессов, что часто демонстрируют, например, корпоративистские сети.

Одним из акторов сетевой структуры выступают при этом государство в виде публичных институтов власти или местные власти, вопрос закрепления норм взаимодействия в которых рассматривается специально. Причиной этого чаще всего выступает установка публичных органов на фиксацию сфер ответственности и прописывание механизмов отчетности в силу частой негибкости их маневров в отношениях, например, с группами интересов ввиду отсутствия проработанной законодательной базы. Публичные органы могут быть представлены в процессе взаимодействия с сетями как в виде ответственных ведомств исполнительной ветви власти, так и соответствующих комитетов законодательной в зависимости от истории складывания сети и особенностей ее функционирования в тех или иных областях политики: социальной, экологической, сельскохозяйственной и др.

Концепция сетевого управления представляет собой эффективный инструмент для анализа взаимодействия государства и общественных структур в случае, если общественные ассоциации и организации являются акторами, включенными в процесс взаимодействия в сети. При этом они могут оставаться за пределами сетей в силу сложившихся в том или ином политическом контексте обстоятельств, укоренившихся практик

и образцов принятия решений. Отличие концепции политических сетей как инструмента анализа от концепции, фиксирующей новый тип управления, состоит в том, что «политическая сеть» как новая форма управления имплицитно предполагает включение негосударственных акторов (НКО, общественные организации, гражданские объединения и др.) в процесс управления, тогда как сетевой анализ применим и к рассмотрению практик управления, складывающихся без участия негосударственных ассоциаций [26].

Применение сетевого анализа позволяет зафиксировать логику политико-управленческого процесса, факторы, влияющие на траекторию его развития, его внутреннее содержание, выявить формы и стратегии участия основных акторов в процессе выработки и реализации политико-управленческих решений в том или ином секторе политики.

Концепция политических сетей аккумулирует в себе многие из выводов о траекториях изменения природы управления, главный из которых гласит: государство перестает быть единственным актором разработки и реализации политики, а объективно и неизбежно привлекает к этому процессу негосударственных акторов. НКО с позиции «нового управления» становятся участниками политико-управленческого процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Белокурова Е.В. Третий сектор и региональные власти. В кн.: Политическая социология и современная российская политика. — СПб., 2000. — С. 273.
- 2 См. подробнее: *Dahl R.* Polyarchy, Participation and Opposition. — New Heaven and London, 1971; *Шмиттер Ф.* Неокорпоратизм // *Политические исследования.* 1997, № 2. — С. 14–22; *Кинякин А.А.* Заинтересованные группы как скрытая составляющая политического процесса. В кн.: Актуаль-

- ные проблемы политики и политологии в России. Сб. статей. Под общ. ред. В.С. Комаровского. — М., 2003. — С. 42–47.
- 3 Borzel T. What's So Special About Policy Networks? — An Exploration of the Concept and Its Usefulness in Studying European Governance [Electronic resource]. — Берлин, 1997
<<http://eiop.or.at/eiop/texte/1997-016a.htm>>
  - 4 Шмиттер Ф. Неокорпоратизм, с.15.
  - 5 См.: Lehbruch J., Schmitter Ph. (eds.) Patterns of Corporatist Policy-Making. — London, 1982; Перегудов С.П., Ланина Н.Ю., Семенов И.С. Группы интересов и Российское государство. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.
  - 6 Зудин А. Неокорпоративизм в России? (Государство и бизнес при Владимире Путине) // *Pro et Contra*. Т. 6, № 4, 2001. — С. 193.
  - 7 См.: Lehbruch J., Schmitter Ph. (eds.) Patterns of Corporatist Policy-Making, p. 67.
  - 8 Kenis P., Schneider V. Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox. In: Policy Network: Empirical Evidence and Theoretical Considerations. Ed. by V. Marin, R. Mayntz. — Frankfurt a/M: Campus Verlag, 1991. — P. 25.
  - 9 Rhodes R. Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. — Buckingham, Philadelphia: Open University Press, 1997.
  - 10 Rosenau J., Czempel E.-O. (eds.). Governance without Government: Order and Change in World Politics. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992; Peters G. Governance Without Government? Rethinking Public Administration // *Journal of Public Administration: Research and Theory*, 1998. Vol. 8, № 2.
  - 11 См.: Bogason P. Networks in Policy Analysis: Towards a New Pragmatism [Electronic resource]. 2004
<http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/857281a0/Working_Paper_2004_8.pdf>; Etzioni-Halevy E. Network Governance as a Challenge to Democratic Elite Theory [Electronic resource]. Копенгаген, 2003
<http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/f51d6748/Eva_Etzioni-Halevy.pdf>; Markussen M, Torfing J. Grasping Policy Networks [Electronic resource]. 2003
http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/6a6925ad/Working_Paper_2003_5.pdf
  - 12 Pierre J., Peters G. Debating Governance. Authority, Steering and Democracy. — Oxford, 2000. — P. 113.
  - 13 Государственное управление и политика. Под. ред. Л.В. Сморгунова. — М., 2006. — С. 248.
  - 14 Rhodes R.A.W. The New Governance. Governing without Government // *Political Studies*, 1997, XLIV. — P. 652–667.
  - 15 Rhodes R.A.W. Understanding Governance. Policy Networks, Governance Reflexivity and Accountability. — Duckingham, 1999. — P. 132.
  - 16 Hix S. The Study of the European Union: the New Governance Agenda and its Revival // *Journal of European Public Policy*. — 1998. Vol. 5, № 1. — P. 38–65.
  - 17 Kjaer A.M. Governance: an Overview of its Usages [Electronic resource] 2003
<http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/f51d6748/Mette_Kjaer.pdf>
  - 18 Brandsen T., Pestoff V. Co-productions, the Third Sector and the Delivery of Public Services // *Public Management Review*, 2006. Vol 8, № 4. — P. 493–501.
  - 19 Kenis, P., Schneider V. Policy Networks and Policy Analysis, P. 25–59.
  - 20 Benson, K. J. A Framework for Policy Analysis. In: Interorganizational Co-ordination: Theory, Research and Implementation. Ed. by Rogers D. and Whitten D. — Ames, 1982. — P. 137–176.
  - 21 Markussen M, Torfing J. Grasping Policy Networks [Electronic resource].
<http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/6a6925ad/Working_Paper_2003_5.pdf>
  - 22 Rhodes R. Policy Network. A British Perspective // *Journal of Theoretical Politics*, 1990. Vol. 2, № 3. — P. 53–72.
  - 23 Scharpf, F. Games Real Actors Could Play. Positive and Negative Coordination in Embedded Negotiations // *Journal of Theoretical Politics*, 1994. Vol. 6, № 1. — P. 27–53; Bogason P. Networks in Policy
http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/857281a0/Working_Paper_2004_8.pdf
  - 24 Klijn, E., Koppenjan F. Public Management and Policy Networks — Foundations of a Network Approach to Governance // *Public Management*, 2000. Vol. 2, № 2. — P. 135–158.
  - 25 Markussen M, Torfing J. Grasping Policy Networks [Electronic resource].
http://www.ruc.dk/upload/application/pdf/6a6925ad/Working_Paper_2003_5.pdf
  - 26 Borzel T. Organizing Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // *Public Administration*, 1998. Vol. 76, № 2. — P. 253–273.

Продолжаем знакомить читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ РАВЕНСТВЕ

Даль, Роберт А. О политическом равенстве (Robert A. Dahl. On Political Equality. Yale University, 2006. Пер. с англ.). — М.: Московская школа политических исследований, 2010. — 112 с.

Роберт А. Даль (1915), американский политолог, социолог, крупнейший специалист по теории демократии, почетный профессор Йельского университета, анализирует в этой книге ключевые критерии, процедуры, материальные и психологические ограничения и препятствия в движении обществ к политическому равенству. Особое место в анализе этого процесса отводится важнейшей, по мнению автора, роли природно-генетических свойств человека как вида, морально-этических мотиваций и эмоциональных реакций, определяющих стремление людей к политическому равенству как средству преодоления несправедливости и достижения индивидуального и коллективного благополучия.

Глава 1 ВВЕДЕНИЕ

На протяжении большей части писаной истории утверждение, что взрослые человеческие существа имеют право на то, чтобы с ними обращались как с политически равными, многими считалось самоочевидной чепухой, а правителями — опасной подрывной претензией, требующей подавления. Распространение с XVIII века демократических идей и убеждений обратило эту «подрывную претензию» в общее место настолько, что авторитарные правители, полностью отрицающие эту претензию на практике, могут публично включать ее в свои идеологические выступления. Однако даже в демократических странах, как может заключить любой граж-

данин, внимательно следящий за политической жизнью, разрыв между целью достижения политического равенства и его реальной степенью может увеличиваться и даже достигать такой точки, когда она перестает быть вовсе фактом действительности.

Является ли цель политического равенства настолько выходящей за пределы наших возможностей, что нам следует искать более достижимые конечные цели и идеалы? Или происходящие перемены позволяют и в пределах ограниченных человеческих возможностей сократить разрыв между идеалом и современной действительностью?

Ответы на эти вопросы увели бы нас полностью за рамки этой краткой книги. Поэтому я начинаю ее с предположения, что *политическое равенство желательно*. А это значит, что если мы верим в демократию как цель или идеал, то имплицитно должны видеть *цель* или *идеал* и в политическом равенстве. В нескольких прежних работах я уже писал, почему такие предположения представляются мне в высшей степени резонными и ставят перед нами цели, достаточно реальные в рамках человеческих возможностей, чтобы считаться осуществимыми. Во второй главе, резюмируя доводы в пользу таких суждений, я опираюсь на эти работы. Затем, в следующих главах предлагаю несколько дальнейших соображений о политическом равенстве как осуществимой и достижимой цели. Множество фактов свидетельствует об историческом продвижении «демократических» систем, в рамках которых все большее число взрослых людей осознают себя гражданами. Чтобы помочь пониманию этого чрезвычайного и исторически беспрецедентного движения к политическому равенству, в четвертой главе я делаю упор на важности широко распространенных и даже универсальных *человеческих побуждений*. Однако, если эти базисные человеческие качества и способности дают нам основания рассматривать политическое равенство как допустимую (пусть и не полностью достижимую) промежуточную цель, мы должны также рассмотреть, как я делаю это в главе пятой, и некоторые фундаментальные особенности индивидов и человеческих сообществ, препятствующих и, более того, воздвигающих барьеры политическому равенству. Если сосредоточиться на перспективах политического равенства в Соединен-

ных Штатах, можно предположить реальную возможность того, что такие барьеры увеличат политическое неравенство американских граждан. В шестой главе я исследую такое возможное будущее.

И в заключительной главе, как уже было сказано, описываю альтернативное более обнадеживающее будущее, когда некоторые базовые человеческие движущие силы могут произвести культурный сдвиг, который приведет к существенному сокращению политического неравенства, ныне преобладающего среди американских граждан. Моих способностей не хватает, чтобы предсказать какая из этих альтернатив или иное будущее возобладают в действительности. Но я уверен, что на исход будут сильно влиять индивидуальные и коллективные усилия и действия, которые мы и те, кто придет нам на смену, сочтут необходимым предпринять.

Глава 3 ДОСТИЖИМО ЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО?

Предположим, что мой обзор политических действий, ведущих к политическому равенству, в общих чертах верен. Все же он оставляет открытым решающий вопрос: что на самом деле подвигает людей в нижестоящих, подчиненных слоях добиваться большего политического равенства? Почему нижестоящие претендуют на обращение с ними как политически равными привилегированным вышестоящим, которые ими управляют? Действуют ли в этих требованиях присущие людям свойства «человеческой природы» или человеческие способности? Если до-

пустить, что политическое равенство является промежуточной или конечной целью, оправданной базовыми этическими основаниями, но определенно не есть описание реальных условий, непременно преобладающих в отношениях человеческих существ, должны ли мы тогда полагать, что движение к политическому равенству основано единственно на этических принципах? Или, как я уже предположил в моем схематичном сценарии, может быть, более «базовые» мотивы также движут стремлением к политическому равенству. Повторю еще раз: что заставляет людей *действовать* таким образом, чтобы вызвать перемены, действительно повышающие политическое равенство? Разум? Эгоизм? Сострадание? Эмпатия? Зависть? Гнев? Ненависть? Что-то одно из этого или все вместе?

Тут могут возразить, что вопрос о политическом равенстве как конечной цели отличается (эпистемологически и онтологически) от вопроса о том, почему некоторые лица *действительно* преследуют эту цель. Полагаю, что такое возражение обоснованно. Мы обязаны, среди прочих, Дэвиду Юму и Иммануилу Канту четким различием моральных предписаний, определяющих то, как людям *следует себя вести*, и эмпирических реалий, определяющих, как люди *действительно* ведут себя или склонны себя вести. Недооценивать это различие или упускать его из вида значит совершать то, что можно называть «патетической» ошибкой.

Все же моральные обязательства стали бы не сообразными с человеческими поступками, если бы заставляли нас совершать действия или вести себя настолько отдаленным от основных

свойств человеческой природы образом, в особенности от наших побуждений, чувств и эмоций, что эти обязательства оказались бы полностью не достижимыми. «Возлюби ближнего своего» — высокое требование, но оно целиком исходит из фундаментальных человеческих качеств — наших способностей к любви, состраданию, эмпатии, симпатии, которые временами и дают нам возможность следовать этой заповеди. «Возлюбить каждого так же, как любишь члена собственной семьи», потребовало бы действия, безнадежно превышающего человеческие возможности. Если бы стремление к политическому равенству не направлялось некоторыми базисными чертами человеческих существ, оно было бы практически бесполезной целью.

Я поднимаю эти вопросы потому, что, как мне думается, некоторые из наших выдающихся философов слишком уповают на разум как на силу, толкающую к справедливости или честности. Взамен я хочу предложить идею, что в действительности к стремлению поступать честно нас подталкивают не «чистый разум», а чувства и страсти. Разум может (и, я уверен, должен) помогать нам в выборе наиболее целесообразных средств достижения благих целей. Но что побуждает к действиям, так это чувства, подобные тем, что мной упомянуты, — от сострадания до зависти, гнева и ненависти. Это убедительно показал Дэвид Юм почти три века назад, когда настаивал на том, что «разум есть и должен быть лишь рабом аффектов и не может претендовать на какую-либо другую должность, кроме служения и послушания им». Согласно Юму, дедуктивный ход мысли и эмпирическое знание о причинности суть важные инструменты в выборе

наилучших или наиболее эффективных средств для достижения наших ближайших и отдаленных целей. Но в выборе моральных или этических целей, которые мы преследуем, нами движет, доказывал Юм, не разум, а власть наших чувств и страстей.

ДОСТАТОЧЕН ЛИ ЧИСТЫЙ РАЗУМ?

Некоторым наблюдение о том, что мы движимы не нашим разумом, а чувствами, эмоциями, страстями, какое бы из этих слов ни выбрать, может казаться столь самоочевидным, что не требует доказательств. Может быть, и так. Я бы не настаивал на этом, если бы не существовали упомянутые мной влиятельные взгляды о преобладающей власти человеческого разума в достижении благих и справедливых целей. Вероятно, самые крайние аргументы такого рода были выдвинуты Иммануилом Кантом. Проведя различие между «сущим» и «должным», Кант, один из самых выдающихся философов всех времен, утверждал, что разум может не только служить проводником в нашем поиске справедливости, но является *единственным* свойством человеческой природы, способным должным образом побудить нас к нравственному поступку. В его *Groundwork of the Metaphysics of Morals* (Основы метафизики нравственности) он писал: «Каждому необходимо согласиться с тем, что закон, если он должен иметь силу морального закона, т.е. быть основой обязательности, непременно содержит в себе абсолютную необходимость... стало быть, основу обязательности должно искать не в природе человека или в тех обстоятельствах в мире, в какие он поставлен, а *a priori* исключительно в понятиях чистого разума».

Он приводит пример: «Оказывать, где только возможно, благодеяния, есть долг, и, кроме того, имеются некоторые столь участливо настроенные души, что они и без всякого другого тщеславного или корыстолюбивого мотива находят внутреннее удовольствие в том, чтобы распространять вокруг себя радость, и им приятна удовлетворенность других, поскольку она дело их рук. Но я утверждаю, что в этом случае всякий такой поступок, как бы он ни сообразовывался с долгом и как бы он ни был приятным, все же не имеет никакой *истинной нравственной ценности*». Иными словами, все те, кто в недавние столетия способствовал становлению большего политического равенства, руководствуясь исключительно разумом, не действовали морально. К счастью, человеческое поведение определяется не только «чистым разумом».

О СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Вероятно, ни одна философская работа не вызвала в наше время столько откликов, как в высшей степени самобитная «Теория справедливости» Джона Роулза. Хотя никакое краткое изложение не может адекватно передать его доводы, еще меньше это могут сделать бесчисленные комментарии, размышления и критические отзывы, этой книгой спровоцированные. Я хочу упомянуть положения о человеческой природе, на которых воздвигнута его теория. В отличие от Канта, человеческие существа у Роулза распознаются в наших ближних. «Допустим, — пишет он, — что в каждом человеке, достигшем определенного возраста и обладающем необходимыми интеллектуальными способностями, в нормальных соци-

альных условиях развивается чувство справедливости. Мы приобретаем навык судить о том, что справедливо и несправедливо, и обосновывать эти суждения доводами разума. Более того, мы обыкновенно стремимся поступать в соответствии с этими критериями и ожидать того же от других. Очевидно, что такая нравственная установка чрезвычайно сложна. Чтобы это осознать, достаточно отметить, какое потенциально множество и разнообразие суждений в этой связи готовы мы сделать». Роулз опирается на гипотетическое «исходное положение». «Исходное положение», конечно, не мыслится при этом как действительное историческое положение вещей и менее всего как примитивное состояние культуры. Оно понимается как чисто гипотетическая ситуация... Среди существенных моментов в этой ситуации то, что никто не знает ни своего места в обществе, ни своего классового положения и социального статуса, никто не знает своей доли в распределении естественных богатств и о своих способностях, своем интеллекте, своей силе и тому подобное. Я допускаю даже, что люди не имеют представления о добре и соответствующей психологической предрасположенности. Принципы справедливости устанавливаются под «покровом неведения», в ситуации неопределенности. Затем он предполагает, что в этой ситуации должны быть избраны два принципа справедливости: первый принцип — равное право каждого на самую широкую свободу, совместимую с такой же свободой других. Второй принцип: социальное и экономическое неравенство должно регулироваться так, чтобы (а) учитывать пользу для всех и (б) обеспечить положение и должности, доступные для всех.

Не должно вызывать удивление, что приверженность первому принципу, на взгляд Роулза, «обеспечивает равные свободы гражданства... поскольку гражданам справедливого общества должны иметь одинаковые основные права».

Другими словами, первый принцип требует равенства граждан и наличия всех институтов, необходимых для обеспечения политического равенства. Тогда как второй принцип допускает некоторое неравенство, когда «распределение богатства и доходов и иерархии власти должны быть совместимыми как со свободами равного гражданства, так и с равенством возможностей». Таким образом, Роулз выдвигает сильные доводы в пользу политического равенства, основанные на гораздо более реалистичном подходе, нежели кантовский взгляд на человека. У Роулза цель политического равенства оправдывается разумом, но разуму помогают способность морального суждения, извлекаемого из опыта, и, возможно, базовые свойства человеческой природы.

Подобно большинству философов XX века, Роулз слишком хорошо понимал ошибочность принятия «должного» за «сущее», чтобы выдавать свое логическое построение за эмпирическое описание того, что в действительности движет людьми в их стремлении к политическому равенству. Хотя он дает сильное обоснование, гораздо лучше оснащенное знанием о человеческих способностях, чем у Канта, мы все равно вынуждены возвращаться к мучительному вопросу: что действительно толкает людей на борьбу за большее политическое равенство, иногда, как в случае борьбы за гражданские и политические права афроамериканцев, против превосходящих сил, стоящих за статус-кво?

Пятидневная война

Asmus R. *A Little War that Shook the World. Georgia, Russia and the Future of the West.* — *New York: Palgrave Macmillan. 2010.* — 254 p.

Об этой книге («Маленькая война, которая потрясла мир. Грузия, Россия и будущее Запада») Рональда Асмуса заговорили еще до его официальной презентации (она состоялась в Брюсселе 20 января 2010 года). 14 января нынешнего года на сайте известного информационного агентства «Bloomberg» была опубликована рецензия, автор которой пытался представить книгу Асмуса как набор сенсаций «из-за дипломатического занавеса»: «Команда Джорджа Буша рассматривала использование авиационных ударов, чтобы остановить вторжение (именно так рассматривается операция российских войск в августе 2008 г. — С.М.). Владимир Путин хвастался, что только ему можно доверять. Никола Саркози выключивал у грузинского лидера подписание документа о прекращении огня»*. Российское же информационное агентство «REGNUM» и вовсе сузило оценку работы Асмуса: «США могли вмешаться в войну в Южной Осетии»**.

Интерес к книге легко объясним. Во-первых, в последние два десятилетия автор является одним из наиболее влиятельных исследователей проблем трансатлантической безопасности. Он был одним из первых западных аналитиков, кто поставил вопрос о необходимости трансформации НАТО и привлечения в альянс новых партнеров. Этому посвящена его программная работа «Открывая двери НАТО»***. Во-вторых, за плечами у него, как говорили в советские времена, «большой опыт практической работы». В 1997–2000 гг. он занимал должность помощника заместителя госсекретаря США по европейским делам. Напомню, что именно в это время администрация президента Клинтона сфокусировала свои приоритетные усилия на балканском театре

---

* *Neuger J. Bush Aides Weighed Attack to Halt Russia-Georgia War: Books // <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=anp.wBWKJBGY> 2010. — January 14.*

** *США могли вмешаться в войну в Южной Осетии // <http://www.regnum.ru/news/1242618.html> 2010. — 14 января.*

*** *Asmus R. Opening NATO's Door: How the Alliance Remade Itself for a New Era. New York: Columbia University Press, 2002. 372 p.*

(в первую очередь на проблеме Косово). В-третьих, предметом своей работы Асмус выбрал чрезвычайно актуальную тему и дал своей книге «говорящий заголовок» (с ходу вызывающий ассоциации с известным произведением Джона Рида).

В самом деле, по своим последствиям кавказская «пятидневная война» в августе 2008 года выходит далеко за пределы российско-грузинских отношений. Именно это событие стало первым прецедентом официального пересмотра государственных границ между постсоветскими республиками, зафиксированного Беловежскими соглашениями 8 декабря 1991 года. Именно по итогам «пятидневной войны» в Евразии появился новый тип государственных образований (частично признанные республики, независимость которых не признана ООН, но признается несколькими государствами — членами этой организации). События на Южном Кавказе привели к самому крупному кризису во взаимоотношениях между Россией и Западом после холодной войны (в течение полутора лет были заморожены отношения РФ и НАТО, а словесные поединки американского и российского полпредов в ООН напоминали страстные дуэли 1960—1970-х гг.). Осмыслению всех этих последствий, выходящих за рамки сугубо региональных проблем, и посвящена работа Рональда Асмуса. Отмечу сразу, что ее целью было не производство сенсаций, отмеченных авторами упомянутых рецензий. Известный аналитик и дипломат попытался посмотреть на то, как локальный конфликт, неудовлетворительно разрешенный ранее, может влиять на динамику международных процессов. И в первую очередь на отношения между Западом и Россией.

Исследование Асмуса предваряет предисловие другого не менее известного персонажа современной американской политики и аналитики, президента вашингтонского Института «Brookings» и в 1994—2001 гг. заместителя госсекретаря США Струба Тэлботта. Его предисловие обращено не в последнюю очередь к российскому читателю: «Я даже могу себе представить, что эта книга будет иметь резонанс в Москве, где мыслящие, но имеющие высокий статус россияне спокойно и тщательно обдумывают уроки и последствия нарушения стабильности, которое производит их правительство на Кавказе, в особенности ущерба, нанесенного Грузии в августе 2008 года» (р. XI). Таким образом, предисловие сразу определяет систему координат для читателя. В этой системе в отличие от Доклада международной независимой комиссии по расследованию грузино-российского конфликта во главе со швейцарским дипломатом Хайди Тальявини* не происходит разделения ответственности между Россией и Грузией (а

---

* Полный текст Доклада комиссии см: <http://www.ceiig.ch> Хотя в названии Комиссии присутствуют названия «международная» и «независимая», ее функционирование осуществлялось под эгидой Европейского союза (ЕС). Структура Комиссии, ее мандат были определены решением Совета ЕС 2 декабря 2008 года.

также ее бывшими автономиями, стремившимися к «самоопределению вплоть до отделения»). Вина за «пятидневную войну» практически целиком возлагается на Москву.

Рональд Асмус вполне разделяет пафос предисловия своего коллеги. По его собственному мнению, «причины этой войны лежат не в деталях локальных этнических конфликтов между грузинами, с одной стороны, абхазами и осетинами — с другой. И даже не в будущем статусе этих провинций». В основе событий 2008 года — «стремление Грузии разорвать квазиколониальные отношения с Москвой и ее стремление стать частью демократического Запада» (р. 8, 216). Собственно говоря, под эту методологию и выстраиваются оценки ситуации на Южном Кавказе в период, предшествовавший трагическим событиям «горячего августа» 2008 года. Абхазия и Южная Осетия рассматриваются не как самостоятельные величины, а исключительно как инструменты российской «наступательной политики» и барьеры для продвижения Грузии на Запад (р. 54, 63–64). Российская политика по отношению к двум бывшим мятежным автономиям расценивается как «ползучая аннексия» грузинских территорий, а «паспортизация» видится, как политико-идеологический мотив для нанесения «ущерба» Грузии (р. 42). Помимо «паспортизации» Асмус целую главу, «Косовский прецедент», посвящает рассмотрению того, как Москва попыталась представить этнополитическое самоопределение на Балканах для оправдания своих действий по отношению к Абхазии и к Южной Осетии. С другой стороны, «революция роз» 2003 года в Грузии рассматривается как устремление граждан этой страны к демократии и к Западу. Именно это событие, по мнению Рональда Асмуса, заставило Тбилиси «увидеть, что существующие форматы и миротворческие мандаты являются односторонними в такой же степени, как и противостоящими решению существующих проблем» (р. 6). «Спусковым крючком» для российского «наступления» против Тбилиси, с точки зрения Асмуса, стали решения Бухарестского саммита НАТО 2–4 апреля 2008 года, которые, не называя определенных сроков вступления Грузии и Украины в НАТО, гарантировали в перспективе их присоединение к альянсу (р. 111)*.

Таким образом, и автор предисловия, и автор книги не предпринимают попытки понять мотивацию России (об оправдании мы речь не ведем), проанализировать возможные сценарии выстраивания отношений с этим важным (в том числе и для Запада), хотя и неудобным партнером. Фактически Россию сразу же призывают бояться. Наверное, можно было бы не вступать в полемику с авторами, которые решение задачи анализа начинают не с определения условий, а с заранее готового ответа. Однако оба они весьма влиятельные люди, форми-

---

* Полный текст Декларации Бухарестского саммита НАТО см.: http://www.summit-bucharest.ro/en/doc_201.html.

рующие общественное и экспертное мнение западного сообщества, а потому вместо отповеди и готовых ответов «с нашей стороны» было бы продуктивнее начать полемику в связи с предложенными ими аргументами и фактами. Тем более, что эти аргументы уже приводились другими не менее влиятельными представителями западного экспертного и политического сообщества*.

О трудных и неоднозначных процессах демократизации в Грузии можно (и даже нужно) писать много. Хочу сразу сказать: нынешний российский политический режим я рассматриваю как авторитарный, но разве это повод выдавать демократические индульгенции грузинским властям на том лишь основании, что Тбилиси заявлял о своем стремлении в НАТО? Мало ли кто вступал в НАТО за всю историю ее существования? В Североатлантическом альянсе членство было обеспечено салазаровской Португалии, Греции времен «черных полковников» (виновных в кровопролитии на Кипре в 1974 году), Турции, в которой раз в десятилетие происходили военные перевороты. Да и нынешняя Румыния, не признающая существующие границы с Украиной и Молдовой, проводящая массовую паспортизацию граждан независимых государств, также вызывает немало вопросов. В то же время в блоке не состоят, например, Швейцария или Швеция. Вернемся, однако, к Грузии. Пусть любой неангажированный читатель найдет хотя бы пару отличий между «закрытием» НТВ в России и «Имеди» в Грузии**. Между разгоном оппозиции 7 ноября 2007 года в Тбилиси и разгонами «маршей несогласных» в Москве. Между «Единым национальным движением» в Грузии и «Единой Россией». Между популизмом Путина и популизмом Саакашвили, между штурмом Грозного и штурмом Цхинвали. Кстати говоря, в отличие от СССР времен «перестройки», расследовавшего трагические события 9 апреля 1989 года в Тбилиси (комиссия Анатолия Собчака) и опубликовавшего соответствующий доклад, «свободная Грузия» не провела расследования разгона антиправительственных митингов 7 ноября 2007 года!

Заметим попутно, что в августе 2008 года грузинской стороной был предпринят не первый, а четвертый штурм Цхинвали за 17 лет! Трудно поверить, что столь знающие авторы, как Асмус и Тэлботт, не представляют себе реальностей избирательной кампании в органы местного самоуправления в Грузии в 2006 году, а также нарушений режимов

---

* Yalowitz K., Courtney W., Corboy D. *Beware Russia's three tinderboxes* // <http://www.opendemocracy.net/article/email/beware-russia-s-three-tinderboxes> 2009. — September 1. Три автора — известные дипломаты, аналитики и публицисты, имеющие опыт работы на постсоветском пространстве (К. Яловитц был послом США в Белоруссии и в Грузии, У. Кортни — послом США в Грузии и в Казахстане, а Д. Корбой — послом Европейской комиссии в Армении и в Грузии).

** Нынешний руководитель «Имеди», близкий к Михаилу Саакашвили человек, Георгий Арвеладзе был в 2005–2006 гг. главой его администрации, а в 2006–2008 гг. министром экономики. Именно он был одним из инициаторов показа провокационного сюжета о «российском вторжении» в Грузию 13 марта 2010 года.

Энди Уорхол. Голова (подражание Пикассо). 1985

прекращения огня в Южной Осетии и в Абхазии. Авторы ни словом не обмолвились о том, что именно Саакашвили, пытаясь «разморозить» два конфликта с помощью силы и провокаций («малая война» в Тлиакане в августе 2004 года, ввод подразделений в Кодори в нарушение Московских соглашений 1994 года), привел свою страну к катастрофе августа 2008 года. А чего стоят заявления самого президента Грузии и его бывшего министра обороны Ираклия Окруашвили относительно скорейшего присоединения мятежных провинций задолго до «горячего августа»!* Нельзя также забывать, что до 2008 года никто (включая и Грузию!) не отменял ни Дагомьских соглашений 1992 года, ни Московских 1994 года! Более того, на этих соглашениях базировались

* Окруашвили намерен встретить Новый год в Цхинвали // <http://old.strana.ru/stories/04/06/01/3507/280404.html> 2006. — 2 мая.

мандаты ООН и ОБСЕ, действовавшие в этих «горячих точках» вплоть до прошлого года.

О российской политике в отношении Абхазии и Южной Осетии хотелось бы сказать особо. Эта политика далеко не всегда была «ползучей аннексией», как пишет Асмус. Она вообще не была константой, существенно эволюционировала. В 1994 году фактически, а в 1996 году юридически Москва ввела экономические санкции против Абхазии, в соответствии с которыми была не только закрыта сухопутная граница по реке Псоу, но и всем мужчинам в возрасте 18–60 лет было запрещено пересекать ее. В то время жители Абхазии, лишённые российской финансовой поддержки, существовали фактически в условиях натурального хозяйства, с максимальной пенсией по старости в 25 рублей*. Именно режим санкций (а не горячая любовь к России и не ее имперские устремления) заставили абхазов искать российский паспорт. Не будем забывать, что во время грузино-абхазского конфликта 1992–1993 гг. из 93 тысяч абхазов, живших в довоенной республике, погибло 3 тысячи! И этот факт гораздо в большей степени, чем российский «империализм», обеспечил радикальные антигрузинские настроения в абхазской среде. Между тем вплоть до 1997–1998 гг. Москва проталкивала проект «Общего государства» для Абхазии и Грузии и перешла к односторонней поддержке сепаратистов лишь в начале «нулевых годов» после серии жестких дипломатических конфликтов с Тбилиси.

Но если дело не в демократии, то в чем же? С нашей точки зрения, многие авторы в США и в ЕС не хотят понять простую, казалось бы, реальность. Распад СССР как формально-правовой факт (Беловежские соглашения) и как исторический процесс не одно и то же. Самоопределение бывших советских республик после 1991 года — это сложнейшая история формирования государств-наций. Считать, что этот процесс пройдет безболезненно и ровно по границам бывших субъектов СССР, нарисованных партийным начальством без учета мнения народов, было крайней наивностью. После 1991 года всем новым независимым странам надо было доказать, что их появление не случайно, что их границы признаются самими новыми гражданами. И для решения этой задачи каждый избрал разные методы. Кто-то выбрал этноцентристскую модель (Грузия, Армения), а кто-то модель гражданской нации (Казахстан, Украина). В свое время французский писатель и мыслитель Эрнест Ренан назвал нацию «ежедневным плебисцитом». Стоит ли удивляться тому, что этот плебисцит с лозунгом «Грузия для грузин» невозможно было выиграть в Абхазии или в Южной Осетии?

В ходе презентации книги Асмуса (куда автор этой рецензии был любезно приглашен автором книги) и он сам, и другой гость этого собы-

---

* Трапиш Н.А. Экономика в режиме санкций (экономическая модель постсоветской Абхазии) // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. М.: Ин-т политического и военного анализа. 2001. С. 133–138.

тия, известный шведский дипломат и министр иностранных дел Карл Бильдт, утверждали, что даже в Евразии Абхазию с Южной Осетией, скорее всего, не признают*.

И по этому вопросу я готов с ними согласиться, за исключением маленького нюанса. Главное — это не внешнее признание. Для существования Абхазии и Южной Осетии в нынешнем виде вполне достаточно, чтобы их признало само население, как это делают уже более двух десятилетий турки из Турецкой Республики Северного Кипра, албанцы — косовары в Косово или население бывшего «испанского Марокко» (Сахарская Арабская Демократическая Республика). Увы, но очень часто в дискуссиях о перспективах отношений между Россией и Западом интересы малых народов уходят на второй план, рассматриваются исключительно в инструментальном плане.

Однако не хочется ограничивать рецензию одной лишь полемической стороной. Некоторые выводы Рональда Асмуса кажутся мне принципиально важными не только с научной, но и с практической точки зрения. Автор пишет о том, что в «пятидневной войне» не было победителей и побежденных. И это не красивая метафора. Грузия потеряла территории (которые, впрочем, и раньше были «чемоданами без ручки»), но и Россия приобрела далеко не блестящее геополитическое наследство. Установление протектората над Абхазией и Южной Осетией заставило взять социальную, военную, политическую, финансовую ответственность за них. И все это в непростых условиях незавершенного этнополитического выбора (особенно в Абхазии). Жесткое же расхождение во взглядах с Западом на проблему двух республик чревато ростом не только антиамериканизма внутри России, но и антимодернизационных настроений, нацеленных на превращение страны в закрытую от внешнего воздействия. И конечно же, Кавказ после 2008 года уже не будет прежним. Автор книги подчеркивает возросшее внешнее вмешательство в регион, а также его геополитическую диверсификацию.

И последнее соображение. Тот факт, что Рональд Асмус пригласил автора настоящей рецензии на презентацию своей книги в Брюссель, заранее зная о том, что прозвучит из его уст, дорогого стоит. Данное событие свидетельствует о том, что западное экспертное сообщество готово слушать и слышать иную позицию, даже не совпадающую с «мэйнстримом» в США и в Европе, воспринимать критику и даже соглашаться на последующую корректировку своих взглядов. И этому нам следует поучиться, даже если наши воззрения полностью опровергают оппонентов.

Сергей Маркедонов,
кандидат исторических наук, доцент РГГУ

---

* Полные аудио- и видеозаписи презентации см.
http://www.gmfus.org/event/detail.cfm?id=655&parent_type=E

Региональное книжное обозрение

Филиппова Н.А. Представительство публичных интересов в федеративном государстве: особенности российской национальной модели. — *Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2009.* — 394 с.

Как это ни удивительно для нашего «вертикального» времени, в России продолжают выходить работы, посвященные такому экзотическому феномену, как российский федерализм. Причем книги основательные, интересные, нацеленные в будущее — в то близкое будущее, когда федералистские основы нашего государственного бытия вновь предстанут размороженными, а сам федерализм из музейного экспоната превратится в живую политическую сущность. Именно в этот разряд я зачисляю книгу Натальи Филипповой, преподавателя Сургутского государственного университета, вышедшую на Урале.

Заглянув прежде всего в заключение — с подобными книгами такое позволительно, — я сразу же наткнулся на следующие слова: «За относительно короткий промежуток времени политико-территориальное устройство России было изменено кардинальным образом. Но положения Конституции

в части регулирования федеративного устройства остались прежними. И это обстоятельство — главный парадокс в реформе российского федерализма» (с. 385). Удивительно точное наблюдение, в котором хотелось бы лишь подкорректировать концовку: говорить, на мой взгляд, надо о парадоксе не столько реформы, сколько неуклонной деградации федеративной государственности в нашей стране. Это, впрочем, вопрос акцентов; в большей части своих констатаций исследовательница также права. Несмотря на достаточно тяжелую — для читателя — стилистику книги, на ее страницах в обилии разбросаны наблюдения, заставляющие задуматься. Вот, например, одно из таких мест: «Своеобразие российской Конституции (в регулировании федеративных отношений) обусловлено не столько теми правилами, которые в ней есть, сколько теми, которых нет» (с. 273). С этим невозможно спорить; более того, указанный тезис следует даже усилить.

Невнятица и противоречивость текста, ставшего в 1993 году Основным законом Российской Федерации, представлена в книге с дотошной убедительностью, и уже ради этого стоит попытаться пробраться сквозь дебри

юридически вязкого повествования. Но многозначность нашей Конституции, в одной статье утверждающей одно, а в другой, по соседству, постулирующей нечто противоположное, позволяя тем самым манипулировать правовой реальностью по усмотрению официально уполномоченных ее толкователей, распространяется не только на федерализм. Российская Конституция — *вся такая*. И если она *de facto* позволила, не меняя ни единой буквы конституционного текста, переформатировать государство, базирующееся на принципе рассредоточения власти — федеративное государство — в его вертикально выстроенную противоположность, то это во многом объясняет, почему нынешняя российская власть повторяет о неизменности этого текста. Постмодернисты многократно разъяснили нам, что предельно многозначные тексты, как правило, *пусты* в смысловом отношении. А это, согласитесь, чрезвычайное удобство: с помощью подобного инструментария оправдывается все что угодно.

Книга выстроена вокруг идеи о том, что представительство и согласование публичных интересов есть социальная основа федеративной государственности и важнейшая характеристика его правовой природы. Если такое согласование дает сбой — федерализм превращается в фикцию. В работе пять глав, четыре из которых посвящены различным юридическим аспектам функционирования Российской Федерации как правового целого, а пятая глава анализирует федеративную реформу 2003–2008 годов. Оценивая это преобразование, Наталья Филиппова подчеркивает, что оно явно преумножило потенциал унитаризма и централизма. Но этот бесспорный факт, по ее мнению, не повод для уныния, ибо он «не отрицает, а лишь откладывает» необходимость реализации в России альтернативного — неофедералистского — сценария (с. 389–390). И это, как мне кажется, прогноз, с которым невозможно спорить.

Андрей Захаров

Контрапункт

ДРУГИХ ПИСАТЕЛЕЙ НЕТ. И НЕ БУДЕТ

Бенедикт Сарнов. Сталин и писатели. Книга первая. — М.: Эксмо, 2009. — 832 с. Книга вторая. М.: Эксмо, 2008. — 832 с.

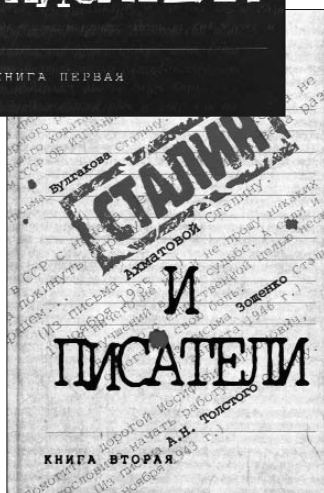
Бенедикт Сарнов принадлежит к особому типу писателей. К ним невозможно относиться равнодушно. Читатель, симпатизирующий Сарнову, приветствует в нем все. И своенравное обращение с документами — всегда истолковательное, никогда не академическое. И жестко поколенческую картину мира (демократия всегда хорошо, консерватизм неизменно плохо; отказ от пафосного обличения антисемитизма сам по себе есть латентный антисемитизм; религиозность Пушкина под вопросом, а революционность вне сомнений и т.д.) И пристрастность: если Сарнову не нравится Пастернак как личность, хотя стихи его скорее по душе, то Пастернаку будут ставить лыко в строку. А если нравится *лично* Ахматова, то у нее обнаружится беспримесный героизм, даже если какие-то отдельные строки придется Бенедикту Сарнову не по вкусу.

Следует признать: симпатизирующий читатель прав. Потому что искренность неотделима от некоторой доли субъективизма. Верность поколенческим стереотипам — всего лишь обратная (и неизбежная) сторона верности идеалам, а Сарнова заподозрить в прагматизме и холодности невозможно. Его сила — в личностном отношении к истории; раз навсегда он выбрал путь страстного рассказчика о русской культуре и российской жизни. А все остальное — входит в «стоимость путевки».

Если же Сарнов не нравится, ему будут пенять за все. За то, что не ученый, а писатель на литературно-исторические темы. За то, что в отличие от большинства безжизненных, но «правильных» литературоведов, Сарнова читать интересно; он вызывает огонь на себя, причем сознательно, ведя нескончаемый спор с читателем, с литературными врагами, да

Александр Архангельский

и с самим собой. За то, что не скрывает слишком личного отношения к предмету. За то, что ставит самые болезненные вопросы современности на материале прошлого, откровенно переверстывая его под настоящее.

И те, кому Сарнов не по сердцу, тоже по-своему правы. Поскольку есть великая научная традиция, предполагающая беспристрастность, изучение источников во всей их полноте, отказ от предустановленности выводов и оценочности суждений. Ученый тоже может испытывать к своим героям сложную гамму разнородных чувств; но, во-первых, чувства эти не должны быть проявлены слишком отчетливо, во-вторых, и это главное, чувства не предшествуют исследованию, а возникают и меняются по ходу. Условно говоря, вольный рассказчик сарновского типа заранее знает, что Пастернак подчас метался; рассказчику это не нравится; свое недовольство он подтверждает новыми и новыми фактами. А сдержанный ученый исходит из того, что ничего заранее не известно: появился факт — переживаем, появился новый — меняем свое отношение. Есть в академическом исследователе что-то от Душечки; есть в вольном рассказчике что-то от фольклорного царя. Кого хочу, сужу, кого желаю, милую.

Те, кому Сарнов по душе, прочтут двухтомник «Сталин и писатели» на одном дыхании, не отрываясь. Вместе с ним они будут вышивать философско-публицистические узоры по биографической канве Маяковского и Эренбурга, Мандельштама и Ахматовой; наблюдать за судьбами писателей, растворенных в Сталине и отторгающих его. И вместе с Сарновым станут разгадывать политико-психологическую загадку вождя, подбиравшего отдельный ключик к каждому из сарновских персонажей. На чем сломал этого? За что купил сего? Почему не смог одолеть сию? Они будут радоваться точности сарновских формулировок; надо же, угадал: Мандельштама вождь ранил в самое уязвимое место, *совесть*, и вверг в некий комплекс литературной вины, которую великий Осип Эмильевич изживал в своем трагическом творчестве. И не станут обращать внимание на ворчливые замечания тех, кто Сарнова не любит. Ну и что с того, что это все недоказуемо? Что толкования стихов субъективны? Зато интуиция Сарнова проникает в самую глубину литературного подсознания поэта Мандельштама, и происходит синергия публицистической мощи истолкователя и стихотворной силы великого лирика. Да и кто сказал, что в литературном деле существует объективность?

Тут нужно с самого начала выбрать и решить, чего вы лично хотите от книги Сарнова: деловитой четкости и самокритичного понимания реального хода истории или вольного ее истолкования с весьма заметной

примесью субъективизма. Первого от Сарнова не ждите; второго будет в избытке. Но самое существенное и самое ценное все-таки заключено не в этом. Самое существенное, самое ценное заключается в том, что вы станете свидетелями на метафизическом процессе «Сталин против русской литературы; Советская культура — за Сталина». И вам придется постоянно самоопределяться. С кем же вы из мастеров культуры.

Это настоящая душевная работа; иногда мучительная, иногда радостная. Но не позволяющая уклониться. И не оставляющая нам шанс на равнодушие.

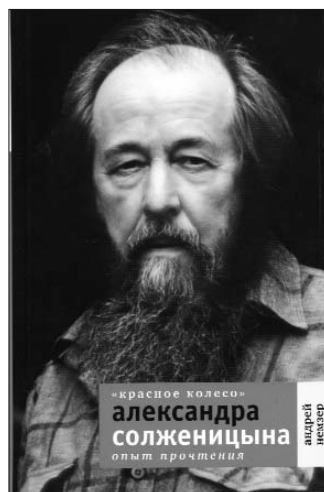
ДРУГИЕ ПИСАТЕЛИ БЫЛИ. И ЕСТЬ

Андрей Немзер. «Красное колесо» Александра Солженицына: Опыт прочтения. — М.: Время, 2010. — 368 с.

Последние несколько лет своей жизни Александр Солженицын посвятил подготовке итоговой версии самой *нечитанной* из всех своих великих книг, романно-хроникальной эпопеи «Красное Колесо». Том за томом, роман за романом выходили крохотным (для нобелевского лауреата) пятитысячным тиражом: каждый из романов был сопровожден обширной статьей, в которой объяснялись исторические реалии, описывались принципы поэтики, интерпретировались сюжетные линии. Автором всех очерков был известный литературовед и критик Андрей Немзер; большинство из этих статей Солженицын успел прочитать и обсудить.

Это колоссальное преимущество для исследователя — проверить с помощью писателя свои догадки и построения. И в то же время колоссальное испытание. Потому что всякий сочинитель хочет получить не интерпретатора, постигающего его замысел (а значит, этот замысел развивающего), а научного медиума, академический рупор собственных мыслей. Судя по всему, оба они, автор и его исследователь, сумели пройти по грани, не сорвавшись. Писатель смог прояснить свои идеи, художественные, исторические, политические; интерпретатор сохранил святое чувство дистанции, свободу от диктата любимого автора.

Теперь эти очерки, прошитые, пронизанные общим научным замыслом, объединены в книгу и представлены на суд читателя. Тут начинается самое интересное и самое мучительное. А кто он, этот читатель? Полтора десятка чудаковатых профессоров, разбросанных по миру и запертых в университетах, как под духовным домашним арестом? Им книга Немзера будет интересна, важна; они многое узнают из нее о движении сюжета сквозь время, о столкновении меняющегося Солженицына с его собственным исходным концептом. Глазами Немзера увидят, как смягчался суровый автор по отношению к тем историческим персонажам, кого поначалу собирался записать в основные виновники русской револю-

ции, — Милукову и всей либеральной братии; в последних томах они не то чтобы симпатичнее, чем в первых, но трагичнее — они не столько болтливые злоумышленники, сколько разговорчивые жертвы грандиозного, обезличенного процесса, страшного хода Красного Колеса.

Но в том и дело, что и Солженицын, и погруженный в его творческий мир Немзер не согласны с идеей полной обезличенности. Личность не всегда может, но всегда обязана противостоять обстоятельствам; из этого противостояния может ничего не получиться, если пришло время всему обрушиться, но тем не менее — история осудит любого, кто мог, но не пожелал встретить бурю лицом к лицу. Тем более того, кто ее сеял. Даже если думал, что сеет грядущий покой. С таким подходом заниматься чистой наукой не получится. Ни писателю, который кропотливо изучает все источники (куда кропотливее, чем Бенедикт Сарнов), но осмысляет их в логике романа. То есть в логике подвижной и противоречивой. Ни его интерпретатору, который старается писать как можно объективнее, спокойнее и холоднее, но в глубине души отдает себе полный отчет в том, что холода и объективности тут быть не может. И сквозь морозный узор рационального академизма просвечивает горячая поэтическая страсть.

Так вот, при таком подходе невозможно удовлетвориться восторженной реакцией пятнадцати профессоров, разбросанных по миру. При таком подходе жизненно необходим общественный отклик. И на романную эпопею. И на ее исследование. Но драма в том, что «Красное Колесо» хорошо изучено, однако же плохо прочитано. У него есть блестящие исследователи и очень мало читателей. Хотя обычно бывает наоборот. Станным образом главная книга о русской революции, причинах и формах ее проявления, о законах беззаконной исторической стихии — осталась за пределами читательского опыта абсолютного большинства россиян. Сложно! Скучно! — этот лейтмотив сопровождает любые неформальные разговоры о «Красном Колесе». И ладно бы так говорили обыватели; так говорят и политики, которым полезно бы знать и понимать устройство русской истории. И общественные деятели. И писатели. Которые без Сталина. Которые вроде бы считают себя внутренне свободными.

Одна из целей книги Андрея Немзера (помимо главной: прояснить и постичь «Красное Колесо») заключается в желании доказать: нет, не скучно, нет, не сложно. Во всяком случае, не сложнее, чем сама рассмотренная Солженицыным отечественная история. Дело не в нем как авторе, дело в нас как в читателях. И если мы отказываемся от внимательного, трудного, но в конечном счете вознаграждающего чтения «Красного Колеса», то это диагноз состоянию умов. И предвестие того, что впереди нас ждут серьезные испытания, расплата на невыученные уроки. Голос ученого звучит как глас вопиющего в пустыне; тираж его книги, тысяча экземпляров, вполне нормальный для университетской монографии, в данном случае весьма и весьма драматичен. Но Немзер продолжает делать свое дело, потому что верит: время понимания все равно придет. Только, может быть, слишком поздно. Однако это будет не его вина.

Переписка выдающегося политика, экономиста, историка, издателя Петра Бернгардовича Струве (1870–1944) и крупнейшего философа, религиозного мыслителя Семена Людвиговича Франка (1877–1950) — большой эпистолярный комплекс документов. Это поразительно интеллектуальный, нравственно требовательный, эмоциональный диалог двух ближайших друзей, собеседников, сполна раскрывающий духовную глубину их личностей, пафос жизни обоих корреспондентов. Дружба Струве и Франка, начавшаяся в 1898 году, претерпела много поворотов судьбы, вместе они были ключевыми участниками, свидетелями больших исторических событий, каждый из них по-своему творил русскую интеллектуальную историю XX века. Сила воздействия их творческого наследия на нашу современность будет только возрастать.

Эпистолярный диалог Петра Струве и Семена Франка (1922–1944)

*Алексей Гапоненков,
доктор филологических наук (Саратов)*

В письме к П.Б. Струве от 5 апреля 1943 года С.Л. Франк подводил 45-летний итог своих, прежде всего, духовных взаимоотношений со старым другом: «Я снова ощутил то, что не раз чувствовал в нашем духовном общении — замечательное, можно почти сказать, таинственное сродство наших основных интуиций — при большом различии типа личностей». Оба корреспондента выражали друг другу нечто вроде личного исповедания веры, ощущая это «сродство» в момент старости, в предчувствии близкой смерти, делая выводы из бесконечно трудной и насыщенной великими историческими событиями жизни. Еще не закончилась мировая война, а Франк во французской деревушке, что затерялась в Гренобльских горах, и Струве в парижской квартире

обдумывали каждый свою, по выражению французского философа Анри Бергсона, «основную интуицию» жизни и творчества, делились планами последних на их земном пути работ. Об этой удивительной дружбе, этапах очень насыщенного общения и многолетней переписки не раз писали, в первую очередь, сам Франк в «Воспоминаниях о П.Б. Струве»*, его сын Виктор в «Сборнике памяти Семена Людвиговича Франка» (Мюнхен, 1954). Принято считать, что Франку импонировали взгляды Струве на ценности государственности, права и культуры — его политическая философия либерального консерватизма. Английский историк Филипп Буббайер, создавший первую серьезную биографию Франка**, подробно рассматривал не только моменты общей деятельности, поразительной дружеской поддержки, участия во многих проектах Петра Струве, политиче-

* См.: Франк С. *Непрочитанное...: статьи, письма, воспоминания* / Сост. и предисл. А.А. Гапоненкова и Ю.П. Сенокосова. М.: МШПИ, 2001. С. 394–582.

** См.: Буббайер Ф. С.Л. Франк: *Жизнь и творчество русского философа, 1877–1950* / пер. с англ. М., 2001.

ских, издательских, журнальных, но и спора двух друзей в 1920-е годы, едва не приведшего к разрыву их прочных духовных связей. Наконец, М.А. Колеровым (совместно с Ф. Буббайером) была введена в научный оборот переписка Струве и Франка 1901–1905 годов*, эпистолярный 1921–1925 гг.**. С 1907 до 1917 года Струве и Франк почти не обменивались письмами, потому что регулярно общались в Петербурге, прежде всего по редакционным делам выпуска журнала «Русская мысль». Письма Франка из Германии 1913–1914 гг. и ответные письма к нему Струве нам неизвестны.

Переписка Струве и Франка 1922–1944 годов, за некоторым исключением, хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета (США), в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США), Государственном архиве РФ. Письма, начиная с 1925 года, остаются неизвестными широкой научной общественности в России. Между тем отдельные выдержки из них приводились Франком в «Воспоминаниях о П.Б. Струве», Ф. Буббайером в биографической книге о Франке. В свою очередь, Ричард Пайпс, работая над двухтомной биографией Струве***, частично ознакомился с этой перепиской. В целом довольно значительный пласт корреспонденции 1922–1944 годов позволяет проследить захватывающий эпистолярный диалог Струве и Франка и контекст их взаимоотношений в культуре русского зарубежья.

Когда пассажиры знаменитого «философского парохода» «Обербургомистр

Хаген» прибыли на немецкую землю, многие политические круги и группировки эмиграции стремились привлечь их на свою сторону. П. Струве, покинувший Россию в ноябре 1920 года вместе с побежденной белой армией, предпринял немало усилий, чтобы повлиять на своих бывших соратников Н. Бердяева и С. Франка. Ему действительно казалось, что «новые беженцы» станут его единомышленниками, разделив с ним правую антибольшевистскую платформу. Каково же было возмущение Струве, когда Бердяев и Франк отвергли самое сокровенное в его позиции: моральное признание правоты Белого движения, героического сопротивления большевизму. Струве писал Франку 29 октября 1922 года: «Моральную ответственность Вашу за каждое слово перед людьми, которые вели *активную* борьбу и после таковой ушли, я считаю гораздо более *важной*, более связывающей, чем ответственность, в смысле безопасности, за тех, кто остался там, в Совдепии».

«Реальную политику», которую Франк предлагал взамен героического сопротивления, Струве называл «псевдополитикой», «фактопрятием» установившегося большевистского режима, «примиренчеством»: «Вне идеализма и героизма Россия не может спастись — таково основное убеждение мое и все, что подрывает идеализм и героизм, мне отвратно». Расхождение между ними в понимании движущих сил революции и гражданской войны, русского крестьянства было более глубоким, чем спор о нравственной основе Белого движения.

* С.Л. Франк. *Письма к Н.А. и П.Б. Струве (1901–1905)* / Публ. М.А. Колерова // *Путь*. М., 1992. № 1. С. 263–311.

** См.: *Испытание революцией и контрреволюцией: переписка П.Б. Струве и С.Л. Франка (1922–1925)* / Предисл. Н.С. Плотникова; публ. М.А. Колерова и Ф. Буббайера; примеч. М.А. Колерова // *Вопросы философии*. 1993. № 2. С. 115–139; *Новые материалы к истории полемики С.Л. Франка и П.Б. Струве (1921–1922)* / Публ. М.А. Колерова // *Россия и реформы*. М., 1995. Вып. 3. С. 159–165.

*** См.: Пайпс Р. *Струве: левый либерал, 1870–1905*. М., 2001; Пайпс Р. *Струве: правый либерал, 1905–1944*. М., 2001.

В России устройство жизни мужика на базе социалистических идей вылилось в «самочинную народную волю»*. Это была, несмотря на корыстные устремления, все объективные условия и субъективные факторы, «бескорыстная вера, порыв к какой-то объективной правде»**. Следы полемики со статьей Франка «Религиозно-исторический смысл русской революции» (1922) находим в сентябрьском письме Струве 1923 года: «Мне в высшей степени чужд «рационализм» или «отвлеченный идеализм», но я просто убежден в объективной силе правды и за нее стоящего «героического» начала». Носители этой «объективной правды» и «бескорыстной веры» оценивались корреспондентами по-разному. Франк считал, что победить большевизм силой оружия, героическими усилиями невозможно, необходимы коренные изменения в народном сознании.

Не менее острой в переписке была полемика о евразийском движении. Франк, не будучи евразийцем, публиковался в евразийских изданиях, дружил в Берлине с Л.М. Карсавиным. Струве очень насторожили эти отношения: «К числу парадоксов нашего времени относится твоя дружба с евразийцами» (14 марта 1925). Он всячески выражал свое негодование. В сентябре 1927 года Струве написал «гневное» письмо Франку, которое до нас не дошло. Зато известен ответ Франка от 16 сентября 1927 года: «Я, конечно, не «евразиец» и никогда им не буду и потому не «впрягусь» в евразийскую ко-

лесницу. Я очень хорошо сознаю и идейную, и моральную легковесность этого направления <...>. Но вместе с тем значительность затронутых ими тем и доля истины, содержащаяся в их крикливых утверждениях, для меня бесспорна, и ощущения зазорности простого соприкосновения с ними у

«Реальную политику», которую Франк предлагал взамен героического сопротивления, Струве называл «псевдополитикой», «фактопрятанием» установившегося большевистского режима

меня нет». Франк понимал, что эти слова ранят сердце его негодующего друга, особенно в тот момент, когда тот вынужден был уйти из газеты «Возрождение» — своей общественной трибуны, огорченный и страдающий, но не сломленный и готовый к новой борьбе. Он попытался на высоком эмоциональном подъеме спора все же нащупать истину: «Мне искренне жаль, что к твоим серьезным и обоснованным огорчениям я прибавил еще одно, и я так люблю тебя, что если бы предвидел силу впечатления, которое это произведет на тебя, может быть, по этому чисто личному соображению воздержался бы от этого шага. Но разделить твои чувства по существу никак не могу, и просто не в силах со страстью обсуждать этот инцидент. Думаю, что если ты меня упрекаешь в отсутствии нравственного обоняния, то я имею гораздо большее право упрекать тебя в нравственной гиперестезии, в болез-

* Цит. по: Гапоненков А.А. Судьба России в творческом наследии С.Л. Франка // Философское наследие С.Л. Франка и современность. Материалы международной конференции. Сб. научных статей. Саратов, 2008. С. 19.

** Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Франк С.Л. Русское мировоззрение / Сост. и отв. ред. А.А. Ермичев. СПб., 1996. С. 123.

П.Б. Струве, 1905

Фрейбург, Германия 1904. Стоят слева направо: Струве, Нина Струве, В.Я. Яковлев-Богучарский, Н.А. Бердяев, сидит: С.Л. Франк

ВОЗРОЖДЕНИЕ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПЕТРА СТРУВЕ
LA RENAISSANCE
QUOTIDIEN RUSSE

Адрес редакции:
 2, rue de Stéze, 2
 PARIS (IX)

TELEPHONE: RICHELIEU 94-98
 94-99

*Привет от нас к вам и
 вашим адресу!*

*13. XI 2, Rue Bonnet-
 98b - saint, Paris IX*

Дорогой друг!

*Ваше сообщение, что вы не
 удачно спотыкнулись, и вы не
 -пале. Но я так очень рад видеть и все
 время слышать
 Слова у меня к вам так же
 предва. Передаю вам пожелание
 много от здоровья. Желаю
 всего, что вы хотите. Всегда мы
 с вами вместе и мы все
 вместе.*

*Каждому из нас и привет
 и информации нам: намерены вы
 много на в одну ночь с
 корреспонденция из Берлина, что
 вы представляете, в овейсальне*

Прочитайте это письмо!

Письмо П.Б. Струве С.Л. Франку. 13 ноября 1926 г.

ненной чувствительности. Это делает честь твоей моральной натуре, но объективно остается все-таки болезненным явлением». Струве заблуждался, ложно оценивая нравственный облик евразийцев.

Такого рода накаленных споров в переписке Струве и Франка больше не будет. В 1930-е годы отношения их взаимно доброжелательны; письма Струве (многие корреспонденции Франка этого времени, по-видимому, утрачены) изобилуют культурными реалиями эмигрантской жизни, сведениями о семье, коллегах-ученых, об участии в общественно-литературных делах, о публичных лекциях в городах Европы, замыслах новых книг и статей. По контексту писем видно, что друзья обсуждают чествование Достоевского (1931 год), пражский философский конгресс, выпуск серийной брошюры Франка «Пушкин как политический мыслитель» с предисловием П. Струве, рецензии на нее, смерть Льва Шестова, европейские события, предшествовавшие мировой войне.

На решение Франка читать лекции для немцев, в том числе и о Советской России, Струве, не медля, отвечает дружеским советом: «Но хотел бы сейчас же сказать тебе, что следует осведомлять германскую публику не только о Сов. России, но и вообще о России и русской культуре *во всем ее объеме и значении*. Именно это нужно» (19 ноября 1930). Следует отметить, что Франк принял это пожелание. Обратим внимание на названия его лекций о России: «Кризис миросозерцания и судьба России», «Русская духовная культура», «О религиозном начале в русской мысли» и т.д. При посредничестве знаменитого лингвиста Макса Фасмера (Франк давно был дружен с ним еще по Петрограду и Саратову) читать лекции в Берлин приглашается Струве. В своих письмах к

Франку он сообщает темы выступлений: «Значение Гегеля для русской культуры», «Русские отношения Клингера и Зейме» (оба для Берлинского университета). Предварительно сообщает о том, что будет читать для русской публики: «Публичную русскую лекцию я мог бы прочесть на тему “История и политика. Прошлое, настоящее, будущее. Можно ли наперед предначертать пути и формы будущей свободной России?”. Не правда ли “забористо”, соответственно твоему желанию?!» (5 июня 1932). В Берлине у Струве не так много осталось близких знакомых: «Я с Берлином имею очень мало сношений — иногда, по делам, переписываюсь с И.А. Ильиным, чаще с А.И. Каминкой, Г.А. Ландау и с тобой» (7 ноября 1931).

Содержательную часть лекционного курса в Югославии Струве дополнил давно знакомыми ему мыслями из старой работы Франка, о чем сообщил собеседнику: «Читая лекции по социологии (в Субботице), я, выясняя проблему мощи (могущества, Macht) и власти (Gewalt), указал на soziologische Vorahnungen [социологическое предчувствие. — *Ред.*] новейших явлений и “ситуаций” и начал с изложения *на память твоих* мыслей о “проблеме власти”, чтобы затем перейти к идеям *Фр. Фон Визера* и *Вильфредо Парето*» (24 мая 1935). Эту работу Франка «Проблема власти» был опубликован еще в 1908 году.

Литературно-общественная позиция, сотрудничество с тем или иным органом печати имеют для обоих корреспондентов особый смысл. Так, статья Франка «По ту сторону правого и левого» была отвергнута редакцией «Современных записок», и он отдал ее для публикации в новый журнал младоэмигрантов «Числа» (1930/1931. № 4). Струве сожалел, руководствуясь интересами друга, что не заполучил статью в газету «Россия и Славянство», буду-

чи ее ближайшим сотрудником и редактором: «Быть отвергнутым “Современными записками” и попасть в “Россию и Славянство” — это какое-то идейное расхождение, перейти же из “Современных записок” в “Числа” не имеет вовсе такого значения и есть переход в худшее помещение» (13 декабря 1930).

Струве дает очень высокую оценку философской книге Франка «Непостижимое»: «Только сегодня ее получил и не удержался кое-что прочесть. Эта книга *останется* — ее будут опровергать и поносить, но она останется. Ее трудно читать, но в ней есть части, которые пригодны для чтения вслух и тем, кто неспособен прочесть и усвоить книгу целиком (такими частями я считаю заключение и рассуждение о красоте)» (6 мая 1939).

Одно письмо от 13 мая 1939 года очень исповедально, Струве признается другу о тех глубоко личных трудностях, которые он годами испытывал, живя в Югославии: «<...> мне органически претит не только толкаться, но и “устраивать” себя. То, что проделал со мной, при пассивности “правой” части русской эмиграции, Гукасов, есть одна из самых гнусных страниц в истории всякой и всяческой общественности. То, что проделали с моим профессорством здесь, немногим лучше. <...> К этому общему положению присоединяется вообще моральное расхождение с местной эмиграцией. Она вся пронизана прогитлеровскими настроениями и идеями, а ты знаешь мое отношение к этой лжи нашего времени, которую я именно для русской эмиграции считаю злейшей отравой. Я не говорю о том, что я со всех сторон в эмиграции встречаю, правда, почтительное отношение, но смешанное с изрядной дозой и зависти и ненависти». Письма Струве включают и оценку текущего положения дел в политике ев-

ропейских держав, многочисленные прогнозы, в том числе о роли России в мире. В 1923 году он предрекает происходящим в Германии событиям важнейшее влияние на ход мировой истории (письмо от 3 сентября), добавляя, что развязка наступит не ранее 5–10 лет. Причем германские проблемы социализма и политического радикализма порождены русскими событиями. Вообще, по его мнению, в политической игре «участвуют *чувства* и *страсти* пусть меньшинства, но меньшинства, в руках которого вся власть и весь аппарат» (6 мая 1939).

Тема Германии постоянно звучит в переписке вплоть до 1940-х годов. Струве настоятельно предлагает переехать Франку в Париж, что и происходит наконец в 1937 году. 9 декабря 1939 года он отвечает на вопрос друга прямо-таки пророчески: «Ты меня спрашиваешь о том, что я думаю о мировом положении. Моя точка зрения сводится к формуле: *в один мешок*. И национал-социализм, и большевизм должны не только реально, но, главное, духовно попасть “в один мешок”. Сейчас очень немногие это понимают в полном объеме и еще менее в этом смысле ориентирована практическая политика, хотя, казалось бы, после соединенного насилия над Польшей и Финляндией, положение должно было бы быть ясно». Далее в этом письме Струве дает меткую характеристику Сталину и Гитлеру: «Сталин, к счастью, оказался менее хитер, чем можно было бы бояться, и если он, в отличие от Гитлера, не сумасшедший, то, во всяком случае, не меньший дикарь».

Мысль его возвращается к России. В письме от 7 апреля 1940 года он констатирует: «Фельетоны Зензинова в «Посл<едних> нов<остях>» я читаю внимательно. Да, Россию страшно понизили и принизили ложью и дурма-

ном — от этого придется лечиться целые десятилетия, да и можно ли будет вылечиться целому народу? Во всяком случае истории придется тут — я в этом всегда был убежден — пустить в ход *medicamenta heroica* <героические лекарства>. Струве подчеркивает, что он *оптимистично* верит в «хороший исход всех событий. Даже если это будет трудно» (15 декабря 1940). По *нраву и темпераменту* его собеседник — скорее *пессимист*.

Эпистолярный Струве и Франка начала 1940-х годов сохранился в относительно полном объеме. В этот период оба пытаются объяснить друг другу эволюцию своих воззрений, прояснить для себя и собеседника основную интуицию творчества и жизни. В эпистолярном диалоге зримо проявляются их темпераменты, философские установки, самосознание. Трагические и драматические страницы мировой войны, разлука с близкими, детьми и внуками, болезни, смерть жены Струве Нины Александровны, гибель Поля Скорера — мужа дочери Франка Наташи, бытовые подробности жизни обоих изгнанников образуют «домашний» фон переписки, ныне воспринимаемый как бесценно исторический и необходимый для осознания их глубоко личностных черт.

Франк испытывает в тяжелые времена войны, оккупации Франции и преследований гестапо необыкновенный прилив творческих сил. Он пишет книгу по философии религии «С нами Бог», обдумывает работу по теоретической философии, «в центре которой стоит проблема “творчества” как воплощения духа в чувственные формы, или “выражения” (духовного в конкретном)» (21 марта 1943). Сначала на юге Франции в Лавандоне, затем в гренобльской деревушке (департамент Изер) он лишен возможности пользо-

ваться необходимыми книгами по биологии и новейшей физике, лингвистике и эстетике и «вынужден ограничиться кратким записыванием мыслей» (там же). Он назовет эти записи «Мыслями в страшные дни» (начато 19.XI.1942)*.

В то же самое время Струве занят сразу тремя итоговыми трудами — «История хозяйства», «Система критической философии», «История экономического мышления»: «Работа трудная, ибо я могу “исторически” и вообще научно работать, только соединяя широчайшие “обобщения” с детальным исследованием, а исследовательская работа и требует необычайной точности и поглощает много времени» (31 марта 1943). Франк настоятельно советует ограничить столь широкие научные замыслы, которые «превосходят просто физическую, человеческую способность реального осуществления» (5 апреля 1943).

Книга «Система критической философии» должна была синтезировать философские идеи Струве разных лет, разбросанные в его многочисленных прежних работах, духовный опыт жизни, теоретический и практический. В письме Струве к Франку от 31 марта 1943 года сделана попытка кратко определить свое философское мироощущение: «От Вас обоих (Лосского и Франка. — А.Г.) я отличаюсь тем, что, не будучи скептиком, я убежденный агностик, и мой “теоретический” агностицизм психологически и по существу как-то связан с практическим “консерватизмом”. Если мне удастся довести до конца свою “Систему критической философии”, эта связь религиозно-метафизического агностицизма с практическим консерватизмом, построенным, как у Аристотеля, на идее *Μεδότης* <медотес>, будет как бы важнейшей *pointe* всей моей филосо-

* См.: Франк С. *Непрочитанное...* М., 2001. С. 347–393.

6.5.1943.

Дорогой друг, Петр Бернгардич!

Спасибо тебе за твоё письмо. Оно, как будто полыхает с тобой, даёт мне радость понимания с полуслова, ощущение, что ты пишешь о своём собственном, что ты пишешь только те вещи, сами по себе хорошие, и. т. и. и исчерпывающе полно соприкоснувшись к тому, к чему стремился аналогично у других мыслителей по этому поводу, что величайшая мудрость не в том, что утверждать нечто и доказать, а для эпохи расчуждения и неопределённости и инстинктивности — именно в умении — выискивать на свои вопросы и сомнения — несовершенство, слабость, недостаточность, как и думать, как и понимать, и в том, как быть и мочь и создавать — творить! мое письмо — «Сочинениях» — «конкретизация» моих философских идей и утверждений, в частности к тебе, что касается «интерпретация» широкого спектра философского (в широком смысле) конкретизированы в письме и как, как основное содержание — «Знание» и «Истина» — «Истина» и «Знание» — в неопределённых, неуловимых, в области «конкретизированы» свои идеи в области «Знания» и «Истины» — именно так, именно так, именно так.

Письмо С.Л. Франка П.Б. Струве. 6 мая 1943 г.

фии, не только социальной, но и религиозно-метафизической». К сожалению, труд этот не был завершён. В ответном письме 5 апреля 1943 года Франк уточнил свою «философскую установку», показал «религиозную эволюцию» в последние годы. Он, отталкиваясь от философии Н.О. Лосского, представил собственную позицию: «Меня

привыкли сблизжать с Лосским. <...> Но в основном я совершенно не разделяю его установки наивного (в буквальном, полном смысле слова) реализма или, что то же, догматического рационализма. <...> Напротив, моя установка в основном очень близка к той, о которой ты пишешь. Моя основная интуиция состоит в невыразимости, в отвлечен-

ных понятиях, реальности (которая, как таковая, доступна лишь целостному мистическому опыту). Но одновременно я противник всякого субъективистического феноменализма».

Для последнего периода философии Франка характерен поиск почти недостижимого синтеза философских воззрений и религиозного опыта. Об этом же он пишет Струве: «Религиозная эволюция состоит, коротко говоря, в переходе от умонастроения отрешенности к положительной религиозной оценке конкретной воплощенной жизни. Философски это отразилось в том, что — будучи всю жизнь «платоником» (и в нек<ото>ром смысле оставаясь таковым и теперь) — я только недавно (лучше поздно, чем никогда) осознал огромную положительную ценность «аристотелизма» — мотива живой, воплощающейся в конкретной реальности и ее формирующей идеи (энтелехии) — и ложность (и вредность) кульга отрешенной идеальности».

Для Франка тип личности П.Б. Струве всегда философски ассоциировался с *аристотелизмом*, себя он считал *платоником*. Они были различны по темпераменту, но оба прокладывали пути к неохристианскому синтезу и в конце жизни обнаружили «таинственное сродство... основных интуиций».

Франк разворачивал целую программу религиозно-философских «конкретизаций» и «обобщений», что стало бы «завершением» творческой жизни: «Моя основная онтологическая интуиция состоит теперь в том, что сущность бытия и жизни есть творчество, формирование, воплощение, внедрение творящего идеального начала в косную «материю». Научное естествознание возвращается

теперь (не только в биологии, но и в физике) к аристотелизму. Чтобы осуществить эту интуицию, мне нужно было бы создать универсальную философскую систему, опирающуюся на естествознание и науки о духе (психологию, языкознание, эстетику, социологию) и завершающуюся логическим и религиоз-

Франк и Струве были различны по темпераменту, но оба прокладывали пути к неохристианскому синтезу и в конце жизни обнаружили «таинственное сродство... основных интуиций»

но-философским синтезом». Но это оказалось неподъемной задачей.

1 января 1944 года Струве известил своего друга: «Я очень принял к сведению твой разумный совет: сосредоточить силы на самом главном, на обобщениях, но *моих* собственных мыслях... Задача моя немалая: дать новый и в известном смысле безжалостный синтез русской истории, не российского пространства, а русской культуры и российской государственности. Эту умственную задачу я не только разрешаю, но переживаю всеми фибрами своей души, ясно видя, что мне остался уже очень небольшой кусочек жизни в смысле творческих возможностей и способностей». В открытке от 5 февраля 1944 года Франк поздравил Струве с приближающимся днем рождения. Ответа он не получил.

Эпистолярный диалог Петра Струве и Семена Франка сам по себе выразил, говоря словами Франка, «долгий и драматический духовно-исторический опыт» поколения конца XIX — первой половины XX века и осознается культурным и историческим памятником этой эпохи русской и европейской истории.

CONTENTS

To Our Reader	5
Seminar	
On the Problem of Contemporary Understanding of All Things “Liberal” <i>Vladimir Pligin</i>	7
Theme of the Issue	
Power and Society in the Post-Communist Russia <i>Andrei Ryabov</i>	20
Round Table: The Language of Civil Society	25
A Post-Soviet Man and the Civil Society <i>Boris Dubin</i>	26
On the Languages of the Civil Society <i>Alexander Sogomonov</i>	36
Crisis	
The Post-Crisis Russian Economy: What Has Changed? <i>Serguei Vassiliev</i>	47
Politics of History	
Politics of History in Democratic Societies. Citizen’s’ Initiatives <i>Jutta Scherrer</i>	55
Discussion	
A Managed Internet: Possibilities and Limits <i>Natalia Balakireva</i>	63
Values and Interests	
The General Victimized by the Particular <i>Maxim Trudolyubov</i>	69
A Viewpoint	
Drifting with the Current <i>Alexander Volkov</i>	76
A Life in the Profession	
«... telling the tale of pain, memory and reminders» <i>Zoya Eroshok</i>	82

Ideas and Notions

The Political Concept of Network Governance <i>Serguei Bol'shakov</i>	87
--	----

Announcement

On Political Equality <i>Robert Dahl</i>	97
---	----

Books

The Five-day War <i>Serguei Markedonov</i>	102
---	-----

Regional Book Review <i>Andrei Zakharov</i>	109
--	-----

Counter-Point <i>Alexander Arkhangelskii</i>	111
---	-----

Nota bene

Epistolary Dialogue of Piotr Struve and Semyon Frank (1922–1944) <i>Alexei Gaponenkov</i>	115
--	-----

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И МОДЕРНИЗАЦИЯ

СЕМИНАР

(Голицыно, 15–17 апреля 2010 г.)

Наши авторы:

Людмила Алексеева

Лев Гудков

Андрей Захаров

Кристофер Коукер

Федор Лукьянов

Виктор Панкращенко

Квентин Пил

Владимир Плигин

Владимир Рыжков

Андрей Рябов

Александр Согомонов

Дмитрий Тренин

Максим Трудолюбов

Квитанция	<p><u>АНО «Московская Школа Политических Исследований»</u> (получатель платежа)</p> <p>ИНН 7709515010 КПП 770301001 р/сч. № 40703810900000020710 в Банк ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва БИК 044525716 Сч. № 3010181010000000716</p> <p><u>Подписка на журнал “Общая тетрадь” (4 выпуска 2010 г.)</u> (наименование платежа)</p> <p>Плательщик (ФИО) Адрес: _____ Сумма платежа 800 рублей 00 копеек Подпись _____</p>
Кассир	<p>ИЗВЕЩЕНИЕ</p> <p><u>АНО «Московская Школа Политических Исследований»</u> (получатель платежа)</p> <p>ИНН 7709515010 КПП 770301001 р/сч. № 40703810900000020710 в Банк ВТБ 24 (ЗАО) г. Москва БИК 044525716 Сч. № 3010181010000000716</p> <p><u>Подписка на журнал “Общая тетрадь” (4 выпуска 2010 г.)</u> (наименование платежа)</p> <p>Плательщик (ФИО) Адрес: _____ Сумма платежа 800 рублей 00 копеек Подпись _____</p>
Кассир	

**Оформить подписку на журнал «Общая тетрадь»
можно следующим образом:**

- 1. Заполните квитанцию.** Укажите Ф.И.О., адрес с индексом, на который будет приходиться бандероль с журналом.
- 2. Оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка РФ.** Копию оплаченной квитанции отправьте нам по факсу (495)699-01-73 или по эл. почте msps@msps.su
- 3. Подписка для юридических лиц оформляется на основании заявки и оплаты выставленного счета.** Оформить заявку вы можете по эл. почте msps@msps.su или по тел. (495)699-01-73.

Подписано в печать 19.04.2010.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 999 экз.

Заказ №

Московская школа
политических исследований
127006, Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: msps@msps.su
<http://www.msps.su>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

ISBN 978-5-91734-012-8

9 785917 340128